

Документ подписан простой электронной подписью

Информация о владельце:

ФИО: Жуйкова Татьяна Валерьевна

Должность: Директор

Дата подписания: 08.08.2024 09:36:48

Уникальный программный ключ:

d3b13764ec715c944271e8650f1e6d3513421163

Министерство просвещения Российской Федерации

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт

(филиал) федерального государственного автономного

образовательного учреждения высшего образования

«Российский государственный профессионально-педагогический

университет»

федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Уральский государственный педагогический университет»

А. М. Олешкова

ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Учебно-методическое пособие

УДК 316.77(075.8)
ББК С524.224.022я7
О53

Печатается по решению Ученого совета НТГСПИ (филиала) РГППУ
(протокол № 5 от 24 декабря 2020 г.).

Рецензенты:

Ольховикова С. В., канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и технологии ГМУ Института экономики и управления УрФУ им. первого президента России Б. Н. Ельцина;

Мочалова Н. Ю., канд. филос. наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук НТГСПИ (ф) РГППУ.

Олешкова, А. М.

О53 Проблемы межкультурной коммуникации: теория и практика : учебно-методическое пособие / А. М. Олешкова ; Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет» ; Уральский государственный педагогический университет. – Нижний Тагил : [б. и.] ; Екатеринбург : [б. и.], 2022. – 110 с. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7186-1946-1

В настоящем пособии представлен обзор теоретических подходов к анализу коммуникации с точки зрения четырех «поворотов» (лингвистического, визуального, онтологического, когнитивного); акцентированы основные направления изучения текста и дискурса, которые позволяют рефлексировать изменения режимов использования языка и новых настроек коммуникации, характерных для современного общества; представлены аутентичные тексты, практико-ориентированные задания и проблемные ситуации, анализ которых направлен на формирование дискурсивной компетенции студентов, развитие социологического воображения и эмпатии, необходимых для будущих педагогов, историков, обществоведов. Проблемы межкультурной коммуникации учитывают классическое и динамическое понимание феномена культуры.

Пособие предназначено для студентов, изучающих дисциплины «Проблемы межкультурных коммуникаций», «Этика», «Философия», «Социология», «Социология культуры», «Политическая конфликтология».

Печатается в авторской редакции.

УДК 316.77(075.8)
ББК С524.224.022я7

© Олешкова А. М., 2022
© Нижнетагильский государственный
социально-педагогический институт (филиал)
ФГАОУ ВО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет», 2022
© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2022

ISBN 978-5-7186-1946-1

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. Лингвистический поворот	7
Список источников и литературы.....	22
Тексты для самостоятельного анализа.....	24
Практические задания.....	30
Глава 2. Визуальный поворот	37
Список источников и литературы.....	47
Тексты для самостоятельного анализа.....	49
Практические задания.....	57
Глава 3. Онтологический поворот	61
Список источников и литературы.....	70
Тексты для самостоятельного анализа.....	72
Практические задания.....	80
Глава 4. Когнитивный поворот	84
Список источников и литературы.....	91
Тексты для самостоятельного анализа.....	93
Практические задания.....	101
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	108

ВВЕДЕНИЕ

Современный поликультурный мир, начиная со второй половины XX в. и сегодня, характеризуется противоречивыми процессами глобализации.

В XXI в. идеи мультикультурализма, толерантности, гуманности, либерализма, политкорректности проходят серьезную проверку на прочность. Важно обратиться к проблемам межкультурной коммуникации и методологии ее исследования как в рамках академического интереса, так и с точки зрения общественной актуальности темы.

В данном пособии коммуникационная парадигма будет раскрыта с позиции *исследователя процесса коммуникации и актора коммуникации*.

Проблемы межкультурной коммуникации учитывают не только классическое понимание культуры, обуславливающее оперирование понятиями «национальная», «этническая» культуры, но и трактуются в контексте динамического понимания культуры, что позволяет учесть сложности взаимодействия разных социальных групп, включить в культурологический анализ социально-политическую ситуацию, в логике дискурсивных исследований – экстралингвистические факторы.

Межкультурная коммуникация, являясь комплексным объектом, представляет собой взаимодействие на макро-, мезо- и микроуровнях. Применительно к понятию и процессу «коммуникации» существует множество определений и подходов. Будучи также междисциплинарным феноменом, понятие «коммуникация» соотносено с целым рядом явлений, позволяющих характеризовать социальные аспекта мира в языковых категориях: *текст, дискурс, речь, общение*.

В данном учебно-методическом пособии представлена попытка разграничить уровни научной рефлексии коммуникации с позиции основных поворотов (turns), определивших методологические поиски современного научного знания в междисциплинарной перспективе: *лингвистический, визуальный, онтологический и когнитивный*.

Поворот – это концептуальная конструкция, которая позволяет ученому описывать состояние и развитие культуры. Сам термин «поворот» связан с именем Р. Рорти. Условно первым поворотом, обусловившим последующую логику восприятия культурной динамики, считается «лингвистический поворот». «Лингвистический поворот» представляется системообразующим для иных векторов развития научного дискурса и способов изучения коммуникативных практик субъекта. Тезис «мир как текст» обуславливает не только постмодернистское понимание человека и культуры, но и возможность анализа социокультурного пространства через знаково-символическую форму, необходимость применения междисциплинарной методологии анализа текста и дискурса.

Логика изложения материала в пособии учитывает два фактора. Во-первых, особенности процесса коммуникации и статус «говорящего субъекта». Во-вторых, стратегии изучения дискурсивной реальности, в которой находится человек, знание и освоение которых позволит понимать условного Другого.

Как следствие, в данном тексте 1) актуализирован теоретический материал, который позволит составить представление о накопленных традициях и тенденциях изучения коммуникации и дискурса; а также практический материал, связанный с анализом ключевых работ авторов, в том числе на материалах английского, немецкого, французского языков; 2) организована работа с разными группами и типами источников (публикации в СМИ, карикатуры, мемы, комиксы, кинематограф, фотокарточки, социальные медиа, Интернет-комментарии, результаты анкетирования, социологические опросы, экспериментальные данные и др.).

Содержание материала в пособии распределено согласно принципу дополнительности, так чтобы и теоретическая, и практическая части, с одной стороны, расширяли представление о каждом аспекте темы, не дублируя информацию, с другой стороны, обладали эвристическим потенциалом, носили обучающий характер, углубляя представления студентов о каждой теме. Именно актуализация связи между языком, мышлением, сознанием позволяет рассмотреть процесс коммуникации с точки зрения четырех «поворотов» в науке. Как следствие, работа с разделами (главами) пособия должна осуществляться последовательно с целью понимания взаимосвязи «поворотов», при этом возможно обращение к отдельным аспектам темы, в частности, к практическим заданиям и первоисточникам.

Критические дискурсивные исследования и в целом метод дискурс-анализа представляют собой новое ядро «лингвистического поворота», обуславливают ведущие исследовательские направления в социально-гуманитарном знании, в том числе когнитивных науках (когнитологии, когнитивистике). Авторские подходы специалистов в этих областях (а также ученые, оказавшие влияние на становление этих подходов) можно применять к темам всех четырех разделов, что позволяет раскрыть межкультурную коммуникацию как процесс, подлежащий разнообразной интерпретации. Например: Лингвистический (Фэркло, Водак, Витгенштейн); Визуальный (Жижек, Лакан); Онтологический (Фуко, Хабермас, Хоркхаймер, Адорно); Когнитивный (Лакофф, Джонсон, Витгенштейн). При этом концепции и тезисы обозначенных исследователей (как представленных выше, так и раскрытых далее в тексте пособия) могут быть включены и в иные «повороты», что подчеркивает 1) универсальность самой схемы «поворота»; 2) фундаментальность взглядов мыслителей; 3) концептуальность и многомерность понятий «дискурс», «текст», «коммуникация»; 4) связь лингвистических, философских, политологи-

ческих, культурологических и когнитивных исследований применительно к данным дефинициям; 5) двойственность функционала дискурса: обладает структурирующей функцией и сам является социально структурируемым феноменом.

Подходы обозначенных авторов позволяют учесть философский, социологический, психологический, лингвистический и иные аспекты анализа коммуникации. Кроме того, в ряде случаев будет очевидна эволюция взглядов авторов теорий (например, тексты «раннего» и «позднего» Витгенштейна и Фуко), что также указывает на многомерность интерпретаций природы языка и коммуникации и сложность их однозначной трактовки.

Существующие проблемы межкультурной коммуникации также можно рассредоточить по четырем поворотам научного знания, методологический и методический потенциал которых, соответственно, помогает узнать, интерпретировать и понять Другого, преодолев обозначенные проблемы, связанные с дихотомией «свой – чужой».

Лингвистический поворот (языковые различия, ошибочные вербальные интерпретации); Визуальный поворот (ошибочные невербальные интерпретации); Онтологический поворот (предубеждения и стереотипы, этноцентризм); Когнитивный поворот (допущение сходств, стремление оценивать, повышенная тревожность).

Целью курса является развитие социологического воображения (Sociological imagination, Ч. Миллс), благодаря которому обществовед и любой профессионал, работающий в сфере Человек-Человек, овладеет способностью категоризации социальных процессов и явлений, умениями выходить за пределы наивной созерцательности и переходить к аналитике социокультурного пространства, ключевой частью которого является процесс коммуникации во всем его многообразии. Способность понять Другого, в том числе коллег, учеников, родителей, политиков, журналистов – важная задача, которая поставлена перед обществоведом и историком, будущим учителем.

ГЛАВА 1. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

Лингвистический поворот в философии

«Лингвистический поворот» меняет представление о социальном пространстве, способствует междисциплинарному взгляду на генезис и функционирование языковой системы. В межкультурной коммуникации язык обладает не только коммуникативными, но и гносеологическими возможностями. Культура представляет собой «разговор», который сочетает в себе различные основания и подразумевает «диалог». Социальный мир организуется и представляется посредством языка. Язык в этой связи является социальным конструктом. Использование языка – наложение социальных реальностей, способ формирования онтологии, гносеологии и эпистемологии; язык определяет этику и мораль, ценности и нормы; язык структурирует социальные отношения и институты. «Лингвистический поворот» стал результатом «критики метафизики», которая характеризовалась оторванностью науки от жизни. Для понимания человека и общества необходимо непосредственное погружение в социальную реальность, важными аспектами которой стали считаться коммуникация, язык, текст.

«Лингвистический поворот» предполагает изменения во всем комплексе социально-гуманитарного знания. Важной точкой отсчета представляется философский ракурс проблемы, в рамках которого актуализация интереса к языку произошла во второй половине XIX в. в контексте эволюции от классического к неклассическому знанию. «Лингвистический поворот» в философии рефлексировался не только профессиональными философами, но и математиками, логиками, лингвистами, которые заложили фундамент современных философских и междисциплинарных теорий.

Логический атомизм. Б. Рассел, Л. Витгенштейн сформулировали проблему языка науки, задались вопросом соотношения речи и мышления. В этой связи необходимо было избавиться от парадоксальных двусмысленностей и провести логический анализ языка. Философия должна была помочь обрести высказыванию ясность. Атомизм предполагал на основе атомарных фактов и на основе совершенства языка формирование соответствующей научной картины мира. Логический анализ лежит в основе классификаций предложений [Колесников, с. 39]. Предложения бывают простые и сложные, их можно сравнить с фактами, из которых состоит мир (атомарные и молекулярные). С одной стороны, отражение фактов в языковом выражении позволяет утвердиться в отдельном факте. С другой – абстрактные положения не являются ни истинными, ни ложными, представляя собой бессмысленные выражения («мир объективен», «материя первична»).

Венский кружок. М. Шлик был основателем Венского кружка. Ученый писал о необходимости верифицировать истину не только фактически, но и логически. Философия не только должна заниматься критико-аналитической деятельностью с целью прояснить смысл тех слов и выражений, которые претендуют на истину. Философия сама должна представлять собой деятельность [Колесников, с. 41].

Анализ обыденного языка. В своих поздних работах Витгенштейн обращается к проблемам повседневного языка, указывая на его сложную и противоречивую природу, острота которой снимается конвенциональными связями, формирующимися между «говорящими субъектами». Философы Великобритании (Г. Райл, П. Стросон, Дж. Остин и др.), США (М. Блэк, Н. Малкольм и др.) обратились к изучению естественных языков с точки зрения интерпретации их смысла. Конвенциональность иллокутивных актов рассматривал, например, Остин, который представил классификацию глаголов в соответствии с иллокутивной силой [Чистанова, с. 80–90]. Ученые обращают внимание на структуру предложения, в которое включено конкретное слово. Слово вне него будет бессмысленно [Васильев, с. 172–181]. Критерием осмысленности и правильности высказываний является возможность использования антитезы и успешное использование обыденного языка в рамках той или иной ситуации. Таким образом, обозначается важная проблема контекста, которая будет выведена на первый план в дискурсивных исследованиях.

Р. Рорти. «Лингвистический поворот». В одноименной работе философ обозначил необходимость соединения англо-американской лингвистической философии и европейской герменевтики. Рорти отмечает интересубъективность конструирования реальности [Губман, Ануфриева, с. 176]. Ученый заостряет внимание на возможности выражения любого суждения посредством языка, что обуславливает самостоятельность дискурса, фактически обозначая его единоличную претензию на обладание знанием. Философ раскрывает значение и проблемы истории, важной для развития постклассической философии.

Лингвистическая философия и философия языка. Как и в случае с социолингвистикой и лингвистической социологией (см. далее) существуют разные варианты соотношения данных направлений. В XX в. философия языка стала ядром как аналитической философии, так и философского знания в целом, определив развитие социально-гуманитарных дисциплин [Песина, с. 119]. Американский философ Дж. Серл отмечает необходимость различения философии языка и лингвистической философии. 1) Находясь в тесной взаимосвязи друг с другом, лингвистическая философия отражает попытки решения философских вопросов посредством интерпретации и анализа значений слов и установления отношений между ними. Примеры подобных философских проблем: детерминизм,

скептицизм, каузация. Философия языка представляет собой вариант анализа общих языковых единиц и отношений: истина, референция, верификация, речевой акт. Так, Серль продолжил развитие теории речевых актов, предложенную Остином. 2) Философия языка – объект, тема, изучаемая в философском знании. Лингвистическая философия – философский метод [Серль, с. 6].

Выводы. Обращение философов к проблематике языка обусловлено генезисом научного и философского знания, а также связано с процессом дифференциации наук и необходимостью проанализировать понятийный аппарат, научный язык. «Лингвистический поворот» в философии можно представить в нескольких этапах: логический анализ языка Рассела и Витгенштейна; работы Венского кружка, посвященные универсальным высказываниям, процедуре верификации истины высказывания (Шлик); анализ обыденного языка. Философия языка и лингвистическая философия тесно связаны, акцентируют внимание на анализе языковых единиц и традиционных философских вопросов.

Вопросы и задания по теории

Каков генезис лингвистического поворота в других науках? (в социологии, истории)?

Перечислите научные области, к которым относились представители «лингвистического поворота» в философии. Как на ученых повлияло знание физики, математики?

Укажите на ограничения, несовершенство каждого этапа развития «лингвистического поворота» в философии с точки зрения методологии.

На основе источников и литературы сформулируйте основные идеи философских школ, направленных на анализ языка (аналитическая философия, герменевтическая школа, экзистенциализм).

Лингвистический поворот в социологии

Долингвистический период. После изменений в сфере философии социология также испытывает влияние «лингвистического поворота». Начиная с 1960-х гг., пристальное внимание связи общества и языка уделяется не только в гуманитарных, но и социальных дисциплинах. Однако до этого времени социология развивалась как самостоятельная область знания уже целый век. Первые социологи, являющиеся классиками, больше интересовались общими закономерностями развития общества, в определенной степени можно сказать, что социологические концепции были оторваны от реальной жизни. При отсутствии акцента на языковых факторах развития общества нельзя не отметить идеи классиков социологической мысли, повлиявшие на расширение проблемного поля дисциплины. 1) Взгляды О. Конта обусловили размежевание философского и

социологического знания. Сама перспектива проведения эмпирических исследований была важна не только для развития самой социологии, но и для междисциплинарного синтеза науки с иными областями знания. 2) Дюркгейм обратил внимание на «социальные факты», оказывающие влияние на субъекта, что также способствовало разрыву социологии с метафизической традицией. 3) Вебер исследовал ценностную систему общества, представил попытку интерпретации социальных действий. В целом, классика социологии если и не определяет фундамент для использования лингвистических методов при анализе социальных процессов и явлений, то как минимум закладывает основы для дальнейшей научной кооперации, так как наметились два важных направления. Исследование общих закономерностей социального развития представлено через основы субъективной (Вебер) и объективной (Дюркгейм) социологий, что стало следующим шагом по пути продвижения в понимании социума и предполагает рефлексивное повседневно поведение субъекта на дискурсивном уровне и в неявно выраженных представлениях субъекта, нуждающихся в выявлении и анализе. Закономерно движение социальной мысли от формирования идеальных моделей к реалиям отклонения от нормы. Бинарная оппозиция «субъективное – объективное» сменяется анализом межсубъектности.

Новый взгляд на повседневность. Начиная с Дж. Мида, акцентируется внимание на лингвистическом аспекте социологической науки. Интеракционистская традиция стала ответом на схематизацию процесса социального взаимодействия со стороны бихевиоризма. С точки зрения Мида, в коммуникации важную роль играют не только стимулы и реакции индивидов (что позволяет сопоставлять поведение людей и животных), но и символы [Мид, с. 167], кодирующие эмоции, переживания, стратегии действия субъекта. Языковая коммуникация, символическое взаимодействие не только являются внешним проявлением активности человека, но и отражают внутренний мир личности. Интеракционизм (вместе с герменевтикой, социологией повседневности, теорией коммуникативного действия, рефлексивной социологией) позволил сформулировать ряд важных положений, оказавших влияние на социолингвистику и лингвосоциологию: язык – это основной механизм формирования личности и разума; идентификация себя и Других происходит посредством языка; важной является ситуация, в которой субъект интерпретирует себя.

Язык и развитие социологической мысли. Следует отметить, что обозначенные теории демонстрируют способность социологии к научной кооперации. Кроме того, исследуемая проблематика и подходы имеют отношение и к «онтологическому повороту» в исследованиях дискурса, о котором речь пойдет в соответствующей главе.

1) Интеракционистские теории обусловили акцент на взаимодействии субъектов посредством установления символических связей: через язык, жесты, телодвижения, культурные символы. Ученые обратили внимание на изучение эмоций, идентичностей, моделей коллективного поведения. В этом направлении исследования коммуникации следует обратиться к работам целого ряда авторов [Мид, Кули, Гофман, Гарфинкель]. Вследствие развития интеракционистской традиции (в том числе микроинтеракционистской) стала разрабатываться социолингвистика как самостоятельная область знания, особенно нужно отметить коммуникативную этнографию и интерактивную социологию. 2) Герменевтика, первоначально являющаяся способом толкования религиозных текстов, также оказала влияние на развитие «лингвистического поворота». В этом отношении следует обратить внимание на работы Шлейермахера, Дильтея, Гадамера, Хайдеггера, Рикера. Язык является онтологическим явлением, поэтому для человека он представляет собой обязательный контекст, «дом бытия». Процесс понимания связан с языком. Язык характеризуется надличностным, внеличностным статусом. При этом он существует в процессе диалога, именно тогда он проявляется в субъекте. Успешное понимание текста, а в конечном счете и его автора, связано с процедурой интерпретации. Дистанцированность, которая складывается в процессе прочтения и коммуникации, это одновременно необходимое условие для понимания и преграда, отдаляющая нас от субъективного замысла автора. Интерпретативная стратегия приложима к сфере деятельности субъектов, поэтому герменевтика может быть частью социологического проекта. В интерпретативную парадигму равным образом можно включить символический интеракционизм, феноменологию, герменевтику и этнометодологию [Курилович, с. 15]. 3) Этнометодология как способ изучения организации повседневного опыта человека связана с именем Гарфинкеля. Обыденная жизнь, рутинизированные практики и межличностное общение становятся предметом социологического анализа. Именно через речевые акты можно понять особенности повседневного мира личности. Именно этнометодология через анализ диалога давала возможность проникнуть в особенности обыденной жизни. 4) Теория коммуникативного действия Хабермаса аккумулирует культурную политику и этику дискурса [Лю Ц., с. 116–121]. Данная теория зафиксировала эволюцию взглядов Хабермаса от критической теории.

Связь «поворотов». Два последних пункта (этнометодология и критическая теория) являются смежными областями знания, симптоматичными не только для «лингвистического», но и для «онтологического поворота» и в определенной степени для «когнитивного». В этнометодологии ощущается влияние Витгенштейна [Линч], который вслед за Соссюром трактовал доязыковой мир как мир хаоса, мир хаотичного опыта, а

язык понимал как деятельность, посредством которой нельзя было выразить все, что угодно; у человека остаются стороны жизни, которые характеризовались невыразимостью.

Во взглядах Хабермаса следует видеть отражение теории Франкфуртской школы, которая сопровождалась левыми и неомарксистскими идеями. «Жизненный мир» (феноменологическая категория Гуссерля) обосновывался через поиск условий взаимопонимания между субъектами. Хабермас смещает акценты в изучении коммуникации от когнитивного к практическому проявлению, выраженного в интеракции, универсальной прагматике. Важный вопрос, который акцентируется в работе автора, связан с переходом «посттрадиционной морали» [Хабермас, с. 110]. Философия Хабермаса включает социальность языка как важную посылку понимания социального взаимодействия и межличностных контактов. В рамках связи поворотов следует отметить и взгляды Бурдьё. Социолог рассматривает функционирование языка в рамках социального взаимодействия. Языковое формулирование может указывать на властные отношения между людьми. И вербальный, и невербальный компоненты характеризуют социальный статус субъекта, обозначают его классовую позицию. Люди обладают неравным доступом к языковому ресурсу, в обществе имеет место проявление монополизации языка. Как и в случае с Гарфинкелем, на Бурдьё оказывает влияние философия позднего Витгенштейна. Кроме того, в этой связи также важна философия Фуко, с которой связывают начало дискурсивных исследований [Лю Ц., с. 118–120]. Сопоставление «власти» и «дискурса» ведет к переосмыслению статуса субъекта высказывания. Не человек выбирает правила использования языка, а правила диктуются человеку. Язык является фактором конструирования субъектности и идентичности.

Связь трансформирующихся режимов использования языка и новых настроек коммуникации определяет границы этих практик [Архипова и др.] и этические нормы взаимодействия субъектов. Таким образом, социально-философские и социально-психологические идеи, относящиеся к «лингвистическому повороту», оказываются связаны с «онтологическим» и «когнитивным» поворотами.

Социоллингвистика и лингвосоциология. Можно провести водораздел между, на первый взгляд, схожими явлениями. С одной стороны, их можно воспринять как синонимы, при этом учесть, что в каждой из них могут быть сделаны свои исследовательские акценты, обусловленные первичностью базового понятия: «социо» на первом месте, следовательно, интересуют социальные категории, такие как «пол», «группа», «класс», «возраст», «профессия», «этнос» и др. параметры, подлежащие непосредственному изучению. «Лингво» на первом месте, значит, в сферу интересов исследователя попадает языковая политика, языковые про-

блемы и др. характеристики не общества, а именно языка как самостоятельного феномена. С другой стороны, можно противопоставить дисциплины по базовым наукам. Социалингвистика представляет собой раздел языкознания и фиксирует особую логику в понимании роли языка в коммуникации, считая недостаточными концепции Ф. де Соссюра и Н. Хомского, которые в аспекте языкознания также расходились во взглядах [Иванова]. Кроме того, в обоих случаях игнорировался социальный функционал языка. Структурализм ориентирован на изучения языка с целью изучить именно язык. Трансформационная грамматика воспринимает язык как способ интерпретации психических процессов. С позиции социалингвистики общество попадает в предметное поле лингвистического исследования, погружая язык в социальный контекст. Лингвосоциология является отраслевой социологической дисциплиной, она изучает социальные проблемы, даже если они касаются специфики языка, то задействуются с целью изучения общества. Социалингвистика нацелена на изучение языка в конкретной социальной среде. Как следствие, дисциплины будут использовать не только разные сюжеты для анализа, но и разные методы их обработки. В вопросе соотношения данных дисциплин представляется возможным отталкиваться от взглядов конкретных авторов. Например, Хабермас, Фуко и Бурдьё в рамках теоретической основы социологии проводили лингвистические исследования [Лю Ц., с. 121].

Прикладная лингвистика. Лингвистика условно делится на теоретическую (научную) и прикладную, задачи которой – решение и оптимизация традиционных задач лингвистики (перевод, обучение языкам, разработка письменности и составление словарей). Среди разделов можно выделить следующие: практическая фонетика, лексикография, грамматика [Соснина, с. 11].

Все обозначенные разделы имеют прямое отношение к анализу и решению проблем межкультурной коммуникации. Следует выделить ряд блоков тем, к которым можно свети особенности проблемного поля прикладной и компьютерной лингвистики. Последняя позволяет более оперативно решать задачи, которые интересуют специалистов не только в области программирования и компьютерной обработки языка, но и культурологов и лингвистов.

Следует назвать следующие разделы данной дисциплины: компьютерная морфология; синтаксис; представление значений; распознавание и синтез речи; машинное обучение в лингвистике; корпусная лингвистика. Исследовательские задачи, которые поставлены перед учеными, могут касаться проблем машинного перевода, информационного поиска, извлечения информации, обучения диалоговых систем и чат-ботов, анализа тональности, компьютерной текстологии, когнитивной лингвистики, речевого воздействия и манипулирования. Остановимся на некоторых ас-

пектах прикладной и компьютерной лингвистики, полезных для переводчика и культуролога, желающих составить представление о процессе межкультурной коммуникации на основе текстового материала и автоматической его обработки.

1) В морфологии следует обратить внимание на процедуру токенизации, позволяющую выделить единицы анализа (слова, числа, знаки препинания, др.). Словоформы в русском языке отделяются пробелами. В китайском и японском языках пробелы используются не всегда. Морфологический анализ словоформ со словарем позволяет автоматически анализировать незнакомые слова. В данном случае также необходимо понимать нюансы изучаемого языка. Так, в турецком языке словоизменение реализуется путем прибавления аффиксов, которые теоретически могут быть не ограничены. Решению проблемы лексической неоднозначности способствует учет знаний контекста, ориентир на самый распространенный вариант употребления слова, использование интонации и дополнительных знаний о мире, которые позволяет различать омографы и омофоны. Можно отметить морфологический модуль AOT (Автоматическая обработка текста), библиотеку LemmFtizerLib, морфологические анализаторы rumorphy и mystem, морфологический словарь проекта OpenCorpora, данные которых полезны в различных исследовательских проектах [Бочаров, с. 14–32].

2) Компьютерная семантика позволяет работать с содержанием текста. Переработка и преобразование языковых значений позволяют представить способ организации информации в языке. Для этих целей используются сетевые (например, дерево Порфирия), графовые, логические и продукционные модели, а также фреймы и сценарии. Следует отметить, что два последних понятия используются в социологии и лингвистике и отсылают нас от лингвистического к когнитивному повороту в рамках интерпретации текста, коммуникации и сознания.

Теория фреймов связана с именем Марвина Минского и предполагает изучение процесса восприятия ситуаций, которые можно понимать, как многомерные. На основе экспериментов было установлено, что человек, воспринимая ту или иную информацию, сохраняет полученные данные о мире в сознании в формате особых структур, характеризующих данную ситуацию как типовую (например, фрейм «Регистрация в гостинице», сценарий «Гостиница») [Митрофанова, с. 59–70].

Категории «фрейм» и «фреймирование» используются не только в программировании, но и в гуманитарных и социальных науках.

Выводы. Роль лингвистического поворота в философии обусловила внимание к тексту и языку в иных научных областях. Однако философское измерение проблемы не могло включать в должном объеме эмпирические инструменты познания. Изменения в проблемном поле социоло-

гии обусловили научную кооперацию, переплетение «поворотов» в исследовании коммуникации и текста. «Лингвистический поворот» в социологии заложил критическую традицию в изучении языка и обусловил разрыв с метафизическими исследованиями философии языка. Вместе с тем позволил лингвистам и обществоведам решать частные задачи и исследовать взаимовлияние лингвистических и экстралингвистических факторов. Помимо теоретической части «лингвистического поворота» важную роль в изучении коммуникационного процесса играет прикладная лингвистика, в том числе компьютерная, позволяющая решать конкретные задачи научно-технического и повседневного характера.

Вопросы и задания по теории

Воспользуйтесь словарной базой проекта АОТ и попробуйте сформулировать примеры исследовательских задач для проведения графиматического, морфологического, синтаксического и семантического анализа.

Каким образом прикладная и компьютерная лингвистика помогают культурологу?

Обратитесь к работе «Прикладная и компьютерная лингвистика» (2017, отв. ред. И. С. Николаева и др.), какие еще аспекты данной области знания, кроме изложенных, могут понадобиться социологу?

Подготовьте сообщение о лингвистических особенностях языков мира и трудностях перевода (русский, французский, немецкий, английский).

Коммуникация, текст, дискурс: способы демаркации

Несмотря на актуальность термина «дискурс», заметную роль дискурсологии в современной науке [Кравченко] и общую текстоцентричность социально-гуманитарного знания, нельзя говорить об общем конвенциональном способе понимания категорий «дискурс» и «текст».

Обозначим некоторые авторские трактовки. Лингвист Т. М. Николаева сформулировала несколько значений термина «дискурс»: связный текст; устно-разговорная форма текста; группа высказываний, связанных между собой по смыслу; речевое произведение как данность (письменная, устная) [Николаева, с. 467, 468]. С точки зрения Э. Бенвениста, язык – это система знаков и средство общения, выражением которого является дискурс [цит. по Андросова, с. 6]. Формулирование предложения обуславливает переход от одного режима использования коммуникации к другой.

Р. Де Богранд и В. Дресслер, понимая под текстом коммуникативное событие, предлагают ряд критериев для определения данного явления: когезию, когерентность, интенциональность, адресованность, информативность, ситуативность, (типологическую) интертекстуальность [цит. по Чернявская, с. 305].

Противопоставление понятий. Отечественный лингвист М. Л. Макаров, основываясь на работах целого ряда российских и зарубежных авторов (Богданов, Горелов, Щерба, Волошинов, Бахтин, Радзиховский, Якубинский, Выготский, Benveniste, Leech, Stubbs, Werth, Mey Tannen, Stenström, Сmejrkova, Coulthard, van Dijk, Brown, Yule, Hess-Lüttich, Hagège, Burton, Myerson, Weigand, Shotter, Baxter, Montgomery) приводит в пример ряд оппозиций, по которым можно сопоставить «дискурс» и «текст»: диалог – монолог, функциональность – структурность, процесс – продукт, динамичность – статичность, актуальность – виртуальность. Соответственно, текст представляет собой структурный феномен и является продуктом, а функциональный дискурс – это процесс. Дискурс в отличие от текста можно понимать как интерактивный вариант коммуникации, при котором подразумевается диалогичность языка и речи. Так же можно привести в пример еще ряд частных оппозиций, которые позволяют говорить о разности двух явлений: абстрактное – конкретное, предложение – высказывание, форма – функция. Если для грамматистов важными будут категории узуса, предложения, локуции, когезии и текста. То для представителей дискурс-анализа – употребление, высказывание, иллокуция, когеренция и дискурс [Макаров, с. 87–89].

Представляется, что под текстом можно понимать письменную форму выражения мысли (в то время как дискурс – внешняя). Кроме того, текст представляет собой вид дискурса (с учетом того, что дискурс – синоним коммуникации).

Текст можно трактовать как «словесную запись», дискурс – «речь, погруженная в жизнь» [Brown, Yule; Арутюнова, цит. по Шейгал, с. 18]. С позиции Гюнтера Кресса, дискурс обладает социальной природой, а текст имеет лингвистическое происхождение [Там же]. Как следствие, дискурс (лингво-социальное измерение) – текст (лингвистическое).

Соотношение понятий. В трактовке З. Харриса «дискурс» сопоставим с «текстом», так как представляет собой «отрезок, больший чем предложение». Можно сказать, дискурс и текст – последовательность предложений, произнесенная / написанная одним (или более) человеком в определенной ситуации. Н. Д. Арутюнова также устанавливает соотношение данных категорий: «дискурс – это связанный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в событийном аспекте» [цит. по Атрощенко, с. 27, 28]. Следует отметить, что фундаментальные исследования Арутюновой важны и с точки зрения когнитивного поворота, автор при характеристике «аномалий» в языке оперирует терминами психологии, например, гештальт-психологии [Арутюнова, с. 77].

Т. Ван Дейк выделяет широкий и узкий смысл понятия «дискурс», который представляется автору системообразующим. В узком значении

дискурс – это текст (устный или письменный) с учетом вербальной составляющей. В широком – комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в определенном контексте [Цит. по Темнова, с. 24, 25].

В. А. Садикова обобщает разные точки зрения, которые позволяют прояснить связь между коммуникацией и текстом:

1) «коммуникация» является определяющим понятием относительно других, сопредельных, таких как «язык» и «текст»;

2) коммуникация – естественная среда обитания для языка, который используется в процессе коммуникации наряду с другими средствами общения;

3) текст является результатом (продуктом) общения, который в естественной коммуникации носит промежуточный характер [Садикова, с. 210].

При попытках обозначить связи между такими понятиями, как коммуникация, текст, дискурс можно избежать противопоставлений и отметить в них видовые и родовые соответствия и разные варианты сопоставлений. Однако попытки соотнесения явлений друг с другом не снимают проблему их иерархии. Обратимся к следующим примерам.

1. Дискурс представляет собой более крупное явление, а текст и речь будут являться его отдельными аспектами [Макаров, с. 89].

2. «Коммуникация» шире понятия «дискурса» (В. В. Красных).

3. Дискурс – идеальный вид коммуникации. При этом «дискурс» уточняет понятие «текст». Дискурс – это одновременно процесс и результат языковой деятельности, он отражает функционирование языка в реальном времени (А. А. Кибрик, В. А. Плунгян) [цит. по Андросова, с. 22, 6].

4. Дискурс – вид речевой коммуникации с учетом общественных норм, правил и ценностей социальной жизни (Ю. Хабермас) [цит. по Крячкова, с. 18].

5. Язык как знаковая система реализуется и существует в виде различных дискурсов [Шейгал, с. 24].

Таким образом, отечественные и зарубежные специалисты сформулировали следующие традиции соотношения категорий:

1) разделение текста и дискурса; 2) позиционирование дискурса как родового понятия по отношению к тексту и коммуникации; 3) отождествление дискурса и текста; дискурса и коммуникации; текста и коммуникации.

Выводы. Как видим, возможно сопоставление данных понятий и их разделение (дихотомии). Помимо частных критериев, предлагаемых разными авторами, следует учитывать научный подход и методы, которые обусловят тот или иной акцент в трактовке обозначенных понятий. Также с учетом того, что проблемы межкультурной коммуникации мы рассмат-

риваем с точки зрения исследователя и актора, следует отметить, что изучение коммуникации предполагает устную форму (анализ речи) и письменную (анализ текста). Данное разделение является условным. Компромиссным и максимально универсальным термином является «дискурс», включающий в орбиту исследования не только лингвистические, но и социокультурные факторы.

Вопросы и задания по теории

Составьте схему соотношения понятий «коммуникация», «текст» и «дискурс» на основе работ отечественных авторов.

Составьте схему соотношения понятий «коммуникация», «текст» и «дискурс» на основе работ зарубежных авторов.

Попробуйте сформулировать собственное, комплексное определение каждого понятия.

Особенности институционализации МКК

Становление дисциплины: научные и социальные предпосылки.

Именно лингвистический поворот в социально-гуманитарном знании обусловил междисциплинарный характер анализа межкультурной коммуникации.

Межкультурная коммуникация (МКК) – раздел теории коммуникации, в рамках которого исследуется коммуникативное поведение субъектов. Под субъектами подразумеваются представители, носители разных культур. Под культурой, в свою очередь, понимается «все, что люди, как члены общества, делают, думают и всем, чем они владеют» (Р. Бирстедт) [цит. по Штомпка, с. 246]. Речь идет о системе ценностей и паттернах поведения, которые можно рассмотреть на трех уровнях. «Макро» – характеристика различий по линии цивилизаций (дихотомия Запад – Восток); «мезо» – дифференциация на групповом и институциональном уровнях (этносы, классы, поколения и др.), «микро» – коммуникация на индивидуальном уровне, между субъектами, обладающих разным культурным бэкграундом, являющихся представителями разных субкультур. То есть проблемы в межкультурной коммуникации могут быть характерны как для субъектов, являющихся представителями разных этносов, так и для людей, различающихся по возрасту, полу и убеждениям, что обуславливает возможность конфликта между ними и актуализирует необходимость понимания особенностей взаимодействия между индивидами по линии «свой – чужой».

С учетом ускорения темпов жизни, процессов дигитализации и медиатизации культуры, разделением социального пространства на мир «онлайн» и «офлайн», обострением квазиполитической повестки и негативных последствий глобализации – потенциальная возможность сложности (как минимум) и конфликта (как максимум) в межкультурной ком-

муникации может быть характерна фактически для любого общения между субъектами, которые могут говорить на одном языке, что также актуализирует проблему понимания Другого в широком смысле слова и необходимость на уровне теории и практики обратиться к анализу процессов коммуникации, порождения текста и дискурса.

Изучение и попытка понять Другие культуры происходит ровно столько, сколько существуют сами культуры. Такие периоды в истории человечества, как эпохи Великих географических открытий и Просвещения усиливали интерес к многообразию культурных проявлений, преемственности и своеобразия. При взаимодействии с Другими культурами ученым становилось ясно, что некоторые культуры основываются на правилах, которые четко проговариваются, другие живут на основе само собой разумеющихся, неосознанных принципах [Hall].

К середине XX в. можно выделить ряд тенденций в эволюции научного знания, которые обусловили необходимость оформления МКК в самостоятельное направление: междисциплинарная кооперация на уровне методов (использование в социальном и гуманитарном знании методов психологии, социологии, антропологии, этнографии); равноуровневая трактовка концепта «власть» (в том числе в контексте психоанализа), развитие отраслевых социологий (например, гендерной); акцент на текстовом характере культуры (пристальное внимание к режимам использования языка в разных дисциплинах, актуализирующих дискурсивные исследования; расширительное понимание «текста» (культура как текст, изображение и невербальное как текст) [Гузикова, Фофанова, с. 8, 9]. В МКК сформировался целый комплекс специальных подходов к пониманию процесса коммуникации [Усовская]. Помимо активного изменения научного ландшафта следует отметить изменения самого общества и культуры, связанные с новыми подходами к модернизации, разрушением европоцентристской модели мира, формированием многополярности – эти и иные процессы, сопровождающие глобализацию, должны рассматриваться в политическом, социальном, культурном, экономическом и психологическом аспектах, что можно делать в рамках дискурсивных исследований.

Междисциплинарность МКК и многообразие типологий культуры. Очевидный междисциплинарный характер МКК выражается во взаимосвязи данной научной области с философией, политологией, социологией, психологией, антропологией и лингвистикой. Последняя является связующим звеном для других дисциплин, позволяя установить соотношение между лингвистическими и экстралингвистическими факторами социокультурного процесса. Для этой цели могут быть использованы разнообразные методы по работе с текстом и дискурсом, позволяющие собрать количественный и качественный материал для подобных исследова-

дований: кейс-исследование, контент-анализ, обоснованная теория, этнографические методы, разговорный анализ, нарративная семиотика, дискурс-анализ, функциональная прагматика, теория различий, объективная герменевтика и др. [Тичер и др.].

Особенностью МКК является ее стремление к практикоориентированности. Разработка теоретических моделей должна сопровождаться практическими рекомендациями и кросскультурными исследованиями, в основу которых могут быть положены различные параметры, в том числе социальные. Интерес к невербальному компоненту обусловил развитие отдельных направлений исследований: проксемика (пространственное поведение), кинесика (язык тела), паралингвистика (роль просодики в коммуникации), сенсорика (чувственное восприятие других культур) и др. [Петухов, с. 59; 21–23].

Существует разнообразие типологий культур, обусловленное разнообразием определений «культуры». Следует понимать, что субъект может быть носителем разных культур, личностное измерение типа культуры всегда отличается от самого «типа», который в сущности представляет собой «шаблон», условную «модель», «идеальный тип». В качестве ориентира приведем следующих теоретиков, авторов концепций культур, разрабатывающих типологию культур: Ф. Гегель, Н. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер, М. Вебер, А. Швейер, А. Кребер, Г. Хофстеде, Э. Холл, Р. Льюис и др.

Язык – это способ познания и восприятия многообразия мира, позволяющий понять этническое и культурное разнообразие народов [Кронгауз].

Разнообразие коммуникаций (виды, стили). Коммуникация представляет собой процесс, который обусловлен социально, и может протекать на массовом и межличностном уровне при помощи вербальных и невербальных средств. Эти средства важны не только для субъекта, но и для культур, которые с точки зрения приоритетного средства, можно разделить на низкоконтекстные (акцент на вербальной коммуникации, восприятие речи вне связи с контекстом) и высококонтекстные (акцент на невербальной коммуникации, контексте, сдержанность в оценках и манере поведения). Разработка терминологии связана с исследованиями антрополога Э. Холла.

Эффективность коммуникации сопряжена не только с условиями ее реализации, но с избираемыми стилями. Прямой стиль подразумевает выражения своих истинных намерений, непрямой стиль скрывает желания и стремления говорящего.

Искусный стиль вовлекает в речь говорящего экспрессию и эмоции. Особую роль могут играть паузы в предложениях, молчание собеседника. Точный стиль сопровождается четкими, лаконичными формулировками, тезисным изложением мысли.

Личностный стиль является проекцией личностей говорящего и слушающего, учет равных возможностей успеха в коммуникации обоих. Ситуационный стиль выводит на первый план социальный статус субъекта, подчеркивает включенность человека в социальные институты [Фрик, с. 36–38].

Разные акценты в коммуникации по линии «субъект – объект» расставляются при помощи инструментального и аффективного стилей. Первый настроен на адресанта, подчиняет коммуникацию его задачам. Общение в таком случае носит прагматический характер для говорящего. Второй, напротив, ориентирован на слушателя. В отличие от инструментального стиля, акцент сделан на процесс коммуникации, а не на ее результат.

Информационное сообщение без использования слов отражает невербальную коммуникацию. «Message» (сообщение) транслируется посредством тела самого субъекта (жесты, мимика, расположение в пространстве), атрибутов человека (стиль одежды, внешний вид), других субъектов и объектов (окружающие говорящего люди и вещи). В науке существуют разные оценки того, насколько (в процентах) важна невербальная коммуникация. В любом случае сложно приуменьшить ее значение, так как она выполняет целый ряд важных функций: эмоциональный эффект, дополнение информации, диссонирующий эффект (в сравнении с вербализированной частью речи), взаимозаменяемость, замена слов действиями (функция экономии), усиливающее дублирование.

Выводы. Межкультурная коммуникация стала исследоваться в результате трансформации самого социума и инструментов его познания. Данный раздел теории коммуникации является междисциплинарным и имеет практикоориентированные цели. Эта особенность обусловлена спецификой самого процесса коммуникации, который может выстраиваться между разными субъектами (субъект как личность, субъект как часть группы, субъект как часть типа культуры) и сопровождаться разнообразным репертуаром стилей и видов коммуникации.

Вопросы и задания по теории

На основе работы Э. Холла «Молчаливый язык» охарактеризуйте связь между культурой и коммуникацией.

Подготовьте доклад с презентацией об одной из теорий МКК (теория коммуникативного приспособления, теория адаптации, теории аккультурации, теория управления идентичностью, теория поддержания идентичности).

Сравните формирование МКК в разных странах (США, Европа, Россия). Выявите причины и особенности развития данных областей знания в разных культурных контекстах.

Список источников и литературы

Источники

1. Hall E. *Beyond Culture*. New York: Doubleday, 1976. 299 p.
2. Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999. I–XV, 896 с.
3. Гарфинкель Г. *Исследование по этнометодологии*. СПб.: Питер, 2007. 335 с. (Серия «Мастера социологии»).
4. Гофман И. Г. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 304 с.
5. Кули Ч. *Человеческая природа и социальный порядок*. М. Идея-пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. 320 с.
6. Мид Дж. Г. *Разум, я и общество (Главы из книги)* / пер. В. Г. Николаева // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература*. Сер. 11. С. 163-195.
7. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. *Методы анализа текста и дискурса*: пер. с англ. Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2009. 356 с.
8. *Философия языка* / ред.-сост. Дж. Р. Серл. М.: Едиторная УРСС, 2007. 208 с.
9. Хабермас Ю. *Вовлечение другого: Очерки политической теории*. М.: Наука, 2001. 417 с.

Литература

1. Атрощенко И. Г. Анализ определений понятия «дискурс» в современной лингвистике // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 12 (54): в 4-х. ч. Ч. 1. С. 26–31.
2. Бочаров В. В. *Компьютерная морфология*. Глава 1. Глава 3 // *Прикладная компьютерная лингвистика* / под ред. И. С. Николаева, О. В. Митрениной, Т. М. Ландо. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. 320 с.
3. Васильев В. А. Лингвистический поворот в философии // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2017. № 1 (768). С. 172–181.
4. Губман Б. Л., Ануфриева К. В. Лингвистический поворот и история в философии Р. Рорти // *Вестник ТвГУ. Серия «Философия»*. 2017. № 2. С. 165–177.
5. Гузикова М. О. *Основы теории межкультурной коммуникации: [учеб. пособие]* / М. О. Гузикова, П. Ю. Фофанова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 124 с.
6. Иванова В. И. Компетенция (Н. Хомский) vs. Язык (Ф. де Соссюр) // *Вестник ТвГУ. Серия Филология*. 2006. № 6. С. 26–31.

7. История философии XX века. Современная зарубежная философия: учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. А. С. Колесникова. М.: Издательство «Юрайт», 2016. 384 с. Серия: Бакалавр. Академический курс.

8. Кравченко Н. К. Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа: научно-практическое пособие. Луцк: Волиньполпраф, 2012. 251 с.

9. Крячкова А. П. Лингвопрагматические средства реализации вербальных атак на имидж политических партий Германии: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 170 с.

10. Курилович Н. В. Позитивистская, интерпретативная и критическая парадигмы. С. 11–21 // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы Содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2 / сост. и общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Мн.: БГУ, 2000. 479 с.

11. Настройка языка. Управление коммуникациями на постсоветском пространстве: [коллективная монография] / [А. Архипова и др.; ред.: Е. Г. Лапина-Кратасюк, О. В. Мороз, Е. Г. Ним]; Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации, Ин-т общественных наук, Школа актуальных гуманитарных исслед. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 445 с.

12. Николаева Т. М. Краткий словарь терминов лингвистики текста. С. 467–472 // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. М.: Прогресс, 1978. 479 с.

13. Лю Цзюань. О лингвистическом повороте в социологии // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 115–123.

14. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.

15. Методические указания к лекционным и семинарским занятиям по дискурсу для студентов специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика» / сост.: М. А. Андросова. Ульяновск: УлГТУ, 2008. 77 с.

16. Митрофанова О. А. Компьютерное представление значений. Глава 3 // Прикладная компьютерная лингвистика / под ред. И. С. Николаева, О. В. Митрениной, Т. М. Ландо. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2017. 320 с.

17. Песина С. А. Лингвистическая философия и философия языка // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2015. № 19. С. 118–123.

18. Петухов В. Б. Межкультурная и деловая коммуникация: учебно-методическое пособие для студентов всех факультетов УлГТУ. Ульяновск: УлГТУ, 2017. 91 с.

19. Садикова В. А. Дискурс и коммуникация: соотносительность понятий // Языковой дискурс в социальной практике: сб. науч. трудов Меж-

дународ. науч.-практич. конф. / отв. ред. Н. А. Комина. Тверь: Издательство: Тверской государственный университет, 2016. С. 208–211.

20. Соснина Е. П. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Ульяновск: УЛГТУ, 2012. 110 с.

21. Сто языков. Вселенная слов и смыслов / М. А. Кронгауз, А. Ч. Пиперски, А. А. Сомин. М.: Издательство «АСТ», 2018. 224 с.

22. Темнова Е. В. Современные подходы к изучению дискурса. С. 24–32 // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. 168 с.

23. Усовская Э. А. Межкультурная коммуникация [Электронный ресурс]: учеб.-метод. комплекс. Минск: БГУ, 2017.

24. Фрик Т. Б. Основы теории межкультурной коммуникации: учебное пособие. Томск: Издательство Томского политехнического университета, 2013. 100 с.

25. Чернявская В. Е. Текст в когнитивно-дискурсивной парадигме: к вопросу о градуальном характере текстуальности // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2007. № 1. Т. 3. С. 303–314.

26. Чистанова С. С. Концепт иллокуции в теории речевых актов Джона Остина // Гуманитарный вектор. 2017. №3. Т. 12. С. 85–90.

27. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 431 с.

28. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С. М. Червонной. М.: Логос, 2005. 664 с.

Тексты для самостоятельного анализа

Дж. Остин. Слово как действие. С. 25–27.

Предварительное вычленение перформативных высказываний.

Тот тип высказываний, который мы собираемся здесь рассмотреть, не является, вообще говоря, видом бессмыслицы, хотя его неправильное употребление, как мы увидим, может порождать довольно специфические виды «бессмыслицы». Он, скорее, входит во второй класс – масок; причем для представителей этого класса вовсе не обязательно маскироваться под описательные, или: констативные, утверждения факта, хотя зачастую так и бывает, и что удивительнее всего, как раз тогда, когда они выступают в своей наиболее явной форме. Грамматисты, как мне кажется, не разглядели этого «обмана», философы иногда случайно его обнаруживали. Нам будет удобно поэтому взять рассматриваемый тип высказываний сначала в этой обманчивой форме и выявить его характеристики путем сравнения их с характеристиками утверждения (факта), которому данный тип высказываний подражает.

Итак, возьмем в качестве примеров высказывания, бесспорно принадлежащие к грамматической категории «утверждения», не являющиеся бессмыслицей и не содержащие ни одного из тех словесных сигналов опасности, распознанных или якобы распознанных философами (таких любопытных слов, как хороший или все, подозрительных вспомогательных глаголов типа должен или может и сомнительных конструкций типа гипотетической). Во всех высказываниях будет присутствовать банальный глагол в первом лице единственного числа действительного залога настоящего времени изъявительного наклонения. Можно найти высказывания, которые удовлетворяют этим условиям и в то же время:

А. ничего не «описывают», не «сообщают» и не «констатируют», не являются «истинными или ложными», и

Б. высказывание такого предложения является осуществлением действия или его части, которое не может быть естественным образом описано как говорение. Все это совсем уж не так парадоксально, как кажется на первый взгляд или как я умышленно пытался это представить. И в самом деле вас, пожалуй, разочаруют примеры, которые я сейчас приведу:

(а) I do (sc. take this woman to be my lawful wedded wife) 'Да (т. е. я согласен взять эту женщину в жены)' – высказывание в ходе брачной церемонии.

(б) I name this ship the 'Queen Elizabeth' 'Нарекаю судно «Королева Елизавета»' – слова, сопровождающие разбивание бутылки с шампанским о нос судна. (в) I give and bequeath my watch to my brother 'Я завещаю свои часы брату' – слова из завещания. (г) I bet you sixpence it will rain tommorrow 'Держу пари на шесть пенсов, что завтра будет дождь'. Эти примеры ясно показывают, что высказывание предложения (конечно, в соответствующих обстоятельствах) не является описанием того, как было бы квалифицировано мое действие в результате произнесения высказывания, или утверждением, что я совершаю данный акт: произнесение высказывания и есть осуществление действия.

Источник: Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник: пер. с англ. / сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова; общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. 424 с. С. 22–129.

Вопросы: Какие типы высказываний приводит автор? Чем они отличаются? Каково назначение перформативов и константивов? Существует ли разница в употреблении этих конструкций в зависимости от языка и национальной культуры?

Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. С. 100–102.

2. Первый принцип: произвольность знака.

Связь соединяющая означающее с означаемым, произвольна; поскольку под знаком мы понимаем целое, возникающее в результате ассо-

циации некоторого означающего с некоторым означаемым, то эту же мысль мы можем выразить проще: языковой знак произволен. ... Принцип произвольности знака никем не оспаривается; но часто гораздо легче открыть истину, нежели указать подобающее ей место. Этот принцип подчиняет себе всю лингвистику языка; следствия из него неисчислимы. Правда, не все они обнаруживаются с первого же взгляда с одинаковой очевидностью; их можно открыть только после многих усилий, но именно благодаря открытию этих последствий выясняется первостепенная важность названного принципа.

Заметим мимоходом: когда семиология сложится как наука, она должна будет поставить вопрос, относятся ли к ее компетенции способы выражения, покоящиеся на знаках, в полной мере «естественных», как, например, пантомима. Но даже если семиология включит их в число своих объектов, все же главным предметом ее рассмотрения останется совокупность систем, основанных на произвольности знака. В самом деле, всякий принятый в данном обществе способ выражения в основном покоится на коллективной привычке или, что то же, на соглашении. Знаки учтивости, например, часто характеризуемые некоторой «естественной» выразительностью (вспомним о китайцах, приветствовавших своего императора девятикратным падением ниц), тем не менее фиксируются правилом, именно это правило, а не внутренняя значимость обязывает нас применять эти знаки. Следовательно, можно сказать, что знаки, целиком произвольные, лучше других реализуют идеал семиологического подхода; вот почему язык – самая сложная и самая распространенная из систем выражения – является вместе с тем и наиболее характерной из них; в этом смысле лингвистика может служить моделью (*patron general*) для всей семиологии в целом, хотя язык – только одна из многих семиологических систем.

Для обозначения языкового знака, или, точнее, того, что мы называем означающим, иногда пользуются словом символ. Но пользоваться им не вполне удобно именно в силу нашего первого принципа. Символ характеризуется тем, что он всегда не до конца произволен; он не вполне пуст, в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым. Символ справедливости, весы, нельзя заменить чем попало, например колесницей.

Слово *произвольный* также требует пояснения. Оно не должно пониматься в том смысле, что означающее может свободно выбираться говорящим (как мы увидим ниже, человек не властен внести даже малейшее изменение в знак, уже принятый определенным языковым коллективом); мы хотим лишь сказать, что означающее немотивировано, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи.

Отметим в заключение два возражения, которые могут быть выдвинуты против этого первого принципа.

1. В доказательство того, что выбор означающего не всегда произволен, можно сослаться на звукоподражания. Но ведь звукоподражания не являются органическими элементами в системе языка. Число их к тому же гораздо ограниченной, чем обычно полагают. Такие французские слова, как *fouet* «хлыст», *glas* «колокольный звон», могут поразить ухо суггестивностью своего звучания, но достаточно обратиться к их латинским этимонам (*fouet* от *fagus* «бук», *glas* от *classicum* «звук трубы»), чтобы убедиться в том, что они первоначально не имели такого характера: качество их теперешнего звучания, или, вернее, приписываемое им теперь качество, есть случайный результат фонетической эволюции.

Что касается подлинных звукоподражаний типа буль-буль, тик-так, то они не только малочисленны, но и до некоторой степени произвольны, поскольку они лишь приблизительные и наполовину условные имитации определенных звуков (ср. франц. *ouaoua*, но нем. *wauwau* «гав! гав!»). Кроме того, войдя в язык, они в большей или меньшей степени подпадают под действие фонетической, морфологической и всякой иной эволюции, которой подвергаются и все остальные слова (ср. франц. *pigeon* «голубь», происходящее от народнолатинского *pirio*, восходящего в свою очередь к звукоподражанию), – очевидное доказательство того, что звукоподражания утратили нечто из своего первоначального характера и приобрели свойство языкового знака вообще, который, как уже указывалось, немотивирован.

2. Что касается междометий, весьма близких к звукоподражаниям, то о них можно сказать то же самое, что говорилось выше о звукоподражаниях. Они также ничуть не опровергают нашего тезиса о произвольности языкового знака. Весьма соблазнительно рассматривать междометия как непосредственное выражение реальности, так сказать продиктованное самой природой. Однако в отношении большинства этих слов можно доказать отсутствие необходимой связи между означаемым и означающим. Достаточно сравнить соответствующие примеры из разных языков, чтобы убедиться, насколько в них различны эти выражения (например, франц. *aïe!* соответствует нем. *au!* «ой!»). Известно к тому же, что многие междометия восходят к знаменательным словам (ср. франц. *diable!* «черт возьми!» при *diable* «черт», *mordieu!* «черт возьми!» из *mort Dieu* букв. «смерть бога» и т. д.). Итак, и звукоподражания и междометия занимают в языке второстепенное место, а их символическое происхождение отчасти спорно.

Источник: Соссюр Ф. Труды по языкознанию / пер. с фр. яз. под ред. А. А. Холодовича; [Вступ. статьи А. А. Холодовича и др.]. М.: Прогресс, 1977. 695 с. С. 31–273.

Вопросы: Какая связь существует между означающим и означаемым? Можно ли утверждать, что эта связь произвольна? Какие доказательства приводит автор в пользу своих взглядов? Можно ли сказать, что выводы автора прилагает к разным языкам и культурам?

Howard Giles and Tania Ogay. Communication Accommodation Theory. p. 299.

The Sociohistorical Context Communication embedded in a broader macrocontext, rather than a social vacuum. In our example, we do not only have individuals interacting, but also those who represent their differing social category memberships. Current, and particularly past, relations between these social groups build the sociohistorical context for the interaction. Its influence on accommodation attempts and their outcomes is a core concern of CAT, which posits that the relations between the social groups affect the degree to which the interactants accommodate to one another. In our example, it is not impossible that the heavy history of Black–White relations in the United States could play a role in the behavior of the interactants. A key construct for the analysis of the relations between cultural or ethnic groups is a comparison of their so-called ethnolinguistic vitalities (Giles & Johnson, 1987). Ethnolinguistic vitality can be understood and measured using three types of factors: status (economic, political, and linguistic prestige); demography (population numbers, birth rate, geographical distribution); and institutional support (recognition of the group and its language by public authorities, the educational system, and other agencies). The resultant comparison of the relative ethnolinguistic vitalities of the groups helps define which one is the more dominant. Moreover, having a high vitality could mean that groups have sufficient resources for it to be worthwhile and meaningful to invest energetically in their being good group members. In our context, this would mean that historically strong social collectivities will diverge in intergroup situations. For instance, when certain Native Americans became aware of their vitality (e.g., through casino business and the unique value of their histories and identities), many would wish not only to resurrect their heritage languages but adopt their distinctive dialect, phrases, and dress styles across all manner of interethnic contexts.

However, research has shown that subjective ethnolinguistic vitality is more influential in determining attitudes in the interaction than is the objective ethnolinguistic vitality (e.g., Harwood, Giles, & Bourhis, 1994). Here, subjectivity refers to the individual's perceptions of the ethnolinguistic vitality of the ingroup compared to the outgroup. In our example, ethnic identity could be salient for the African American undergraduate student. His perception of the ethnolinguistic vitality of African Americans at his own campus and in American society more widely could lead him to show loyalty to his heritage, for example, by emphasizing the speech and nonlinguistic markers of this group (i.e., Ebonics). CAT also suggests that such divergence will occur the more

group members feel their status in the intergroup hierarchy is illegitimate and unfair (e.g., that they have been historically, and even currently, unfairly discriminated against because of their skin color. But threat is not the province of subordinate groups in society only. Barker et al. (2001) suggest that Anglo American support for the English-only movement – speech maintenance par excellence – is, at least in large part, due to the increasing perceived vitality of Latinos (especially in terms of the growing number of immigrants with political influence and the increasing amount of Spanish appearing on the linguistic landscape of shop, road, and other signs) – a process that clearly impacts Anglos' perceived distinctiveness and communicative superiority.

Источник: Giles H., Ogay T. Accommodation Theory: Communication, Context, and Consequence. URL: https://doc.rero.ch/record/306556/files/2007_gilesogay_cat.pdf.

Вопросы: О какой проблеме в тексте идет речь? Что такое «аккомодация» и теория коммуникативной аккомодации (CAT)? В чем разница между субъективной и объективной этнолингвистической жизнеспособностью? Какую роль в коммуникации играет маркоконтекст?

Хабермас. Вовлечение Другого. Насколько разумна власть должнствования? С. 73–75.

Для Гиббарда возможность, подобно Канту, сводить рациональность действия (согласно упомянутому принципу целерациональности) к основаниям, исходя из которых актор связывает свою волю той или иной максимой. Но если все рациональные мотивы отсылают к уже лежащим в их основе стандартам, то мы не можем, в свою очередь, спросить, почему вообще оказалось рациональным интериоризировать такие стандарты. То обстоятельство, что кому-либо нечто представляется рациональным, лишь выражает тот факт, что стандарты, позволяющие сформировать это суждение, являются его стандартами. Поэтому Гиббард понимает высказываемые рациональные суждения, будь они морального или не-морального толка, как экспрессивные речевые действия. Они не могут быть истинными или ложными, но лишь подлинными (*wahrhaftig*) или неподлинными. И связующая актора сила моральных правил удостоверяется только его искренностью в выражении своего ментального состояния.

После такого «экспрессивистского» объяснения нормативности Гиббард делает двойной ход. Сначала, приняв перспективу наблюдателя, он объясняет моральные нормы с точки зрения эволюционной теории, а затем пытается вновь ввести биологическую «ценность» морали в перспективу участника действия, т. е. перевести ее с теоретического языка «биологии координации действий» на язык практических соображений.

В рамках предложенного им неодарвинистского объяснения утверждается, что моральные чувства, подобные чувствам стыда или вины, сформировались в качестве координирующих регуляторов в ходе эволю-

ции человеческого рода. Нормативность правил, заставляющих членов сотрудничающих групп считать рациональным обладание такими чувствами и, следовательно, порицать отклоняющееся от нормы поведение, а также приносить соответствующие извинения или ожидать их ради восстановления нарушенной координации действий, не обладает рациональностью, которую могли бы осознать сами их участники. Однако для наблюдателя авторитет, обнаруживающийся в рациональных суждениях участников, объясняется «репродуктивной ценностью» интериоризированных норм и соответствующих чувственных установок. Тот факт, что они выгодны в эволюционном отношении, выражается, по всей видимости, в их субъективно убедительном характере. Собственно философская задача заключается теперь в том, чтобы установить правдоподобную связь между тем, что функционально для наблюдателя, и тем, что считают рациональным участники действий. Эта проблема становится актуальной не позднее того момента, когда акторы перестают полагаться на интериоризированные нормы и начинают развернутую дискуссию о том, какие нормы им следует принять в качестве действенных.

Язык и без того функционирует как важнейшее средство координации действий. Моральные суждения и позиции, опирающиеся на интериоризированные нормы, выражаются в эмоционально нагруженном языке. Но если нормативный фоновый консенсус оказывается нарушен и приходится выработать новые нормы, то возникает потребность в другой форме коммуникации. Тогда участники должны положиться на ориентирующую силу «нормативных дискурсов»: «Я буду называть это влияние нормативным руководством. Именно в этом руководстве действием, верой и эмоциями мы можем найти место для тех феноменов, которые способствуют принятию норм в противоположность простой их интернализации. Когда мы с некоторой отстраненностью совместно решаем, что нам делать, думать или чувствовать в обсуждаемой ситуации, мы приходим к принятию норм, значимых для этой ситуации».

Источник: Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 417 с. С. 73–75.

Вопросы: Как связаны моральные суждения и нормы? Хабермас пишет о нормах и моральных суждениях, свойственных какой-то определенной культуре? Какова роль языка в формулировании моральных суждений? При каких условиях могут меняться формы коммуникации между субъектами? В каком значении Хабермас использует слово «дискурс»?

Практические задания

Задание 1. Прокомментируйте слова лингвиста В. Плунояна. Попробуйте дать свои ответы на вопросы, адресуемые ученому.

[КШ] Через сколько лет русский язык изменится до неузнаваемости при сохранении нынешних тенденций?

[ВШ] Средний срок – примерно три столетия. Мысленный эксперимент: 2016 год минус 300 лет – это 1716 год, начало XVIII века, петровская эпоха – время, когда зарождается современный русский язык.

Язык XVII века мы уже понимаем не слишком хорошо. А если взять среднерусский период, XV–XVI века – «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, переписку Грозного с Курбским – мы получим тексты, общий смысл которых современный неподготовленный человек улавливает, может быть, наполовину, не более.

Теперь отступим еще немного назад. XIV век тоже считается своего рода рубежом. Древнерусский (то есть язык XI–XIII веков) – это в полном смысле слова другой, далекий и малопонятный нам язык. В истории есть примеры языков, которые менялись на удивление медленно, но это редчайшие исключения – такие, как исландский. Современные исландцы могут в оригинале читать свои знаменитые саги, записанные в XIII веке. А мы «Слово о полку Игореве» не можем без перевода прочесть – так же, как англичане не могут прочесть поэму «Беовульф» или французы – свой средневековый «Роман о Розе».

Таково наше прошлое – и, скорее всего, таким окажется наше будущее.

[КШ] Можно ли сохранить, законсервировать язык, чтобы он не менялся так быстро? А вообще, такая подвижность – это хорошо или плохо?

[ВШ] В культурном отношении это скорее не очень хорошо. Людям это никогда не нравилось. Ведь это только специалисты говорят, что язык меняется, а простой человек всегда скажет, что язык «портится». И так везде. Парижанин жалуется, что нынешний французский никуда не годится, но то же самое говорили о своем языке древние греки и древние египтяне. Все недовольны тем, как говорит младшее поколение. Но тормозить эти процессы мы не умеем. Язык упрямо меняется, несмотря ни на что. Может быть, в будущем лингвисты с социологами, объединив усилия, как-то научатся сдерживать изменения языка, хотя представить это трудно.

[КШ] Некоторые лингвисты пытались реконструировать языки. Можно ли, применяя те же принципы, предсказать, какими языки станут?

[ВШ] Были такие попытки, и сейчас есть. Но понимаете, прошлое и будущее все-таки несимметричны. Это разные вещи. Прошлое реально существовало. Реконструкция древнего языка – сложная задача, особенно если нет письменных памятников. Но все-таки кое-что сделать можно. Будущее понятно нам в гораздо меньшей степени, потому что, во-первых,

мы недостаточно хорошо знаем законы развития языка. А во-вторых, даже зная их, мы отлично понимаем, что это многовариантный процесс с массой случайных факторов.

Поэтому самые общие утверждения делать, конечно, можно, но серьезные лингвисты этой темы обычно избегают. Точно нам известно лишь одно – что язык изменится. Иногда можно пытаться определить общее направление изменений: так, например, если в языке много падежей и типов склонения, можно предположить, что система будет упрощаться вплоть до исчезновения этих грамматических категорий.

(Плунгян В. Язык. Будущее время // Как станут общаться между собой обитатели марса. URL: <https://kot.sh/statya/2797/yazyk-budushchee-vremya>)

Задание 2. Заполните таблицу, раскрывающую общие и специфические характеристики МКК в сравнении с иными научными дисциплинами. В качестве критериев могут быть методы, проблемные вопросы, объект и предмет изучения, авторские подходы и др.

<i>Другие дисциплины</i>	<i>МКК (общие черты)</i>	<i>МКК (особенные черты)</i>
<i>Теория коммуникации</i>		
<i>Социология</i>		
<i>Психология</i>		
<i>Культурология</i>		

Задание 3. Прочитайте текст. О какой проблеме пишет польский социолог Петр Штомпка? Какие примеры ситуаций и их интерпретаций приводит? Все ли ситуации интерпретируются одинаково в разных национальных культурах?

Наряду с психологическим, или интенциональным (соответствующим намерению), значением, которое придает своему поведению сам человек, а другие открывают с помощью более или менее сложной и более или менее правильной интерпретации, то или иное значение определенному поведению может быть придано группой или коллективом людей, к которому я, скажем, принадлежу. Это значение можно охарактеризовать как установленное сообщца (конвенциональное). Сам я его не придумал, не выяснил, а принял к сведению как коллективное мнение моей группы и признал правильным, присоединился к нему. Так, скажем, я целую женщине руку, потому что такова принятая у нас форма выражения уважения к женщине. Или я преклоняю колени в костеле, потому что это опять же принятая в моей религии, в моей конфессии форма поклонения или выражения покорности перед Богом. Я бью ногой мяч во дворе, потому что это принятая среди моих ровесников форма игры и развлечения. Я записываю или конспектирую лекцию, потому что это принятая в университете форма учебы. Находясь в рамках одной группы,

одного коллектива, где приняты и распространены одни и те же значения, я без труда могу понять, что делают другие, чего хотят от меня, что им нужно. Не испытывая каких-либо осложнений, я «прочитываю» таким образом значения, в которых расшифровывается смысл того или иного поведения. Когда кто-то снимает шляпу, я знаю, что таким образом он хочет меня поприветствовать. Когда я вижу мальчишек, бьющих ногами по мячу, я знаю, что они играют в футбол.

Другое дело, когда я оказываюсь в иной группе, в ином коллективе, где приняты и имеют всеобщее распространение иные значения, иные стереотипы. Это прежде всего вызывает мое удивление, и часто я просто не понимаю, что там происходит, о чем идет речь. Вот конкретный пример. Американские друзья взяли меня с собой на матч по бейсболу. Воспитанный в стране футбола, я не понимаю (и до сих пор этого не понял), почему игроки так странно одеты, почему они бегают вокруг спортивной площадки, зачем они размахивают битой, зачем стараются забросить мячик в публику, а когда им это удастся, вызывают энтузиазм на стадионе. Наверно, американцы так же чувствовали бы себя на нашем стадионе над Вислой. Как постигают эту истину рано или поздно туристы – «другая страна – другие обычаи». И если эту истину не усвоить, дело может легко дойти до недоразумений, неожиданностей и конфликтов. Американка, которой поцелуют руку, может воспринять это как форму флирта, ухаживания, как некое предложение. Если я, не сняв обуви, войду в мечеть, я столкнусь с тем, что на меня обидятся и моим поведением возмутятся, поскольку я окажусь в таком случае человеком, совершившим святотатство. А если я буду пить пиво на пляже в Калифорнии, то может случиться, что меня даже арестуют. Значения, которые тому или иному поведению придает группа (коллектив), которые являются общими для этой группы и отличаются от значений, принятых в иных группах, в иной среде, мы называем культурными. Культура поставляет нам определенные, уже готовые сценарии, образцы поведения, которые мы реализуем, желая достигнуть той или иной цели. Поэтому в границах собственной культуры мы чувствуем себя уверенно, безопасно, «как дома», а встречаясь с иной культурой, попадая в иную среду, оказываемся в отчуждении, испытываем тревогу и удивление. Во всяком случае до тех пор, пока не узнаем и не освоим господствующие там иные культурные значения.

(Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. С. 46–47)

Задание 4. Акт коммуникации, по Г. Лассвеллу, подразумевает ответ на ряд вопросов. Заполните таблицу, приведя примеры из традиционных (классических) и нетрадиционных (неклассических) медиа.

<i>Пентада</i>	<i>Традиционные медиа</i>	<i>Нетрадиционные медиа</i>
Кто?		
Что говорит?		
По какому каналу?		
Кому?		
С каким эффектом?		

Задание 5. Невербальная коммуникация играет большую роль во взаимодействии между субъектами. Ниже приведены неязыковые сигналы, распределите их по 5 категориям: *поза, мимика, дистанцирование, интонация, жестикация*.

1. Он воскликнул: «Хотел бы я хоть раз убедиться, что ты выполнишь порученное тебе дело!» 2. Она отступила на шаг назад: «Что это ты себе вообразил?» 3. Он стоял, прилонившись к буфету, скрестив ноги. 4. Четырехлетняя Велинда уверяла свою маму, что может застегнуть пальто самостоятельно. Мама сказала: «Конечно, ты сможешь это сделать, мое сокровище!» и тут же сама застегнула пальто малышке. 5. В то время как Никсон уверял, что ищет контактов с молодым поколением, он неоднократно выставлял руки вперед, словно защищаясь, будто хотел отодвинуться от слушателей. 6. Вы ждете, переминаясь с ноги на ногу, пока помощница заполняет формуляр. 7. Он идет к окну и закрывает его. 8. Она безмолвно на него взглянула, но крылья ее носа дрожали от едва сдерживаемого возбуждения. 9. Кофе был столь горячим, что он инстинктивно его выплюнул. 10. Он иронично сказал: «Коробка передач просто счастлива, что вы так сильно жмете на педаль».

(*В. Биркенбил. Язык интонации, мимики, жестов. URL: http://transyoga.ru/assets/files/books/jazik_tela/irkenbil_cinesica.pdf. С. 16–17*)

Задание 6. Обратитесь к культурологической концепции Э. Холла. 1) Составьте социальные портреты субъектов, соответствующие монохромной и полихронной культурам. 2) Приведите примеры высококонтекстных и низкоконтекстных, монохронных и полихронных культур. Можно ли считать обозначенные вами и автором примеры однозначными? 3) Назовите зоны общения, приведите примеры ситуаций, которые являются подходящими для данных «дистанций».

(*Hall E. The silent language. Doubleday & Company, inc., Garden City, New York, 1959. 242 p. URL: https://monoskop.org/images/5/57/Hall_Edward_T_The_Silent_Language.pdf; Hall E. The Hidden Dimension. Anchor Books Editions, 1969, 1990. 217 p. URL: https://www.academia.edu/5668023/Edward_T_Hall_The_Hidden_Dimension*)

Задание 7. Проанализируйте карту «Культурных ценностей» социолога Р. Инглхарта.

1) Опишите и охарактеризуйте методологию данного исследования.
2) На основе каких данных страны представлены в «диаграмме Инглхарта»? 3) Приведите примеры стран, основываясь на классификации ценностей. Согласны ли вы с выводами автора?

А. Ценности выживания: материальные блага, безопасность, покорность, низкая оценка прав человека, ксенофобия. В. Ценности самовыражения: высокая оценка прав человека, стремление к успеху и материальным благам, внимание к экономии, равноправие мужчин и женщин.

(Карта культурных ценностей Рональда Инглхарта. URL: <https://postnauka.ru/wtf/154916>; World Values Survey site. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>)

Задание 8. На основе классификации культур, предложенной Г. Хофстеде, сравните культурные особенности разных стран (на выбор). Опишите и охарактеризуйте особенности данной методологии.

(Сайт Центра Хофстеде <https://geerthofstede.com/>)

Задание 9. Дайте определение стратегиям аккультурации. Какие примеры из истории и современности можно привести к каждой из обозначенных стратегий: *ассимиляция, сепарация, маргинализация, интеграция*? Можно ли соотнести данные стратегии с результатами аккультурации (*алиенация, переориентация, нативизм, перестраивание*)?

(Гузикова М. О. Основы теории межкультурной коммуникации: [учеб. пособие]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 124 с. С. 21–23, 26)

Задание 10. Перед вами условия, при которых собеседники могут вступить в диалог. Прокомментируйте каждое условие пояснением, что именно будет входить в этот пункт, обозначьте разницу между «общением» и «коммуникацией».

1) Способность к разговору; 2) Способность быть собеседником; 3) Способность быть субъектом; 4) Ориентир на Другого; 5) Соответствие запросу собеседника; 6) Взгляд на себя со стороны; 7) Позитивное восприятие собеседника; 8) Сочетание внешнего и внутреннего диалог; 8) Сохранение основной темы диалога; 9) Переосмысление своей точки зрения; 10) Способность ценить время собеседника и свое; 11) Чувство юмора; 12) Способность держать паузу.

(Шалина И. В. Современная коммуникативистика: практикум. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 128 с. С. 26–30)

Задание 11. Существуют разные причины коммуникативной неудачи: элементы процесса порождения и восприятия речи; ментальные миры собеседников; мониторинг и реципиент-дизайн; избегание когнитивных усилий; самопрезентация; чрезмерная вежливость. Приведите свои при-

меры. Проанализируйте данный пример. Научный руководитель хочет сообщить студенту в письменной форме, что тот должен изменить содержание введения курсовой работы. В чем заключается риск коммуникативной неудачи? Какова ее причина и как ее избежать?

Сократите (немного / немножко) актуальность.

Прошу / советую / думаю, что есть необходимость расширить историографический раздел работы.

Стоит / не помешало бы / необходимо сократить описание практической значимости.

Может быть, нужно заменить группы источников в источниковой базе. Я бы на вашем месте заменил.

Начало длинновато / слишком длинно.

Введение получилось бы лучше, если бы актуальность была короче. Обычно актуальность пишется (по)короче.

Согласно положению / общим рекомендациям, описание актуальности должно быть (чуть) короче.

Не знаю... может быть... возможно стоит сократить актуальность, но, конечно, смотрите сами.

(Мустайоки А. Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего. С. 543–557 // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика: сб. ст. / сост. А. А. Кибрик, А. Л. Кошелев. 2015. 848 с.)

ГЛАВА 2. ВИЗУАЛЬНЫЙ ПОВОРОТ

Визуальный поворот в социально-гуманитарном знании

«Визуальный поворот» ознаменовал изменение культурно-философского представления образа. Не только текст и речь выступают средством опосредования сущего, возможны другие варианты репрезентации Другого и окружающей действительности. Необходимость по-новому смотреть на образ была зафиксирована в дискурсах разных дисциплин. Отдельно следует говорить о визуальном повороте в философии, социологии и истории, заложивших новый взгляд на процесс восприятия культуры как визуальной.

Философия и искусство. Англо-американская традиция на примере семиотики Ч. Пирса и языка искусства Н. Гудмена обращается к вопросу символических систем, которые можно назвать нелингвистическими. Феноменология Мерло-Понти, грамматология Деррида, теория массовой культуры Франкфуртцев, концепт власть-знание Фуко и «власть» и «игра» Витгенштейна – вот некоторые примеры европейской философской мысли, затрагивающие проблемы визуализации культуры.

Традиционное искусствоведение с середины XX в. испытывает определенное затруднение в связи с появлением новых форм визуализации (телевидение, реклама, инсталляции, перформансы итд.), и данный процесс представляется все так же актуальным и незавершенным.

Именно философия позволяет отразить социокультурные перемены и предложить варианты методологий их интерпретации: например, марксистская критика, психоанализ, семиотика, феминизм, постструктурализм.

Рубеж XX–XXI вв. зафиксировал роль визуального в культуре на новом уровне. Отметим исследователей, которые осмысливают визуальность в культуре на стыке философского и гуманитарного знания: У. Митчелл, Г. Бем, М. Баль, Н. Мирзоефф [Ищенко, с. 20].

Социология. О повороте в социальных науках можно говорить, начиная с 1980-х гг. В 1992 г. У. Дж. Митчеллом было предложено словосочетание «пикториальный поворот». Первоначально данный поворот понимался несколько прямолинейно и подразумевал прежде всего использование технических средств (фотоаппарат, видеокамера) для фиксации своих наблюдений. В этом отношении первыми стали использовать фото- и видеодокументы антропологи. Однако при всей «зримости» получаемых сведений нельзя сказать, что визуальный источник может говорить сам за себя. Ошибочно считать, что использование фото и видео позволяет исследователю увидеть то, что было «на самом деле». Любая интерпретация обусловлена той или иной научной схемой. В науке сложилась дилемма, как рассматривать видеометодологию: как репрезента-

ционную или нерепрезентационную [Баньковская, с. 96]. От этого зависит, хотим ли мы воссоздать ситуацию как первозданную, провести процедуру «схватывания» реальности, или мы не просто фиксируем происходящее, но либо погружаемся в событие, что невозможно было бы сделать без посредничества тела и техники, либо являемся метанаблюдателем, реализуем эпистемологию отстранения от объекта.

Во всех случаях речь идет о попытках нивелировать или интерпретировать свою субъектность, собственную включенность в процесс, и понять Другого на основе информации, которая мозаична и с помощью технических средств позволит понять субъекта с помощью визуальных образов, которые следует извлечь из объекта познания.

Визуальная социология, являясь самостоятельным направлением, тем не менее, обращаясь к анализу социокультурных явлений, опирается на философское знание, в котором основными направлениями были семиотика, структурализм и постструктурализм. В этой связи следует отметить идеи Деррида, Бодрийяра, Лакана, Фуко, Барта. Отдельно следует назвать работы Т. ван Дейка, теории которого важны при изучении дискурсивных оснований культуры, и их следует учесть при знакомстве с онтологическим поворотом. С позиций визуальной социологии важно понять, как формируется (конструируется) реальность (субъект), как им приписывается тот или иной смысл и значение. Наблюдаемое – это понимание сконструированности и обусловленности событий.

История. Показателем актуальности «визуального поворота» для исторических дисциплин стало активное развитие визуальной антропологии, ресурсы которой обуславливают междисциплинарный взгляд, объединяющий философов, социологов, историков, культурологов и позволяют сфокусироваться именно на визуальном характере культуры. Несмотря на то, что казалось бы этнографическое документирование (первоначальная тенденция развития визуальной антропологии) тематически и методически близко историческим дисциплинам, история как наука продолжает ориентироваться на письменные источники, но все же постепенно усваивает новые тренды. Прежде всего, такой переход выражен в расширении направлений исследований (визуализация, реконструкция), научная кооперация в разработке ряда тем (память, сознание, повседневность, мифологемы, идеологемы, др.) и использование нетипичных методов (наблюдение, контент-анализ, дискурс-анализ), расширение терминологического аппарата (образ, концепт, портрет) и источниковой базы (карикатуры, фотографии, видеоматериалы, др.) [Мазур, 2015, с. 164–165].

Выводы. Визуальные исследования стали отдельным направлением в рамках различных дисциплин: истории, философии, социологии. Визуальный поворот распространяется на социально-гуманитарные науки, мировоззренческим ядром по его осмыслению является философия, методоло-

гическим – социология. При этом очевидно, что изучаемая проблематика является междисциплинарной. Несмотря на определенную неструктурированность методологии визуальных исследований и нечеткость используемого понятийного аппарата, с позиции визуальных исследований можно констатировать, что мир перестает восприниматься как текст, формируется мир образов. Вместе с тем визуальную реальность можно представить в формате культурного конструкта, который можно прочитывать и интерпретировать как текст. Таким образом, «лингвистический поворот» следует считать первичным и ключевым, однако допустима трактовка смены «лингвистического поворота» «визуальным».

Вопросы и задания по теории

В чем значение «визуального поворота» для современной науки? Ответ аргументируйте на примерах социологии и истории.

Подготовьте доклад о философах-постмодернистах, с чьим именем связан «визуальный поворот». Выделите те их идеи, которые касаются нового состояния визуальной культуры.

Можно ли сказать, что современное искусство обогатилось / обеднело вследствие визуализации культуры?

Как вы считаете, Другой субъект и Другая культура посредством «визуального поворота» могут пониматься лучше, или «образ» Другого отдаляет исследователя от предмета своего познания?

Визуальная культура и проблема коммуникации

Виртуальность культуры. С учетом специфики современной культуры, современный человек потребляет информацию не только с помощью так называемого «лонгрида» ('long', 'read'), а на основе обработки разнообразных изображений, составляющих медиaprостранство, которое можно охарактеризовать как мультимодальное. Наше восприятие мира сопровождается яркими образами, сменой информационных потоков, интерпретация которых сложна и не всегда приближает нас к истине, актуализируя феномен виртуальной культуры, представляющей собой Другую реальность, заменившую повседневность. Творчество связано с особой психологией автора [Берджер; Бергер].

Воображение, идеализация и анализ информации обуславливают разные пропорции виртуальности и реальности современного мира, что нашло отражение в культуре, начиная с истоков истории философии. По Платону, мир идеальных сущностей и форм может быть выражен более реально, чем мир материальных предметов. С точки зрения Декарта, субстанциональный дуализм обозначил параллелизм идеального мышления и бытия, а по Гегелю, мир, который дан человеку в ощущениях, является результирующей составляющей процесса саморазвития и самопознания идеальной субстанции. С позиции Дж. Беркли, субъективные фе-

номены и комплексы ощущений человека не будут релевантными материальности. В его теории можно найти истоки имматериализма [Чельшева]. Таким образом, мир имагинативности – своего рода идеальный универсум, характеризующийся своими особенностями и закономерностями, специфическими для разных эпох. Особенности виртуализации современности выражены, как минимум, в двух факторах: всеобщность, массовизация этого процесса; технологии информатизации. Визуальная культура – это академическое пространство исследований, подразумевающее комбинацию ряда дисциплин: история искусства, культурология, философия, антропология, критическая теория и другие области знания, сфокусированные на визуальных образах. Согласно, Н. Мирзоеффу, такой тип культуры, являясь важной частью повседневного пространства, характеризуется экранностью, глобализацией, стремительным производством и потреблением визуальных продуктов, снижением критического мышления. Возможно, характерные особенности реального и виртуального, отмеченные в истории философии [Егоров; Кузьмичева] с преломлением на «постдисциплинарную формацию» [Мазур, 2018, с. 19] говорят нам о том, что фрагментированная культура лучше может быть понята именно визуально [Батаева, с. 5].

Симулякры и копии. С одной стороны, визуальный источник можно воспринимать как уникальную художественную систему [Барт]. С другой – в работах философов-постмодернистов [Бодрийяр] мы сможем найти теоретическое и практическое обоснование утраты современной культурой оригинальности. Важная роль в восприятии мира и Другого принадлежит ощущениям и образам, что обуславливает смену акцентов: цель не отражение действительности, а формирование собственного мира (миров). В результате копия и референт сближаются, их тождество обусловлено общим механизмом конструирования, в обоих случаях есть некоторая идея, проверка которой на аутентичность не проводится. Копия не просто может замещать референт, а способна претендовать на самостоятельную роль. Симулякр представляет собой копию копии, лишённую подобия. Аналогичный феномен выражен не только на уровне изображения, но и на уровне письменных и устных высказываний: «как бы», «реально», «на самом деле». Подобная риторика и избыточная визуализация, выраженная в обилии инфографики, коротких видеороликов позволяет говорить о явном визуальном тренде в современной культуре, при этом трактовать современную культуру как только лишь визуальную – было бы упрощением. Вместе с тем явный акцент, ставший результатом объективных факторов, ставит важную задачу перед обществоведами. Ч. Миллс и П. Штомпка актуализируют понятие «социологическое воображение» [Покровский, с. XIV], необходимое социологу, анализирующему социокультурное пространство. Необходимо выйти за рамки

обывательской созерцательности и научиться анализу социальной реальности во всем ее многообразии. Для этого нужно, как минимум, знать теоретические основания проблемы, понимать особенности репрезентации и конструирования образов Другого. Как максимум, и для исследователя, и для актора важно умение ставить себя на место Другого, принимать решения с учетом других субъектов.

Медиапространство и визуализация медиа. Знание того, как устроено медиапространство, и в чем заключаются особенности новых медиа также имеет значение для понимания современного человека, в том числе, современного школьника. Визуализация – это своего рода медийный тренд, данный элемент присутствует во всех видах средств массовой информации.

Проникновение «визуального поворота» в медиапространство – процесс, который включает в себя комплекс технологических средств и методов коммуникаций, необходимых для передачи сообщения в том или ином формате (текст, аудио-, видео-, изображение, различные комбинации между ними). Медиа как совокупность каналов коммуникации, посредством которых от источника к реципиенту передается любое содержание информации, подразумевает что в процесс коммуникации включается трансляция смыслов. Оболочка и содержание этих смыслов выражены в разнообразных форматах: реклама, музыка, кино, речь, текст и др. С точки зрения М. Маклюэна, информационное сообщение можно рассматривать как расширение сознания и органов чувств [Родина]. С одной стороны, визуальные медиа включают в себя видео- и фото-сервисы, а также социальные медиа, которые можно трактовать как новую стратегию коммуникации и разновидность Интернет-ресурсов. С другой стороны, в целом, можно сказать, что массмедиа в современном обществе являются авангардом визуального поворота [Симакова, с. 228].

Социальные медиа и СМИ. 1) Как относительно наименования «визуальные медиа», «социальные медиа», так и применительно к иным дефинициям темы необходима операционализация используемых понятий. 2) Употребление зависит от контекста, проблема также заключается в отставании научной рефлексии от технологических изменений в культуре.

Проблемами социальных медиа можно считать клубы по интересам. Развитие интернет-технологий привело к формированию соцмедиа на платформе Web 2.0. Ключевым элементом социальных медиа является пользовательский контент, что делает их особенными на фоне классических СМИ как в отношении содержания информации, так и с точки зрения организации материала. СМИ продолжают считаться более достоверным источником информации, социальные медиа не всегда обладают необходимым профессионализмом в подаче информации и не являются гарантом качества контента, ретранслируя, например, слухи. Вместе с

тем социальные медиа бывают разные, в целом, они обладают большей оперативностью, публикуют актуальную информацию, способны раскрывать ее с разных точек зрения. СМИ и социальные медиа обладают схожим функционалом: идеологический, коммуникативный, рекламный, справочный, развлекательный. Помимо уже ставших классическими Facebook, Twitter, ВКонтакте появились ресурсы, специализирующиеся именно на видео-контенте: Instagram, TikTok, что указывает на визуальный поворот и в индустрии социальных медиа.

Медиадискурс как часть дискурса. Медиадискурс подразумевает коммуникативно-когнитивный процесс смыслопорождения [Кожемякин]. Возможны два варианта понимания его специфики. С одной стороны, медиадискурс – это особый тип речемыслительной деятельности, характерный именно для массмедиа. Он существует наряду с другими институциональными дискурсами (педагогический, религиозный, политический, др.). Соответственно, они будут различаться параметрами дискурса (языковые практики, коммуникативные ситуации), но могут подпадать под одну тему. С другой стороны, медиадискурс – любой вид дискурса, который циркулирует в сфере массовой коммуникации и порождается СМИ, в том числе новыми медиа (социальными медиа). То есть педагогический, религиозный, политический дискурсы могут являться медиадискурсом. В любом из двух уровней понимания отличительной особенностей такого дискурса будет конвертация смыслов: конструирование нового знания; переход между уровнями знания (академический – быденный); амальгамирование информации (соединения политической и развлекательной информации, формирование квазиполитического дискурса). При анализе медиадискурса также следует учесть проблему категоризации, о которой речь пойдет в разделе «Когнитивный поворот». Кроме того, нужно учитывать исторический (цивилизационный) и социокультурный контексты, что будет обозначено в разделе «Онтологический поворот». Также важное процедурное значение имеет учет социального взаимодействия, что может быть условием производства нового знания. Особенности социального взаимодействия субъектов имеют дискурсивное значение и ведет к реальным социокультурным последствиям. В анализе медиа важна междисциплинарность [Киттлер].

Выводы. «Визуальный поворот» затронул не только научные области знания, изменил основание самой культуры. Важную роль в получении и обработке информации и коммуникации приобретает медиапространство. Соотношение виртуального и реального миров начинает осмысливаться еще в истории философии. Современная культура рассматривается как противоречивое явление. Среди различных ее свойств исследователями выделяется визуализация, экранность, глобализация, утрата оригинальности. Социологическое воображение – способ воспри-

нимать Другого в условиях тиражирования симулякров. Социальные медиа являются новыми медиа и обладают особенными чертами, которые отличают социальные сети от классических СМИ. Социальные медиа являются составной частью медиадискурса. Медиадискурс является примером синтеза лингвистического, визуального, онтологического и когнитивного поворотов.

Вопросы и задания по теории

Как в философии и литературе представлена концепция «двух миров»? Приведите по одному примеру из каждого дискурса в отечественном и зарубежном художественном и философском пространствах.

Попробуйте дать собственное определение социальных медиа на основе их отличительных черт и их иерархии в Рунете.

Раскройте проблему симулякров и копий в развитии истории философии. Актуальна ли данная проблема в современном обществе, или она носит, скорее, теоретический характер и не находит своего подтверждения в сфере искусства, коммуникации, науки?

Визуальные источники: проблема интерпретации

Критерии анализа визуальных образов. Вне зависимости от типа визуального источника существует набор критериев (Штомпка), позволяющих определять и интерпретировать источники. 1) техника создания (живопись, графика, скульптура, кино, классическая и цифровая фотография) делает актуальным вопрос об оригинале и копии; 2) локализация образа, место его презентации (медиапространство, публичное пространство, эксклюзивное и приватное пространство) акцентирует наше внимание на разных «режимах восприятия» (Дж. Роуз) одного и того же объекта (теория не-репрезентации [Баньковская]; 3) функции образов можно представить следующим перечнем: художественная (экспрессия и эстетика), информационная (документальная), коммерция, реклама, пропаганда.

Фотография как способ репрезентации культуры и субъекта.

Применительно к анализу фотографии актуализируется целый ряд проблем. 1) Соотношение «образ – изображение». Не следует отождествлять данные понятия, поскольку первое – это представление, второе – представление представления, это визуальная репрезентация образа. 2) Фотография сводит воедино и является результатом связи медиа, образа и телесности. Речь и эмоциональный опыт субъекта играют важную роль при создании и интерпретации фотографии. «Тело» как способ и источник восприятия будет учитываться и в «когнитивном повороте». 3) Согласно Р. Барту, следует учитывать ряд субъектов фотографического опыта: Operator (кто производит съемку), Spectrum (кого изобразили), Spectator (кто рассматривает), также следует акцентировать внимание на таком субъекте, как Demonstrator (кто показывает снимок). В случае с

последним учитывается роль не только изображения, но и речи. 4) Согласно С. Зонтаг [Зонтаг, с. 200], благодаря фотографии упраздняется платоновская интерпретация реальности [Круткин, с. 503]: образы и вещи, копия и оригинал, феномен и опыт становятся неразличимыми, а изображение становится реальнее самой реальности. 5) Фотография является методом социологического исследования [Штомпка] и способом коммуникации. Фотообъектив позволяет обратиться к понимаю общества (индивидуальность, коллективность, социальные взаимодействия), фотография становится методом изучения политической коммуникации [Барт], позволяя понять образ политического лидера, актуализировать связь между кандидатом и избирателем. Фотография как новый источник позволяет на новом материале раскрыть концепцию ученого: 1) Через фотографию раскрывается повседневная жизнь субъекта, характеризуются множество стереотипов поведения и одновременно представляется идеальное бытие с точки зрения автора. Помимо явных интенций субъекта, фотография вскрывает систему схем восприятия образов, а также мысли и оценки, характерные для группы, выявляя «иерархию легитимностей» [Бурдьё, 149]. 2) Жизненный мир группы реализуется в фотообразах, представляя собой определенный социальный спектакль [Гофман].

Визуальные образы являются способами понимания и конструирования мира [Ярская-Смирнова, Романов].

Кино: пересечение стратегий исследования. Как и в случае с фотографией, кинематограф как источник анализа находится, как минимум, между двух разных стратегий исследования: эстетическая, в которой кино выступает как культурологический феномен, объект искусства, и социальная, характеризующая кино как переплетение идеологий. Историков и лингвистов интересует язык эпохи и репрезентации исторических процессов и явлений в киноконтексте. Социологи и философы обращаются к соотношению образа и стратегии контроля. Это тема отражается и в «онтологическом повороте» на примере работ Бурдьё, Фуко, Жижека, представителей Франкфуртской школы, которые акцентируют внимание на языке власти, идеологии и манипуляции. Существует еще одна оппозиция для рассматривания кинематографа как материала исследования. 1) Кино как нарратив, аспекты (темы) которого подлежат субъективному авторскому анализу (отечественные традиции киноведения). В такой логике нет четко установленных линий анализа, при этом их множество, что в совокупности позволяет всесторонне посмотреть на тот или иной пример киноиндустрии: анализ киноконтекста, интерпретация отдельных сцен, отдельного фильма или серии фильмов, объединенных одним режиссером или сценаристом; критерием может быть одна или несколько философских концепций, которые эксперт подбирает к тому или иному фильму. Как следствие, такой анализ представляет пример концептуализации и субъек-

тивно-оценочного характера. 2) Теория кино, в которой, с одной стороны, есть плюрализм подходов, и выработанная традиция, связанная с программной работой Ж. Делеза, с другой стороны, как правило, речь идет о соединении лакановского психоанализа и марксизма. В этой связи стоит упомянуть методологию С. Жижека, основанного на психоанализе [Жижек, Лакаң]. Отдельно позиционируется подход Корте [Корте], который стремится представить всесторонний анализ произведений. Также в последнее время дискуссии западных авторов касаются так называемой Посттеории, которая предлагает выход за рамки существующих наработок и анализировать кино с самых разных позиций [Павлов, с. 11–14].

Карикатура как визуальный источник. Карикатура интерпретирует реальность с помощью художественного образа. Юмористическая или сатирическая форма преувеличивает характерные особенности процесса или субъекта. Карикатура является креолизированным или мультимодальным текстом – текстом, который представлен двумя негомогенными частями (вербальной и невербальной). Карикатура является средством критики и выражения недовольства тенденциями, субъектами, явлениями. Карикатура обладает возможностью быть средством агитации и пропаганды. Кроме того, карикатура способна отражать исторически значимые события, в том числе актуальные на момент ее создания.

«Другой» как образ смешного, страшного, чужого, опасного представлен в карикатуре. Квантификация юмора как культурного явления крайне сложна. Социологические исследования юмора обобщены в работе Ж. Кейперс: функционалистский, конфликтный, интеракционистский, феноменологический, социально-исторический подходы [цит. По Мельников, с. 6, 7]. Как и в случае с мемами, важным культурологическим основанием являются работы Лотмана, Бахтина, Лихачева.

Социологическая терминология позволяет применить к карикатурам понятия «мы-группы» и «они-группы», актуализирующих проблему этноцентризма. В целом, можно выделить ряд функций карикатуры (информационная, коммуникативная, психологическая разрядка, эстетическая, познавательная, эвристическая, воспитательная, философская и политическая) и основные категории карикатуры (шаржи и портреты, социально-бытовая, изощтка, «strip») [Айнутдинов, с. 27].

Мем как способ коммуникации. Смех, анекдот, карикатура и, в целом, визуализация юмора и злободневной темы – это основа для изучения самого современного из визуальных источников – мема. Мем является единицей информации [Докинз], вирус сложной природы [Рашкофф]. Репликация – основа механизма создания и функционирования мема. Мем перестает зависеть от конкретной ситуации, трансформируясь из прецедентного события в бесконтекстное явление. По форме и содержанию мем может представлять собой как синтез этих отдельных элемен-

тов, так и каждый из них в отдельности: фраза, идея, изображение, звук. Мемом может стать человек. Фактически, мемом может стать любой феномен массовой культуры. Интернет-мем представляется одной из самых распространенных его форм, как и слово, так и само явление начинает активно использоваться в середине первого десятилетия XXI в.

Классифицировать мемы затруднительно, так как существуют различные критерии их категоризации (структура, содержание, семиотическое основание, др.). Можно выделить следующие типы: двусоставные мемы, компаративные, персонажные, гифы, синтаксические мемы, ситуативные комиксы, текстовые мемы, метамемы, экзистенциальные мемы, ностальгические [Бытие и мемы].

В социально-философском отношении стоит сделать отсылку к идеям М. Бахтина, описывающему карнавальную культуру средневековья с народно-праздничным амбивалентным смехом [Бахтин, 1990, с. 17], способность карнавала к синтезу с иными проявлениями культуры [Бахтин, 1986, с. 365]. Карнавал и юмор – с одной стороны, феномен исторический [Лихачев], в определенной степени новые формы развития эта важная часть культуры получает в Интернет-коммуникации. Также следует отметить взгляды Э. Тоффлера, характеризующего клип-культуру с ее временными образами [Тоффлер, с. 278].

В методологическом плане можно говорить о разнообразии подходов к анализу мемов [Зиновьева, с. 8]. В контексте визуального поворота представляются актуальным понимание мема как креолизованного текста, применение мультимодального анализа, ресурсов визуальной социологии. Как знаковую систему мем можно рассмотреть в рамках семиотического подхода. Теория индустрии культуры позволяет отнести к мему как товару. Кроме того, мем позволяет синтезировать достижения разных поворотов: критическая теория (онтологический поворот): мем как способ манипуляции, когнитивная социология (когнитивный поворот): мем как единица культуры и мышления, являющаяся социально обусловленным. Таким образом, в научном отношении следует говорить о переплетении социально-гуманитарных и естественных наук, междисциплинарный характер изучения мемов отражен в таком направлении как меметика, не имеющей, однако, общенаучного признания.

Мемы являются способом коммуникации молодежи. Умение идентифицировать и трактовать смыслы интернет-мемов позволяет установить взаимодействие между разными поколениями.

Выводы. Благодаря визуальному повороту сформировалась новая философия образа. Обращение к анализу образов – это новый подход к коммуникативности. Виртуальность связана с воображением. Варианты визуализации контента многообразны. Важность для исследования и интерпретации Другого сохраняют визуальные источники, которые можно

назвать классическими: фотография, кинематограф, карикатура. Интернет-мем является новым визуальным источником, способом понимания Другого. В зависимости от цели исследования можно выбрать разные методологии интерпретации образов через визуальный ряд. Сложность интерпретации связана с мультимодальной природой визуального образа. Категория «образ» является смежной для двух «поворотов» (визуального и когнитивного).

Вопросы и задания по теории

Назовите универсальные критерии определения визуальных источников. Попробуйте их проиллюстрировать конкретными типами визуальных источников (кино, фотография, карикатура, мем).

Докажите, что между «визуальным» и «когнитивным» «поворотами» в развитии теории коммуникации есть связь.

Охарактеризуйте вклад философов и социологов в расширение представлений о кинематографе и фотографии как визуальных источников.

Почему мем называют новой карикатурой? Объясните разницу между ними. Чем обусловлена популярность мемов в современной культуре?

Список источников и литературы

Источники

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
3. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М.: Ad Marginem, 1997. 223 с.
4. Бергер Дж. Искусство видеть. СПб.: Клаудберри, 2012. 184 с.
5. Берджер Д. Блокнот Бенто. Как зарождается импульс что-нибудь нарисовать. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. 108 с.
6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
7. Бурдые П. Общедоступное искусство: опыт о социальном использовании фотографии. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2014. 456 с.
8. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 304 с. (Малая серия «LOGICA SOCIALIS» в серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).
9. Докинз Р. Эгоистичный ген. С. 158. URL: <https://roev.ru/wp-content/uploads/2020/03/Dokinz-R.-Egoistichnyj-gen.pdf>.

10. Жижек С. Киногид извращенца: Кино, философия, идеология: сборник эссе. Екатеринбург: Гонзо, 2017. 464 с.
11. Зонтаг С. О фотографии. М.: Ad Marginem press, 2013. 272 с.
12. Киттлер Ф. Оптические медиа: Берлинские лекции 1999 г. М.: Логос; Гнозис, 2009. 272 с.
13. Кортэ Г. Введение в системный киноанализ с примерами исследований на материале фильмов «Забриски Поинт» (Антониони, 1969), «Мизери» (Райнер, 1990), «Список Шиндлера» (Спилберг, 1993), «Ромео и Джульетта» (Лурман, 1996). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 360 с.
14. Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, Книга II (1954/55)). М.: Издательство «Гнозис»; Издательство «Логос». 2009 (1-е изд: 1999). 520 с.
15. Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси. Л.: Наука: Ленингр. отделение, 1984. 295 с.
16. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. С. 11. URL: <https://geopolitikum.org/wp-content/uploads/2020/06/Mediavirus-Rashkoff-Duglas.pdf>.
17. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Издательство «АСТ», 2002. 776 с. (Philosophy).
18. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник / пер. с польск. Н. В. Морозовой; авт. вступ. ст. Н. Е. Покровский. М.: Логос, 2007. 168 с.

Литература

1. Айнутдинов А. С. Типология и функции карикатуры в прессе // Вестник ЧелГУ. 2008. № 21. С. 20–28.
2. Баньковская С. Видеосоциология: теоретические и методологические основания // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 2. С. 90–127.
3. Батаева Е. В. Видимое общество. Теория и практика социальной визуалистики: монография. Х.: ФЛП Лысенко И.Б., 2013. 349 с.
4. Бытие и мемы. URL: <http://d-storytelling.sochisirius.ru/memes>.
5. Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сб. науч. ст. / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова, В. Л. Круткина. Саратов: Научная книга, 2007. 528 с.
6. Егоров Н. С. Категория виртуальности в истории философии от античности до Нового времени // COLLOQUIUM-JOURNAL. 2019. № 1–2 (25). С. 39–41.
7. Ищенко Е. Н. «Визуальный поворот» в современной культуре: опыты философской рефлексии // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 16–27.

8. Кожемякин Е. Медиадискурс // CDA. Современный дискурс-анализ. URL: http://discourseanalysis.org/ada2_1/st20.shtml.

9. Круткин В. Л. Визуальные медиа в социальном познании: о разработке учебного курса // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: сб. ст. междунар. науч.-практич. конф. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015. С. 501–508.

10. Кузьмичева А. Виртуальный мир Джорджа Беркли // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2003. № 1 (13). С. 138–141.

11. Мазур Н. Н. Исследования визуальной культуры: история и предыстория // Искусствознание. 2018. № 1. С. 10–15.

12. Мазур Л. Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 161–178.

13. Мельников С. С. Политический юмор как форма рефлексии в российском обществе (на примере карикатур XX–XXI вв.): дис. ... канд. соц. наук. М., 2017. 218 с.

14. Павлов А. Анализ фильма: теперь в России. С. 11–24 // Корте Г. Введение в системный киноанализ с примерами исследований на материале фильмов «Забриски Пойнт» (Антониони, 1969), «Мизери» (Райнер, 1990), «Список Шиндлера» (Спилберг, 1993), «Ромео и Джульетта» (Лурман, 1996). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 360 с.

15. Покровский Н. Е. Умение видеть и искусство понимать. С. VII–XVI // Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник. М.: Логос, 2007. 168 с.

16. Родина В. А. Концепция коммуникаций Г. М. Маклюэна и современность // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1 (39). С. 83–86.

17. Симакова С. И. Визуальный поворот – новая философия образа в средствах массовой коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 10 (420). Филологические науки. Вып. 114. С. 225–232.

18. Чельшева И. В. Историко-философский анализ конструирования медиареальности в учении Дж. Беркли // Медиаобразование. 2010. № 2. С. 4–16.

Тексты для самостоятельного анализа

Барт Р. Camera lucida

2. Фото не поддается классификации

Кто мог вывести меня из затруднения? Фотография ускользает уже от первого шага, от попытки систематизации: ведь чтобы образовать упорядоченную совокупность (согрус), нужно начать с систематизации конкретных разновидностей. Подразделения, которым подвергают фото-

графию, носят по сути эмпирический (профессиональное фото / любительское фото), риторический (фото пейзажей, натюрморты, портреты, нагая натура) или эстетический (реалистическая фотография / художественная фотография) характер, во всех случаях внешний своему предмету, не имеющий отношения к его сущности, каковая (если, конечно, она существует) является не чем иным, как тем Новым, которое пришло вместе с ней. Все же приведенные виды классификации прекрасно применимы и к другим, более древним формам изображения. Казалось бы, Фотография не поддается классификации. С чем в таком случае, спрашивал я себя, связана подобная хаотичность?

Моя первая находка была следующей: то, что Фотография до бесконечности воспроизводит, имело место всего один раз; она до бесконечности повторяет то, что уже никогда не может повториться в плане экзистенциальном. Событие в ней никогда не выходит за собственные пределы к чему-то другому; фотография постоянно сводит упорядоченную совокупность (*corpus*), в которой я испытываю нужду, к телу (*corps*), которое я вижу. Она являет собой абсолютную Единичность, суверенную, тусклую и как бы тупую Случайность. Это (это фото, а не Фотография как таковая), короче, есть Тюхе, Случай, Столкновение, Реальность в их самом что ни на есть неумолимом выражении. ... Фотография это не что иное, как непрерывный зачин из этих «Посмотри», «Взгляни», «Вот тут», она пальцем указывает на некоего визави и не способна выйти за пределы чисто дейктического языка. Именно поэтому насколько дозволительным казалось говорить о той или иной фотографии, настолько же невероятными представлялись мне рассуждения о Фотографии как таковой. Конкретная фотография действительно не отличается от своего референта (того, кто на ней представлен), или, по крайней мере, она не отличается от него непосредственно (между тем, это происходит со всеми другими изображениями, с самого начала по своему статусу отягощенными тем, каким образом они чему-то подражают): ухватывание фотографического означаемого не является невозможной задачей (профессионалы с ней справляются), но оно требует вторичного рефлексивного акта. По своей природе Фотография (для удобства нужно принять эту универсалию, которая пока что сводится к неустанному повторению случайности) заключает в себе нечто от тавтологии: трубка на ней навсегда неуступчиво остается трубкой. Фотография как бы постоянно носит свой референт с собой. В центре пребывающего в движении мира фото и его референт поражены любовной и мрачной неподвижностью; каждый их член плотно приклеен один к другому, подобно тому как осужденного при некоторых видах пытки приковывают к трупу. Кроме того они напоминают пары рыб (помнится, у Мишле речь шла об акулах), которые плавают сообща, как бы соединившись в вечном коитусе. Фотография относится к

классу слоистых объектов, две половинки которых нельзя отлепить друг от друга, не раз рушив целого: таковы оконное стекло и пейзаж, но также – а почему бы и нет? – Добро и Зло, желание и его объект, дуальности, которые можно постигать, но не ощущать (я пока еще не знал, что из этого упорствования Референта в постоянном пребывании там и возникнет искомая мной сущность).

Указанная фатальность – нет ни одного снимка, на котором не были бы изображены нечто или некто – увлекает Фотографию в безбрежный хаос всевозможных предметов. На каком основании выбирается (фотографируется) один объект, одно мгновение, а не другой или другое? Фотография не поддается классификации, потому что нет ни малейшей причины маркировать те или иные из ее случайных проявлений. Возможно, ей хотелось бы достичь языкового достоинства, стать столь же значительной, уверенной в себе и благородной, как знак. Но для того чтобы знак был, сначала нужно, чтобы была метка. Лишенные принципа маркировки, снимки превращаются в знаки, которые не закрепляются, которые сворачиваются, как молоко. Что бы оно ни изображало, в какой бы манере ни было выполнено, само фото никогда не видимо, точнее, смотрят не на него.

Короче говоря, референт прилегает к нему очень плотно. Это необычно близкое прилегание делает привыкание к фотографии необычайно трудным. Жертвами данной трудности являются книги, посвященные фотографии (к тому же их куда меньше, чем книг, в которых рассматривается любое другое искусство). Часть из них связана с техникой фотографии; для того, чтобы фотографическое означающее «рассмотреть», их авторы вынуждены поближе пристроиться к нему. Другие книги носят исторический или социологический характер; для наблюдения за получившим всеобщее распространение феноменом фотографии авторы таких книг по необходимости занимают весьма отдаленную позицию. Я с раздражением констатировал, что ни в одной из них речь не шла о тех снимках, которые интересуют именно меня, снимках, которые доставляют мне удовольствие или возбуждают. Что я мог извлечь из правил композиции пейзажа в фотографии или (оставаясь на другом конце того же спектра) из рассмотрения Фотографии как семейного обряда? Каждый раз, когда мне случалось читать что-то о фотографии, я представлял себе конкретное фото, которое любил, и это приводило меня в ярость. Ибо видел я исключительно референт, вожделенный объект, нежно любви мое тело, но тогда докучливый голос (голос науки) увещевал меня строгим тоном: «Вернись к Фотографии. То, что ты там видишь и что заставляет тебя страдать, входит в рубрику “любительские фотографии”, которой занималась группа социологов. Она – не что иное, как след, оставленный ритуалом социальной интеграции, пред назначенным поднять акции Семьи и т. д.» Однако я продолжал упорствовать: другой, более сильный голос

побуждал меня отвергать социологический комментарий; перед лицом некоторых фотоснимков я хотел бы одичать, отказаться от культуры. Так я и жил, не решаясь редуцировать бесчисленное множество существующих в мире фото или распространить отдельные «мои» снимки на Фотографию в целом. Другими словами, я оказывался в тупике: я был, если так можно выразиться, одинок и бессилен «в научном плане».

Источник: Барт Р. Camera lucida // Библиотеке Гумер. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/camera/01.php.

Вопросы: В чем особенности фотографии как источника? С какими проблемами сталкивается исследователь при анализе фотографий? В чем заключается дуализм фотографии? В каком значении автор использует понятия «экзистенциальный», «означающий», «референт»? При анализе фотографии различаются ли подходы философа и социолога?

Т. Адорно, М. Хоркхаймер. Диалектика просвещения. Философские фрагменты С. 157–158.

Весь мир становится пропущенным через фильтр культуриндустрии. Хорошо известное ощущение кинозрителя, воспринимающего улицу, на которой стоит кинотеатр, как продолжение только что закончившегося зрелища именно потому, что последнее всегда ориентировано на точное воспроизведение обыденного восприятия мира, становится путеводной нитью производственного процесса. Чем более плотным и сплошным оказывается осуществляемое его техниками удвоение эмпирической предметности, тем легче удается сегодня утвердиться иллюзии, что внешний мир является всего лишь непосредственным продолжением того, с которым сводят знакомство в кинотеатре. С момента произошедшего с молниеносной быстротой внедрения звукового кино механическое приумножение действительности целиком и полностью начинает обслуживать этот замысел. В соответствии с этой тенденцией реальной жизни уже более не допускается в чем-либо отличаться от звукового фильма. Благодаря тому, что он, далеко превосходя иллюзионизм театра, уже более не оставляет фантазии и мысли зрителей того измерения, в котором они, не теряя нити повествования, в рамках фильма и в то же время совершенно не подлежащим контролю образом могли бы отвлечься и дистанцироваться от его точной фактуры, учит он отданных ему на произвол самым непосредственным образом идентифицировать его с реальной действительностью. Захирение способности к воображению и спонтанной реакции у потребителей культуры сегодня уже не нужно сводить к действию определенных психологических механизмов. Ее продукты сами, и в первую очередь самый характернейший, звуковой фильм, парализуют какую бы то ни было возможность для них обладать такого рода способностями. Они построены таким образом, что, хотя для их адекватного восприятия и требуется схватывать все быстро и аккуратно, быть

наблюдательным и сведущим, именно мыслительную активность воспрещают они тому зрителю, который не хочет ничего упустить из проносщегося перед его взором потока фактов. Хотя требующееся тут от зрителя напряжение является столь хорошо рассчитанным, что в конкретных случаях не возникает необходимости в его актуализации, оно все же оказывается достаточным для того, чтобы вытеснить воображение. Того, кто поглощен космосом фильма до такой степени, что уже не способен дополнить его тем, благодаря чему он лишь и становится космосом, вовсе не обязательно должны в момент демонстрации фильма всецело занимать особенности его машинерии и достигнутые ею успехи. По все иным фильмам и прочим фабрикатам культуры, с которыми он должен быть знаком, ему уже настолько хорошо известна степень требуемого тут внимания, что она достигается автоматически. Могущество индустриального общества подчиняет себе человека раз и навсегда. Продукты культуриндустрии могут рассчитывать на то, что они будут проворно потреблены даже в состоянии предельного расстройтва. Ибо всякий человек является моделью гигантской экономической машинерии, изначально и постоянно, и в ситуации труда и в ситуации ему подобного отдыха удерживающей всех в напряжении. Из любого звукового фильма, из любой радиопередачи может быть почерпнуто то, что в качестве социального эффекта не может быть приписано никому в отдельности, но только всем вместе. Каждая отдельно взятая манифестация культуриндустрии безотказно воспроизводит человека как то, во что превратила она его в целом. Надзор за тем, чтобы процесс простого воспроизводства духа случайно не привел к расширенному его воспроизводству, осуществляется всеми ее агентами, от продюсера до женских союзов.

Источник: Хоркхаймер М., Адрно М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум, Ювента. 1997. 312 с.

Вопросы: Какова модальность высказывания авторов? Чем вызваны подобные настроения? Сogласны ли вы с таким ракурсом проблемы? Поясните понятия, которые используют философы: культуриндустрия, машинерия, механическое преображение действительности, удвоение эмпирической предметности. В чем заключается смысл метафоры «жизнь как звуковой фильм»?

Ж. Делез. Кино. Краткий обзор типов образов и знаков. С. 320–322.

Мы увидим, что современные формы повествования, даже его «читабельность», проистекают из композиций и типов образа-времени. Повествование никогда не бывает явленной данностью образов или произведением поддерживающей их структуры: это следствие самих явленных образов, образов, которые ощутимы сами по себе, образов в том виде, как они прежде всего определяются «для себя».

Источник трудности здесь лежит в уподоблении кинематографического образа высказыванию. Это нарративное высказывание якобы с необходимостью оперирует сходством или аналогией, а поскольку оно работает со знаками, то это «аналоговые знаки». Стало быть, существует потребность в двояком преобразовании семиологии: с одной стороны, образ нужно свести к аналоговому знаку, принадлежащему к высказыванию; с другой же стороны, необходимо кодифицировать эти знаки, чтобы в основе этих высказываний обнаружить структуру языка-langage (неаналоговую). Все якобы происходит в промежутке между высказыванием, осуществленным по аналогии, и его «цифровой» или «оцифрованной» структурой.

Но как раз в результате замены образа высказыванием он оказывается наделен фальшивой внешностью, а его наиболее подлинно явленная черта – движение – от него отчуждается. Ибо образ-движение не является аналоговым в смысле подобия: он не похож на представляемый им объект. Именно это Бергсон продемонстрировал уже в первой главе «Материи и памяти»: если мы вычтем движение из движущегося тела, то не останется никаких различий между образом и объектом, ибо различие «работает» только через обездвиживание объекта. Образ-движение и есть объект, сама вещь, схваченная в движении как в непрерывной функции. Образ-движение – это модуляция самого объекта. «Аналоговое» здесь встречается, но в нем уже нет ничего общего с подобием: это тот же способ обозначения модуляции, как в случае с так называемыми аналоговыми машинами. Нам возразят, что модуляция отсылает, с одной стороны, к подобию, пусть даже для оценки степеней подобия в континууме, – а с другой, к коду, способному «оцифровать» аналогю. Но это опять же верно лишь только если обездвигнуть движение. Подобное и цифровое, сходство и код, обладают как минимум одной общей чертой: это вместилища, одно для осязаемой формы, другое для интеллигибельной структуры: поэтому они могут с таким успехом сообщаться между собой. Но модуляция есть нечто иное; это варьирование самого вместилища, преобразование вместилища в каждый момент операции. Если же оно отсылает к одному или нескольким кодам, то происходит это с помощью прививок, прививок кода, увеличивающих мощностъ модуляции (как, например, в электронном образе). Сами по себе сходства и кодификации – средства убогие; из кодов ничего путного не получится, даже если их нагромождать, в чем изощряется семиология. Именно модуляция подпытывает оба вместилища, превращая их в подчиненные средства и даже порою извлекая из этого новое могущество. Ибо модуляция представляет собой действие Реального, ведь она формирует и непрестанно продолжает формировать тождественность между образом и объектом.

Есть риск, что весьма сложный тезис Пазолини будет в этом отношении плохо понят. Умберто Эко о ставил ему в упрек «семиологиче-

скую наивность». Это привело Пазолини в ярость. Такова уж судьба хитрости – казаться слишком наивной чересчур ученым простакам. Похоже, Пазолини стремился продвинуться еще дальше, нежели семиологи: ему хотелось приравнять кино к языку-*langue*'у и снабдить его двойной артикуляцией (планом, эквивалентным монеме, но также и объектами, возникающими в кадре, «кинемами», эквивалентами фонем). Он как будто хотел вернуться к теме универсального языка. Но Пазолини уточняет: это язык-*langue* реальности. «Дескриптивная наука о реальности» – такова недооцененная природа семиологии, и она выходит за пределы вербальных и невербальных «существующих языков-*langage*'ей».

Источник: Делез Ж. Кино: Кино-1 Образ-движение; Кино-2 Образ-время / [пер. с фр. Б. Скуратов]. М.: Ad Marginem, 2004 (Екатеринбург: ГИПП Урал. рабочий). 622 с.

Вопросы: Что вы знаете о персоналиях, упоминаемых Делезом? В чем особенность современных форм повествования? Какую особенность повествованию придает оцифрованная структура? В чем отличие «образа» и «высказывания»? Способен ли образ достоверно передать реальность? Поясните категории, которые использует автор: вместилище, образ-движение, модуляция, код, аналоговое.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. С. 148–150.

Гиперреализм и симуляции. Остается лишь с черным юмором вспоминать о тотальном театре Арто, о его Театре жестокости, отвратительную карикатуру на который являет эта спациодинамическая симуляция. Здесь вместо жестокости – минимальный и максимальный «пороги стимулов», для чего изобретены «перцептивные коды, рассчитанные относительно порогов насыщения». Даже старый добрый «катарсис» классического театра страстей превратился нынче в симулятивную гомеопатию. Так обстоят дела в сфере художественного творчества.

Из того же разряда и разрушение реальности в гиперреализме, в тщательной редупликации реальности, особенно опосредованной другим репродуктивным материалом (рекламным плакатом, фотографией и т. д.): при переводе из одного материала в другую реальность улетучивается, становится аллегорией смерти, но самим этим разрушением она и укрепляется, превращается в реальность для реальности, в фетишизм утраченного объекта; вместо объекта репрезентации – экстаз его отрицания и ритуального уничтожения: гиперреальность.

Подобная тенденция началась уже в реализме. Риторика реальности сама по себе уже свидетельствует о том, что статус этой реальности серьезно подорван (золотым веком был век языковой невинности, когда языку не приходилось дублировать сказанное еще и эффектом реальности). Сюрреализм был все еще солидарен с реализмом, критикуя его и порывая с ним, но и дублируя его в сфере воображаемого. Гиперреальность пред-

ставляет собой гораздо более высокую стадию, поскольку в ней стирается уже и само противоречие реального и воображаемого. Нереальность здесь – уже не нереальность сновидения или фантазма, чего-то до – или сверхреального; это нереальность *галлюцинаторного самоподобия реальности*. Чтобы выйти из кризиса репрезентации, нужно замкнуть реальность в чистом самоповторении. Прежде чем появиться в поп-арте и живописном неореализме, эта тенденция была уже заметна в «новом романе». Его замысел уже состоял в том, чтобы создать вокруг реальности вакуум, удалить всякую психологию, всякую субъективность и свести реальность к чистой объективности. Фактически эта объективность оказывается объективностью чистого взгляда – объективностью, которая наконец освободилась от объекта, сделала его лишь слепым ретранслятором осматривающего его взгляда. Соблазн замкнутого круга, в котором нетрудно распознать бессознательную попытку стать невидимкой.

Именно такое впечатление производит неороман – яростное стремление избавиться от смысла в тщательно воссозданной и слепой реальности. Исчезают синтаксис и семантика – вместо явления объекта его принуждают к явке с повинной и допытываются с пристрастием подробностей о его разрозненных фрагментах; никакой метафоры и метонимии, одна имманентная череда фрагментов под полицейской властью взгляда. Такой «объективный» микроскопизм, доходя до пределов репрезентации ради репрезентации, вызывает головокружение от реальности и смерти. Долой старые иллюзии рельефа, перспективы и глубины (пространственной и психологической), связанные с восприятием объекта: вся оптика, вся скопика в целом становится операциональной, располагаясь на поверхности вещей, взгляд становится молекулярным кодом объекта.

Есть несколько видов такого головокружения реалистической симуляции:

I. Деконструкция реальности на ее детали – замкнутое в себе парадигматическое склонение объекта по падежам, сплюснутость, линейность и серийность частичных объектов.

II. Самоотражение – всевозможные эффекты раздвоения и удвоения объекта в одной из его деталей. Такое умножение объекта выдает себя за глубинный взгляд, даже за критический метаязык, и при рефлексивном устройстве знака, в рамках диалектики зеркала это, пожалуй, действительно было так. Теперь же это бесконечное преломление объекта оказывается не более чем другим типом серийности: реальность в нем уже не отражается, а инволютивно свертывается до полного истощения.

III. Собственно серийная форма (Энди Уорхол). Здесь отменяется не только синтагматическое измерение, по заодно и парадигматическое, потому что вместо видоизменения форм или даже внутреннего самоотражения имеет место простая соположенность одинакового: и флексив-

ность и рефлексивность равны нулю. Как сестры-близнецы на эротической фотографии: плотская реальность их тел обращается в ничто их подобием. Куда направлять психическую инвестицию, если красота одной тут же дублируется красотой другой? Взгляду остается только двигаться между ними, и всякое видение замыкается в этом движении туда-сюда. Утонченный способ убийства оригинала, по также и странный соблазн, где всякая направленность на объект перехвачена его бесконечным самопреломлением (сценарий, обратный платоновскому мифу или же воссоединению двух разделенных половинок символа, – здесь знак размножается делением, словно инфузория).

Источник: Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: «обровет, Издательство «КДУ», 2015. 392 с.

Вопросы: Можно ли говорить о современной культуре как пространстве «симулятивной гомеопатии»? Возможен ли в культуре процесс репрезентации? Каковы исторические основания процесса, описываемого автором? Можно ли сопоставить Гиперреальность и Нереальность? Опишите виды реалистической симуляции. Можно ли сопоставить понятие «деконструкция» у Деррида и Бодрийяра? Выпишите все специальные понятия, которые использует автор, дайте им определения.

Практические задания

Задание 1. П. Штомпка считает фотографию источником и способом исследования, дополняющим такие методы, как количественный и статистический и выделяет 7 этапов к анализу содержания фотографии: четкая дефиниция исследовательской задачи, выбор объекта анализа с потенциально богатым фотографическим материалом, выбор снимков, установления протокола кодирования фотографического материала, кодирование снимков, количественный анализ, формулирование выводов.

1) Попробуйте сформулировать исследовательскую цель и обосновать выбор источников для анализа. 2) В микрогруппах реализуйте данную логику исследования по темам «Стереотипы в культуре», «Изменения в моде». Формулировки тем следует детализировать в соответствии с исследовательской целью и задачами проекта.

Задание 2. Понятие мем (мим) в научный оборот вводит популяризатор науки Р. Докинз. Прочитайте текст. Согласны ли вы с аналогиями автора? Актуально ли использование концепции дарвиновской теории эволюции в анализе культурной сферы?

Примерами мимов служат мелодии, идеи, модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мимы распространяются в том

же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией. Если ученый услышал или прочитал об интересной идее, он сообщает о ней своим коллегам и студентам. Он упоминает о ней в своих статьях и лекциях. Если идея подхватывается, то говорят, что она распространяется, передаваясь от одного мозга другому. Как изящно сформулировал мой коллега Н. Хамфри (N. K. Humphrey) смысл раннего наброска этой главы, «мимы следует рассматривать как живые структуры не только в метафорическом, но и в техническом смысле. Посадив в мой разум плодовитый мим, вы буквально поселили в нем паразита, превратив тем самым разум в носителя, где происходит размножение этого мима, точно так же, как размножается какой-нибудь вирус, ведущий паразитическое существование в генетическом аппарате клетки-хозяина.

И это не просто *façon de parler* (фр. образное выражение): мим, скажем, «веры в загробную жизнь» реализуется физически миллионы раз, как некая структура в нервной системе отдельных людей по всему земному шару».

(Докинз Р. Эгоистичный ген. С. 158. URL: <https://roev.ru/wp-content/uploads/2020/03/Dokinz-R.-Egoistichnyj-gen.pdf>)

Задание 3. Проанализируйте контент социальной сети «ВКонтакте» и составьте список из 10 групп, специализирующихся на распространении мемов. Попробуйте классифицировать группы и мемы по различным критериям (целевая аудитория, тема, способ создания, др. критерии).

Задание 4. Согласно американскому писателю и медиаведу Дугласу Рашкоффу, существует 3 типа медиавируса. Прочитайте текст. 1) Какие типы медиавирусов выделяет автор? Согласны ли вы с такой классификацией? 2) Приведите примеры мемов данных групп, обоснуйте свой выбор.

Судя по всему, имеются три основных типа медиа-вирусов. Вирусы, относящиеся к самой очевидной разновидности, такие, как рекламные трюки или выходы медиаактивистов, – создаются и запускаются намеренно, с тем, чтобы способствовать распространению какого-либо товара или идеологии. Также имеются вирусы, которые мы можем назвать «копированными» или «вирусами-тягачами» – например, скандал между Вуди Алленом и Миа Фэрроу или эпидемия СПИДа, которые не обязательно кем-то запускаются намеренно, но которые мгновенно «запрягаются» и распространяются теми группами, которые надеются промотировать с их помощью свои собственные концепции. (Республиканцы использовали «дело Вуди» для критики нью-йоркских семейных ценностей; ультраправые консерваторы использовали эпидемию СПИДа, как аргумент в пользу того, что гомосексуализм – это зло.) Наконец, имеются полностью самозарождающиеся вирусы – такие, как избиение Родни

Кинга или дело «Тоня Хардинг/Нэнси Керриган», или даже новые технологии вроде виртуальной реальности и научные открытия, которые вызывают интерес и распространяются сами по себе, так как наталкиваются на слабые места общества или идеологический вакуум.

(Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. С. 11. URL: <https://geopolitikym.org/wp-content/uploads/2020/06/Mediavirus-Rashkoff-Duglas.pdf>)

Задание 5. Заполните таблицу. Существует множество классификаций мемов. 1. Приведите пример к каждому типу, распределите критерии классификации: 1) способ зарождения (преднамеренно созданные, кооптированные, самозарождающиеся); 2) канал информации (Интернет, телевидение, печатная пресса, радио); 3) срок жизни (краткосрочные, долгосрочные); 4) стиль (мотивирующие, демотивирующие, ироничные, др.); 5) специфика (общие, специализированные); 6) источник (прообразом может быть событие, персона, история, цитата и др.); 7) структура (двусоставные, компаративные, метамеры, экзистенциальные, ностальгические, персонажные, синтаксические), 8) семиотический признак (визуальные, аудиальные, текстовые, смешанные), 9) уровни (мономемы, инварианты). 2. Попробуйте сформулировать основную проблему (тему), которой посвящен мем.

Пример мема	Источник (ссылка)	Характеристика источника	Критерий примера

Что такое мемы // Memepedia. URL: <https://memepedia.ru/about-memes>

Задание 6. 1) На основе школьного учебника истории попробуйте представить исторический сюжет в формате комикса, предложив последовательность реплик, которые будут произносить герои. 2) Ознакомьтесь с образовательными комиксами: например, Робинсон Д. Философия в комиксах. М.: Эксмо, 2018. 176 с.

В чем отличие представления информации в таком формате от классического учебного материала? Какие преимущества и недостатки такого формата вы можете назвать?

Задание 7. На основе школьного учебника по обществознанию попробуйте представить материал по одному из блоков курса (экономика, социология, философия, право, политология) в формате инфографики.

Пример: Элиот Д. Мировая литература в инфографике. СПб.: Питер, 2017. 160 с.

Задание 8. Тренировка визуального воображения. Подготовить ответ по плану на основе 1) фотографии из личного архива 2) фотографии, посвященные определенному общественно значимому событию. План обсуждения: 1) Какой является денотация снимка: что он представляет? 2) Какой является коннотация: какие ассоциации вызывает? 3) Какого типа знаки имеются на снимке? 4) Какие формы взаимодействия можно заметить? 5) Представляет ли фотография какую-либо мысль, идею, убеждения изображенных лиц? 6) Реализуют ли люди на снимке какие-либо правила, нормативные образцы, ценности? 7) Проявляются ли какие-либо формы неравенства или другого общественного расслоения?

(Штомпка П. Визуальная социология. С. 131–132)

Задание 9. Кинематограф как источник информации для культуролога, философа, историка.

1. Анализ коммуникативных ситуаций на основе кинематографа.

Выберите пример фильма, на основе которого можно дать следующую характеристику героям и сюжету: сведения о коммуникантах; наличие конфликтных ситуаций; причины конфликта; вербальные и невербальные коды, коммуникативные сбои, барьеры и неудачи; способы их преодоления; успешность / неуспешность коммуникативной ситуации.

2. Социально-философский анализ кинематографа.

На основе теорий и аналитической логики, предложенных М. Мерло-Понти, С. Жижеком, Г. Кортэ и Ж. Лаканом проанализируйте примеры фильмов из жанра арт-хаус, боевик, комедия, мелодрама.

3. Исторический анализ кинематографа.

Выберите фильм, на основе которого можно определить историческую эпоху / событие / процесс, представленный в его сюжете. Попробуйте проанализировать его по плану: этапы создания и замысел сценария; характеристика исторического периода, в который фильм вышел на экраны; реакция власти и общества на кинокартину; образы героев (социальный портрет); анализ вещественных источников (костюмы, интерьер); составление списка источников, позволяющих составить образ данной эпохи; соотношение с исторической реальностью посредством дискурсивного и феноменологического анализа.

ГЛАВА 3. ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ

Онтологический поворот в социально-гуманитарном знании

Онтологический аспект коммуникации связан с социальной составляющей ее природы. «Социальное» понимается в широком смысле слова и может включать в себя аспекты, связанные с основными подсистемами общества (экономический, политический и т. д.). Именно интерпретация коммуникации через анализ особенностей социального взаимодействия акторов, выявление особенных черт конкретных сообществ и индивидов позволяет определить дифференциацию поведения субъектов, в том числе речевого.

Онтологический поворот свидетельствует о первоочередности социально-философского анализа языка и коммуникации. Если когнитивный поворот акцентирует наше внимание на субъекте высказывания, то онтологический поворот позволит актуализировать экстралингвистический контекст, учесть социально-политические процессы и явления, в том числе проблемы власти и насилия. Язык связан с символическим насилием и может выступать способом «мягкой силы». Социальные проблемы, которые общество ощущает как серьезные или актуальные, проявляются через язык. Бурдье, как и Фуко, указывает на связь языка и власти. Язык актуализирует формы господства, формы контроля, является регулятором общественных отношений и источником этической оценки поступка. Применительно к языку используются экономические аналогии (экономика языкового обмена), в целом, понятийный экономический аппарат положен в основу понимания сущности взаимодействия между субъектами, стремящихся к получению прибыли (производство, потребление, капитал, рынок и др.).

Коммуникативный поворот как часть онтологического поворота. «Лингвистический поворот» фактически обусловил «коммуникативный поворот», который повлиял на изучение не только повседневной коммуникации, но и обусловил новый ракурс изучения языка науки, который также как и повседневный дискурс может сталкиваться с межкультурными проблемами и отсутствием конвенциональных связей. Теория не всегда воспринимается как репрезентация. Начиная с постструктуралистских идей пересматривается роль и статус языка как способа репрезентации окружающего мира. Категоризация мира рассматривается как результирующая «онтологичности» языка. Помимо лингвистической относительности возникли концепции онтологической относительности, как следствие, релятивизация языка обусловила релятивизацию научных теорий, при которой каждая теория формирует свою собственную действительность и ее изучает.

В целом, онтологизация мира связана с именем Хайдеггера. Как минимум, следует учесть два момента в его философии. Во-первых, категоричность бинарной репрезентации мира следует заменить экзистенциально-феноменологическим проектом. Во-вторых, язык и есть бытие человека. Онтологизация языка выражена в целом направлении, берущим начало от Платона. Эта линия существует в противовес утилитаристской, функционалистской, конвенционалистской тенденциями в истории философии и филологии. Помимо Хайдеггера, к этому направлению можно причислить следующих авторов: Дж. Вико, В. Гумбольдт, А. С. Хомяков, А. А. Потебня, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев, М. М. Бахтин.

«Онтологический поворот» предполагает концептуализацию предметного мира. Коммуникация в русле коммуникативного конструкционизма также обладает онтологическим статусом. Существует целый ряд теорий, которые позволят в обозначенной логике проанализировать коммуникационный процесс и проблемы межкультурной коммуникации: символические миры коммуникаций (Ю. Хабермас), аутопойэзис (Н. Луман), гиперреальность, символический обмен (Ж. Бодрийяр), симультанные пространства (М. Маклюэн) и т. п.

Социальный аспект «онтологического поворота». Онтологические трансформации социально-гуманитарного знания обусловили целый ряд перемен в анализе общества и коммуникации. 1) Меняется социальная теория. Для нового понимания социальности особенно показательны акторно-сетевая теория, теория сборки, теория сообщества, онтология места [Бурбулис, с. 53]. 2) Формулируются новые трактовки коммуникации, которую можно понимать, как взаимодействие в широком смысле слова. 3) Перемены в способах описания и изменения обществ закреплены в антипозитивистской и постпозитивистской методологии. Как следствие, объективация объекта – это опция не социолога, который наблюдает за процессом, а актора. В этой связи обозначенная во Введении логика изложения данного материала, с учетом которой межкультурную коммуникацию следует рассматривать не только со стороны исследователя, но и актора, снимает противоречие между этими опциями, соединяя их в одном субъекте.

В целом, «онтологический поворот» в контексте нашей темы можно свести к двум аспектам: 1) новая метафизика в трактовке социальных процессов, метафизическая ирредукция акцентируют внимание на непостоянстве объектов; аксиоматизируется множественность и плюральность мира; 2) институционализация коммуникации, «онтос» = «институт». Именно второй аспект обуславливает обращение к многозначному термину «дискурс». Оба аспекта ориентируют исследователя на сложный процесс примирения эмпиризма и метафизичности, макрообъяснений и микрообъяснений.

Выводы. Онтологический подход к языку пришел на смену инструментально-утилитаристской модели. Языковые смыслы обладают имманентно-трансцендентной природой. Многомерное измерение дискурса позволяет примирить метафизические и эмпирические установки исследователей коммуникации. «Онтологический поворот» обуславливает первичность социально-философского анализа природы языка и процесса межкультурной коммуникации. Тезисы об онтологичности мира и онтологичности языка позволяют раскрыть язык как форму господства и регулятор общественных отношений.

Вопросы и задания по теории

Поясните роль философии Хайдеггера в онтологическом повороте. Как связаны «коммуникативный» и «онтологический» «повороты»? Есть ли общее между «сетью» Латура и «сборкой» Де Ланда?

Критическая теория и дискурс

Дискурс в теории Фуко. При определении условий формирования системы знаний Мишеля Фуко интересовали процессы распространения, фиксации и распада такой системы. Ключевым основанием и условием развития знания Фуко считал дискурс, посредством которого знание будет рационализироваться, то есть организовываться, расчленяться, классифицироваться и, в конечном счете, систематизироваться. Работа «Археология знания» (1969) [Фуко, 2004] в этом отношении является программной, начиная с нее философ активно использует понятие «дискурс», который, с его точки зрения, представляет собой совокупность высказываний, принадлежащую к одной и той же системе формаций. С помощью дискурсов создается каркас дискурсивных формаций, который упорядочивает реальность. Дискурс и дискурсивная формация поддерживают режим производства знаний, тем самым детерминируется авторитетность высказывания: кто может и имеет право говорить, а кто – нет. В этой связи надо отметить два момента, акцентирующие связь дискурса и власти с позиции субъекта и культуры (контекста). 1) Речь человека – это всегда претензия на власть. Цели, которые преследует говорящий, могут быть им неотрефлексированы, но язык всегда выдает претензию на власть. 2) Не все дискурсы выражены в равной мере, тот факт, что определенный дискурс получает преимущественное право – это вопрос властных отношений. Как следствие дискурс – это власть, которой следует обладать, дискурсам свойственно множится [Фуко, 1996, с. 51]. Власть и насилие связаны с инструментами контроля над субъектами [Фуко, 2015].

Дискурс как борьба за власть. Политическая коммуникация представляет собой идеальную модель для изучения намерений говорящих и особенностей потенциально конфликтных ситуаций, сопровождающих процесс межкультурной коммуникации. Политический дискурс пред-

ставляет собой знаковое образование, в котором интенциональная основа коммуницирующих представляет собой борьбу за власть. Обратиться к такому типу дискурса важно с точки зрения изучения сбоев в процессе межкультурной коммуникации.

Активное развитие коммуникации в Интернет-пространстве, взаимовлияние онлайн- и офлайн-культур, актуализирует дискурс, включающий в себя темы политики или политизирующий изначально неполитическую тему, что позволяет обозначить такой дискурс как квазиполитический.

Для исследователя изучение такого типа дискурса позволяет выявить интеграцию и дифференциацию субъектов по разным идеологическим основаниям. Важными сопутствующими процессами и явлениями, на которые следует обратить внимание при изучении квазиполитической коммуникации, являются развитие и разрешение конфликта, достижение консенсуса между сторонами, манипуляция сознанием, способы контроля за формированием мнения и осуществлением действия субъекта, варианты интерпретации полученной информации от говорящего субъекта.

Насилие и власть в теории Жижека. Триада Ж. Лакана «Воображаемое – Символическое – Реальное» [Жижек, 2017, с. 287] используется С. Жижеком как методологическая рамка для характеристики социальной реальности. «Воображаемое» посредством образов, аллюзий и фантазий служит точкой отчета для конструирования картины мира. Я как «неузнавание своих предпосылок» [Жижек, 1999, с. 73]. Коммуникация и дискурс формируют порядок, представляющий собой «Символическое пространство». Порядок выражен в нормах, правилах, институтах и может быть опредмечен в практиках мультикультурализма, политкорректности толерантности. «Реальное» представляет собой жестокую, брутальную, травматическую сущность. «Реальное» характеризуется жестокостью [Жижек, 2002, с. 11–12], не вписывается в «Символическое» и рано или поздно вторгается и нарушает привычный мир повседневности. При этом сам дискурс может обходиться без слов [Лакан, с. 9].

Концепция пост-современности Жижека выражена в ряде тезисов, в которых важную роль играет язык и коммуникация. 1) Существует разрыв между «Реальным» и реальностью. Абстрактная универсальность и социальные практики не совпадают. 2) Данный разрыв сокрыт посредством власти языка и «Воображаемого», в совокупности представляющих собой идеологию.

Другая триада, которую использует Жижек, характеризует разные варианты насилия, присутствующие в современном обществе: «Объективное – Субъективное – Символическое». Насилие является рассредоточенным феноменом. Насилие не является прямой характеристикой конкретного действия. Если субъективное насилие зримо, и его проявления видны, то объективное насилие является системным, оно трудно опреде-

лимо, так как заключается в сути самого миропорядка. Как следствие, идеология функционирует имплицитно. Таким образом, объективное насилие – системно и неявное, субъективное – явное и типичное в восприятии насилия, символическое – выражено в культурных формах, прежде всего, в языке. Системное насилие скрывается в тени субъективного. Язык является элементом объективного насилия и идеологии постсовременности, воспринимаемой естественным образом. Присвоение смыслов посредством сигнификации [Девятков, Макарычев, с. 186–189] обуславливает сложную коммуникацию и борьбу между группами, вписывающуюся в политический контекст. Парадоксально, но понимание Другого посредством толерантного отношения может трансформироваться в отчуждение и дистанцирование от Другого. Жижек вводит понятие «антиномии толерантного разума» [Жижек, 2010, с. 84].

Культура и Франкфуртская школа. В эволюции идей Франкфуртской школы, к которой можно причислить работы раннего Хабермаса, а творчество Жижека воспринимать как следствие данного направления, прослеживаются культурфилософское обоснование кризиса современной культуры, частью которого является конформизм и агрессия, негативно сказывающиеся на межкультурной коммуникации в условиях нового и новейшего времени. Среди проблем, оказавших влияние на европейский кризис, философы выделяют развитие технического прогресса и формирование культуры массового типа. Использование экономических целей и категорий применительно к человеку, применение аналогий рынка к культурным явлениям нивелируют понятие «ценностей» и «смыслов», обуславливают опосредованный их характер, разрыв связей между человеком и культурой.

Массовый человек, характеризуется «одномерностью» (Маркузе), активное развитие массовой культуры выражается в культуре необразованных слоев населения, развитие техники олицетворяет механический порядок [Шумаков, с. 69–71]. Гуманизм, толерантность, критическое мышление, способность понимать Другого уступают место рутине, личностным интересам и «практике насилия и подавления в глобальном масштабе» [Маркузе]. Идея толерантности, ее наполнение, воплощение и понимание меняются вслед за изменением общества и культуры.

Выводы. Дискурсивные формации упорядочивают реальность. Эволюция теории Фуко оказала влияние на становление дискурсивных исследований, которые позволяют анализировать процесс коммуникации, раскрывать его асимметрию. С позиции Фуко, речь человека выдает его претензии на власть. По Жижеку, язык формирует реальность субъекта, являясь формой символического насилия. Процесс межкультурной коммуникации можно рассматривать по аналогии с политической коммуни-

кацией. Интенция коммуникантов в обоих случаях выражена в борьбе за дискурс (власть), в обозначении своего уникального «Я».

Вопросы и задания по теории

Сопоставьте понятия, предложенные Фуко, в разные периоды своего творчества: «эпистема», «дискурс», «формация». Какова их связь?

Раскройте следующие тезисы: «язык – это репрезентант власти», «язык – это сама власть».

Приведите примеры к основным «триадам» Жижека. Согласны ли вы с критикой толерантности, представленной Жижеком?

Охарактеризуйте конструкционистский подход к коммуникации.

В чем заключается современная критика тезисов Франкфуртской школы?

Дискурс и идеология

Культурологическая дуальность «свой – чужой» и идентичность. Оппозиция «свой – чужой» является важной дихотомией для осмысления динамики социокультурного пространства в целом и межкультурной коммуникации в частности. Фраза Хайдеггера «Каждый оказывается другой и никак не он сам» [Цит. по Волков, с. 94] во многом предвосхищает активное развитие философско-антропологического взгляда на идентичность человека через категорию Другой (феминизм, Лакан, Лотман, Кристева).

С точки зрения Лотмана, любая культура делится на «свое» и «их» пространство [Лотман, с. 175]. Все, что касается «нашего» «внутреннего» пространства наделяется положительными характеристиками: безопасное, культурное. «Их» пространство, напротив, враждебное и опасное.

Противопоставление своих и чужих – это способ мышления человека, изначально присущий человеческому сообществу, нуждающемуся в самоидентификации и идентификации Других. Актуальность этой оппозиции для современного общества обуславливается целым рядом оснований. 1) Разная степень дистанционирования от «своего». «Свой» – это некоторый эталон, зона самоидентификации. Существуют более и менее «свои». Понижение степени вовлеченности в «мы-пространство» актуализирует образ «Другого». Как только от «Другого» исходит опасность, он является «Чужим» [Никогосян, с. 233–235]. «Чужого» можно интерпретировать через следующие образы: нездешний, странный, незнакомый, сверхъестественный, злоедей [Малецке, цит. по Садохин, с. 16]. 2) Культурно-мировоззренческие типы оппозиции. А) Мифологическое наполнение категорий «мы» и «они», которую можно свести к противопоставлению «людь-нелюдь». В) Религиозная интерпретация связана с дихотомиями «рай – ад», «божественный – земной», «грешник – праведник» и др. С) Философский тип оппозиции проецирует область «своего»

на «свое Я», позволяет описать пределы собственного Я [Фельде, с. 16, 18, 34, 35, 49].

Идентичность – это ощущение тождественности и самождественности личности. В социальном отношении следует говорить о разных видах: гендерная, сексуальная, возрастная, этническая, религиозная, классовая, национальная, региональная, естественная, искусственная [Гузикова, Фофанова, с. 46, 47].

Категория «мы» представляет собой часть социальной идентичности.

Таким образом, во всех аспектах дихотомия «свой-чужой» является механизмом идентификации и самоидентификации и связана с процессом конструирования мира [Бергер]. В современной культуре эту универсальную оппозицию можно проследить на примерах функционирования СМИ, которые определяют образы «своих» и «чужих» применительно к самым резонансным и повседневным событиям.

Язык и идеология, идеологемы и мифологемы. В логике нашей интерпретации межкультурная коммуникация (разноуровневая коммуникация субъектов, представляющих разные культуры и обладающие разным культурным бэкграундом) может интерпретироваться по аналогии с политической коммуникацией. Межкультурная коммуникация может рассматриваться в контексте конфликта ценностных систем (современность – традиция, глобалистская – антиглобалистская, западник – почвенник [Могилевич, с. 7]).

Как следствие, при выявлении оппозиции «свой-чужой» такая коммуникация может быть идеологизированной. В этой связи отметим два обстоятельства. 1) Идеология понимается не столько как политический, сколько как социокультурный феномен, который включает в себя систему принципов, определяющих ценности, знания, мнения группы. 2) В межкультурной коммуникации говорящие субъекты могут представлять собой отдельных представителей общностей, групп, институтов.

Выявление оценочных суждений в языке позволят определить идеологичность текста. Оценочно-референтные слова – это прагмемы. На лексическом уровне можно выделить 3 класса слов, в которых по-разному проявляется оценочность в связи с намерениями говорящего субъекта. Так, оценочность «плохой – хороший» будет определяться контекстом, а слова «сподвижник», «соратник» являются сугубо оценочными, обладают идеологической отмеченностью [Эпштейн, с. 19, 20].

Идеологичность в языке актуализирует проблему соотношения языка, общества, культуры, истории. «Идеологию» можно отнести к сфере общественного сознания, в широком смысле «идеология» отражает совокупность взглядов, в узком – связана с политическими взглядами. Цель идеологии – манипулирование и управление. Идеологичность подразумевает однонаправленность и социальную оценочность. Язык можно пони-

мать как знак идеологии. Идеологические компоненты в коммуникации определить сложно. При такой задаче следует выявить денотативное ядро и обратиться к толковым словарям. Сложность заключается в том, что денотат может быть фантомным. Мифологема, имеющая отношение к понятию миф, строится на мифологических представлениях, сложившихся в национальной культуре. Размытость денотативного компонента идеологема, основывающейся на мифе, связано с тем, что идеологема может приобретать статус мифологема. Связующим звеном между понятиями является политическая тематика, на основе которой формируется суждение. Политологическая мифологема является идеологемой [Вепрева, Шадрина, с. 121–129].

Дискурс состоит из идеологических структур. Общими стратегиями для большинства дискурсов являются следующие:

1. «Нас» следует представлять в положительном свете, нельзя говорить ничего отрицательного, акцентировать внимание только на позитивном, не следует акцентировать ничего отрицательного.

2. «Других» следует представлять в отрицательном свете, нельзя говорить ничего положительного, акцентировать внимание только на негативном, не следует акцентировать ничего положительного. Таким образом формируется т.н. «идеологический квадрат» [Герасимов, с. 82].

Структура новости и доминирование. Вследствие емкого тезиса «дискурс – это власть» нужно конкретизировать эту мысль примерами из критической теории дискурса, согласно которой тот, кто обладает дискурсом, тот и обладает властью.

Новости представляют собой дискурсивное пространство, которое формирует общественное мнение по какому-либо вопросу, а также является источником конструирования и ретрансляции бинарной оппозиции «свой – чужой».

В этом отношении следует выделить критический подход, который направлен на критическое исследование социального неравенства, выраженного в языке. В работах ряда авторов [Fairclough, Водак, ван Дейк] анализируется проблема использования языка как способа установления власти и контроля. Критический подход можно противопоставить дескриптивному подходу, в котором исследователь старается занять нейтральную позицию независимого исследователя, в то время как при использовании критического подхода ученый смотрит на процесс коммуникации с точки зрения угнетенного, лишенного власти субъекта.

Средства коммуникации могут быть механизмом воспроизводства стереотипов и идеологий. По Т. ван Дейку, структуры новости как отдельного типа дискурса включают в себя следующие элементы.

1. Локальные структуры (микроструктуры): структуры предложения (грамматика), морфология, синтаксис, семантика и лексика, структуры

последовательностей (грамматика текста), реляционный синтаксис (анализ когезии), реляционная семантика (анализ когерентности).

2. Глобальные структуры (макроструктуры): семантические макро-структуры (топики, темы), формальные суперструктуры (схемы) [ван Дейк, 2015, с. 134].

Анализируя особенности репрезентации доминирования в языке и коммуникации, Т. ван Дейк изучал дискурс и расизм, этой теме посвящено несколько работ автора: «Коммуницирование расизма», «Расизм и печать», «Предвззудки в дискурсе», «Дискурс элиты и расизм». На уровне социальных дискурсов (публикации в газетах, повседневные разговоры, политические дебаты) автор описывает систематическое воспроизводство различных форм подавления субъекта: расизм, стереотипы, предвззудки.

Под идеологией в этой связи можно понимать аксиоматические верования социально-этнических групп. Идеология воспроизводится как текст и речь, которые тиражируются через СМИ, идеология задает взаимообусловленность социальных отношений.

Контекст с социальной и лингвистической точек зрения следует понимать в нескольких смыслах. Широкое значение подразумевает учет лингвистических, экстралингвистических, прагматических параметров [Cook, цит. по Шейгал, с. 19]: 1) физические носители текста (видео, аудио); 2) параязык (невербальная коммуникация, мимика, жесты, параграфемика; 3) ситуация (взаимодействия, взаимоотношения между субъектами, особенности восприятия ситуации субъектами); со-текст (элементы данного дискурса) и интертекст (элементы другого дискурса, связанные с данным); участники общения; функции общения. Как следствие, под дискурсом следует понимать формулу «текст + контекст».

С точки зрения Фуко, дискурс – это власть. Синтез «уже-сказанного» и «никогда-не-сказанного» [Цит.по Приходько, с. 23] также указывает на властный характер дискурса, который в конкретно-исторический период включает в себя особенности мышления, знаний и оценок, которые может высказать человек своей эпохи. Условно говоря, научный дискурс, например, XX века, как и любой институциональный дискурс – проекция социально-исторического фона этого времени. Как следствие, концепцию Фуко об эпистемах следует рассматривать вместе с его теорией дискурса. Фактически на субъекта накладываются ограничения относительно тематики, формы и содержания высказывания. Дискурс действует как система ограничений [Серио, с. 26].

Современный дискурс, реализуемый в медиaprостранстве, можно трактовать как квазиполитический, интенциональной основой такого дискурса является борьба за власть, установление своего мнения, как доминирующего, трансляция своей системы ценностей, представляющейся

субъекту правильной. В такой борьбе межкультурная коммуникация субъектов может сопровождаться взаимной стереотипизацией и стигматизацией, популизм может стать стратегией подобной коммуникации.

Выводы. «Онтологический поворот» представляется одним из самых продуктивных для актуализации социально-политического и социально-философского измерений коммуникации. Обретение идентичности на фоне Другого позволяет актуализировать оппозицию «свой – чужой», являющуюся культурной матрицей коммуникации интересующего нас типа. Критическая традиция, выраженная в философских, политологических и социологических теориях, является основой дискурсивных исследований культуры и коммуникации. Дискурс является проявлением власти, дискурс – это и есть власть. Язык конституирует идентичность и дискурс Другого. Идеология – это действительность, и она отражена в языке. Показательным примером реализации данного тезиса и использование оппозиции «свой – чужой» является дискурс СМИ, формирующий квазиполитическую реальность. Критический дискурс-анализ позволяет определить стереотипы, расистские высказывания, предубеждения, воспроизводимые в разных типах социального дискурса.

Вопросы и задания по теории

Опишите исследования Т. ван Дейка, посвященные идеологии и СМИ. Какие темы изучал автор, какую методiku использовал?

Охарактеризуйте новости как отдельный тип дискурса.

Уточните разницу между категориями «свой», «другой», «чужой», «враг». Можно ли их представить в виде последовательности или иерархии?

Приведите примеры мифологем и идеологем, объясните критерии в определениях данных дефиниций.

Список источников и литературы

Источники

1. Fairclough N. Language and Power. 3rd ed. London: Routledge, 2015. 264 p.
2. Бергер П. Л. Социальное конструирование реальности: Трактат по социол. знания: [Перевод] / Питер Бергер, Томас Лукман. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 322, [1] с.
3. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. В. И. Карасика, Н. Н. Трошиной; Волгогр. гос. пед. ун-т, Науч.-исслед. лаб. «Яз. и личность». Волгоград: Перемена, 1997. 138 с.
4. Дейк Т. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

5. Дейк Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер.с англ. / под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.
6. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художеств. журнал, 1999. 236 с.
7. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Фонд науч. исслед. «Прагматика культуры», 2002. 160 с.
8. Жижек С. О насилии. М.: Издательство «Европа», 2010. 184 с.
9. Жижек С. Чума фантазий. Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2017. 388 с.
10. Лакан Ж. Семинары: в 20 кн. Книга 17. Изнанка психоанализа. М.: Издательство «Гнозис»; Издательство «Логос», 2008. 272 с.
11. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
12. Маркузе М. Репрессивная толерантность. URL: https://royallib.com/read/markuze_gerbert/repressivnaya_tolerantnost.html#0.
13. Серио П. Как читают тексты во Франции. С. 12–53 // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. 416 с.
14. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А. С. Колесникова. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с. (Серия «Аrs Riga. Французская коллекция»).
15. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 416 с.
16. Фуко М. Порядок дискурса. С. 49-96 // ВОЛЯ К ИСТИНЕ: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Литература

1. Бурбулис Ю. В. «Онтологический поворот» в современной социальной теории: теоретико-методологические предпосылки // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2015. № 4 (146). С. 53–65.
2. Волков А. Г. Аналитика самости в онтологии М. Хайдеггера и в тоталогии В. Кизимы // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2013. Том 26 (65). № 4. С. 89–96.
3. Вепрева И. Т., Шадрин Т. А. Идеология и мифология: интерпретация терминов // Научные труды профессоров Урал. ин-та экономики, управления и права. Екатеринбург. 2006. Вып. 3. С. 120–131.
4. Герасимов В. И. Идеология и дискурс в работах Т. А. Ван Дейка (реферативный обзор) // Политическая наука. 2003. № 4. С. 73–84.

5. Гузикова М. О. Основы теории межкультурной коммуникации: [учеб. пособие] / М. О. Гузикова, П. Ю. Фофанова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 124 с.

6. Девятков А. В., Макарычев А. С. Славой Жижек: Власть, политика, сопротивление // Актуальные проблемы Европы. 2012. № 2. С. 184–198.

7. Могилевич Б. Р. Концептуальные характеристики межкультурной коммуникации в ракурсе социологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2009. Т. 9. Вып. 1. С. 6–10.

8. Никогосян Н. М. Конструирование образов «Свой», «Другой» и «Чужой» в СМИ // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 9. Вып. 3. С. 232–238.

9. Приходько А. Н. Таксономические параметры дискурса // Язык. Текст. Дискурс. 2009. № 7. С. 22–30.

10. Садохин А. «Свой – чужой» в межкультурной коммуникации: подходы к изучению проблемы // Вопросы культурологии. 2007. № 3. С. 15–19.

11. Эпштейн М. Н. Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 19–33.

12. Фельде В. Г. Оппозиция «свой – чужой» в культуре: дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2015. 152 с.

13. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 431 с.

14. Шумаков В. И. Теория массовой культуры Франкфуртской школы в контексте культурфилософской рефлексии начала 1930-х годов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. С. 68–75.

Тексты для самостоятельного анализа

Т. ван Дейк. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. С. 36–39.

Нелегитимное использование власти. Так, СМИ могут информировать нас о гражданских волнениях, но в какой-то момент эта «информация» о «бунтах» превращается в тексты, содержащие предубеждения о черной молодежи, «странах третьего мира», или в классовые идеологические тексты о малоимущих гражданах. Или в какой-то момент исследование, посвященное иммиграции или повседневной жизни меньшинств, вдруг начинает подтверждать распространенные стереотипы, например, о наркомании или насилии, и игнорировать факты повседневной дискриминации меньшинств властями, полицией и символическими элитами. В целом, изучение очевидных способов злоупотребления дискурсом, будь то неприкрытая расистская пропаганда или псевдонаука, должно быть до-

полнено более детальным анализом повседневных практик, в которых «хорошее» и «плохое» соседствуют в текстах. С какого же момента, описывая повседневные дискурсивные практики, мы начинаем говорить о «злоупотреблении»? Мы уже начали описывать злоупотребление в терминах легитимности: злоупотребление властью – это *нелегитимное* использование власти. Такой анализ вскоре должен привести нас к основам социального и политического анализа. Злоупотребление властью, таким образом, означает нарушение фундаментальных норм и ценностей в интересах тех, у кого есть власть и против интересов других людей. Злоупотребление властью означает нарушение социальных и гражданских прав людей. В сфере дискурса и коммуникации к таким правам относится право быть (хорошо) образованным, хорошо информированным и т. д. ... Мы знаем из истории, что существовало большое количество расистских, сексистских и классовых законов и стандартов, так что закон как таковой не гарантирует легитимность в силу того, что мы применяем иные нормы и критерии. Это относится даже к формулированию международных прав человека, которые, как мы знаем, тоже менялись в ходе истории. Другими словами, как и все наши нормы, ценности и знания, стандарты легитимности – относительны, меняются в историческом и межкультурном аспектах, даже если мы постоянно признаем их универсальными...

Примеры расистского сообщения. А что если газета освещает, например, мародерство во время «бунтов», совершаемое черными молодыми людьми, как это случалось в Великобритании и США и о чем я пишу в своей книге «Расизм и СМИ»? Очевидно, что освещение преступных деяний представителей меньшинств не является само по себе ни проявлением расизма, ни нарушением их гражданских прав, даже если подобное «негативное» сообщение может поддерживать этнические предрассудки среди большинства белых людей. Мы должны применить детальный анализ текста и контекста для того чтобы убедиться, что то или иное сообщение является расистским. Так, в случае с нашим примером, сообщение может быть идентифицировано как более или менее расистское, если оно отвечает следующим условиям:

- если представлены негативные действия только черных молодых людей, а не другой молодежи или же полиции;
- если негативные действия черных молодых людей акцентированы (с помощью гипербол, метафор), а действия полиции деакцентированы (например, с помощью эвфемизмов);
- если действия выражены в специфических «этнических» и «расовых» терминах, а не в таких, как, например, «молодежь», «малоимущие», «мужчины» и прочих более релевантных терминах;
- если бунты, мародерство и насилие представлены как самостоятельные события вне социальных причин, например, как следствие ча-

стных преследований со стороны полиции или в более широком контексте бедности и дискриминации;

- если газета систематически публикует расистские материалы, а значит, вероятно, следует политике негативных сообщений о меньшинствах;

- если используются только или преимущественно «белые» источники информации, которые обвиняют черную молодежь и оправдывают действия полиции.

Мы видим, что нормы, которые нарушаются, не противоречат друг другу. Напротив, они составляют часть профессиональных норм адекватного освещения событий, которые требуют сбалансированной репрезентации события, объяснения их в терминах социальных причин и контекстов и функции контроля над недопущением злоупотребления властью агентами государственных силовых структур. Журналисты знают и должны знать о возможных последствиях расистских сообщений о сообществах меньшинства, а значит, они должны быть очень внимательны в отношении соблюдения общих норм профессиональной журналистики. Они не должны ни закрывать глаза на преступления, совершаемые меньшинствами, ни подвергать себя самоцензуре, а лишь следовать установленным профессиональным нормам освещения других.

Источник: Тен А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.

Вопросы: Какие признаки расистского дискурса вы можете назвать? Опишите методику критического дискурс-анализа. Какую роль, с точки зрения автора играет контекст? В каком значении использованы понятия легитимность / нелегитимность? Можно ли сказать, что ценности всегда относительно? Каким образом складываются и тиражируются стереотипы? О каких исторических и межкультурных аспектах пишет ван Дейк?

Fairclough N. Analysing Discourse Textual analysis for social research. p. 23–25.

Social events, social practices, social structures. We shall come back to agency later, but I want to focus for the moment on the relationship between social events, social practices and social structures. The approach reflects recent work I have done in collaboration with sociological theorists on discourse within a ‘critical realist’ philosophy of science (Fairclough, Jessop and Sayer 2002).

Social structures are very abstract entities. One can think of a social structure (such as an economic structure, a social class or kinship system, or a language) as defining a potential, a set of possibilities. However, the relationship between what is structurally possible and what actually happens, between structures and events, is a very complex one. Events are not in any simple or direct way the effects of abstract social structures. Their relationship is mediat-

ed – there are intermediate organizational entities between structures and events. Let us call these ‘social practices’. Examples would be practices of teaching and practices of management in educational institutions. Social practices can be thought of as ways of controlling the selection of certain structural possibilities and the exclusion of others, and the retention of these selections over time, in particular areas of social life. Social practices are networked together in particular and shifting ways – for instance, there has recently been a shift in the way in which practices of teaching and research are networked together with practices of management in institutions of higher education, a ‘managerialization’ (or more generally ‘marketization’, Fairclough 1993) of higher education. Language (and more broadly ‘semiosis’, including for instance signification and communication through visual images) is an element of the social at all levels.

Schematically:

Social structures: languages;

Social practices: orders of discourse;

Social events: texts.

Languages can be regarded as amongst the abstract social structures to which I have just been referring. A language defines a certain potential, certain possibilities, and excludes others – certain ways of combining linguistic elements are possible, others are not (e.g. ‘the book’ is possible in English, ‘book the’ is not). But texts as elements of social events are not simply the effects of the potentials defined by languages. We need to recognize intermediate organizational entities of a specifically linguistic sort, the linguistic elements of networks of social practices. I shall call these **orders of discourse** (see Chouliaraki and Fairclough 1999, Fairclough 1992). An order of discourse is a network of social practices in its language aspect. The elements of orders of discourse are not things like nouns and sentences (elements of linguistic structures), but discourses, genres and styles (I shall differentiate them shortly). These elements select certain possibilities defined by languages and exclude others – they control linguistic variability for particular areas of social life. So orders of discourse can be seen as the social organization and control of linguistic variation.

There is a further point to make: as we move from abstract structures towards concrete events, it becomes increasingly difficult to separate language from other social elements. In the terminology of Althusser, language becomes increasingly ‘overdetermined’ by other social elements (Althusser and Balibar 1970). So at the level of abstract structures, we can talk more or less exclusively about language – more or less, because ‘functional’ theories of language see even the grammars of languages as socially shaped (Halliday 1978). The way I have defined orders of discourse makes it clear that at this intermediate level we are dealing with a much greater ‘overdetermination’ of language by other

social elements – orders of discourse are the *social* organization and control of linguistic variation, and their elements (discourses, genres, styles) are correspondingly not purely linguistic categories but categories which cut across the division between language and ‘nonlanguage’, the discursal and the non-discursal. When we come to texts as elements of social events, the ‘overdetermination’ of language by other social elements becomes massive: texts are not just effects of linguistic structures and orders of discourse, they are also effects of other social structures, and of social practices in all their aspects, so that it becomes difficult to separate out the factors shaping texts.

Источник: Fairclough N. *Analysing Discourse Textual analysis for social research*. London, New York: Routledge, 2004. 270 p.

Вопросы: Какова связь между социальными событиями, практиками, структурами? Приведите примеры социальной структуры. Можно ли говорить о взаимовлиянии языковых и социальных процессов? Уточните разницу между категориями порядок / беспорядок дискурса у Фуко, Водак и Фэркло. Поясните формулировку «текст – это элемент социального события».

Foucault M. L'ordre du discours.

Il existe évidemment bien d'autres procédures de contrôle et de délimitation du discours. Celles dont j'ai parlé jusqu'à maintenant s'exercent en quelque sorte de l'extérieur; elles fonctionnent comme des systèmes d'exclusion ; elles concernent sans doute la part du discours qui met en jeu le pouvoir et le désir.

On peut, je crois, en isoler un autre groupe. Procédures internes, puisque ce sont les discours eux-mêmes qui exercent leur propre contrôle; procédures qui jouent plutôt à titre de principes de classification, d'ordonnement, de distribution, comme s'il s'agissait cette fois de maîtriser une autre dimension du discours: celle de l'événement et du hasard.

Au premier rang, le commentaire. Je suppose, mais sans en être très sûr, qu'il n'y a guère de société où n'existent des récits majeurs qu'on raconte, qu'on répète et qu'on fait varier ; des formules, des textes, des ensembles ritualisés de discours qu'on récite, selon des circonstances bien déterminées ; des choses dites une fois et que l'on conserve, parce qu'on y soupçonne quelque chose comme un secret ou une richesse. Bref, on peut soupçonner qu'il y a, très régulièrement dans les sociétés, une sorte de dénivellation entre les discours: les discours qui «se disent» au fil des jours et des échanges, et qui passent avec l'acte même qui les a prononcés ; et les discours qui sont à l'origine d'un certain nombre d'actes nouveaux de paroles qui les reprennent, les transforment ou parlent d'eux, bref, les discours qui, indéfiniment, par-delà leur formulation, sont dits, restent dits, et sont encore à dire. Nous les connaissons dans notre système de culture: ce sont les textes religieux ou juridiques, ce sont aussi ces textes curieux, quand on envisage leur statut, et qu'on appelle «littéraires»; dans une certaine mesure des textes scientifiques.

Il est certain que ce décalage n'est ni stable, ni constant, ni absolu. Il n'y a pas, d'un côté, la catégorie donnée une fois pour toutes, des discours fondamentaux ou créateurs ; et puis, de l'autre, la masse de ceux qui répètent, glosent et commentent. Bien des textes majeurs se brouillent et disparaissent, et des commentaires parfois viennent prendre la place première. Mais ses points d'application ont beau changer, la fonction demeure ; et le principe d'un décalage se trouve sans cesse remis en jeu. L'effacement radical de cette dénivellation ne peut jamais être que jeu, utopie ou angoisse. Jeu à la Borges d'un commentaire qui ne sera pas autre chose que la réapparition mot à mot (mais cette fois solennelle et attendue) de ce qu'il commente ; jeu encore d'une critique qui parlerait à l'infini d'une oeuvre qui n'existe pas. Rêve lyrique d'un discours qui renaît en chacun de ses points absolument nouveau et innocent, et qui reparaît sans cesse, en toute fraîcheur, à partir des choses, des sentiments ou des pensées. Angoisse de ce malade de Janet pour qui le moindre énoncé était comme « parole d'Évangile », recélant d'inépuisables trésors de sens et méritant d'être indéfiniment relancé, recommencé, commenté : « Quand je songe, disait-il dès qu'il lisait ou écoutait, quand je songe à cette phrase qui va encore s'en aller dans l'éternité et que je n'ai peut-être pas encore tout à fait comprise. »

Mais qui ne voit qu'il s'agit là chaque fois d'annuler un des termes de la relation, et non point de supprimer le rapport lui-même ? Rapport qui ne cesse de se modifier à travers le temps ; rapport qui prend à une époque donnée des formes multiples et divergentes ; l'exégèse juridique est fort différente (et ceci depuis bien longtemps) du commentaire religieux ; une seule et même oeuvre littéraire peut donner lieu, simultanément, à des types de discours très distincts : l'Odyssee comme texte premier est répétée, à la même époque, dans la traduction de Bérard, dans d'indéfinies explications de textes, dans l'Ulysse de Joyce.

Pour l'instant je voudrais me borner à indiquer que, dans ce qu'on appelle globalement un commentaire, le décalage entre texte premier et texte second joue deux rôles qui sont solidaires. D'une part, il permet de construire (et indéfiniment) des discours nouveaux : le surplomb du texte premier, sa permanence, son statut de discours toujours réactualisable, le sens multiple ou caché dont il passe pour être détenteur, la réticence et la richesse essentielles qu'on lui prête, tout cela fonde une possibilité ouverte de parler. Mais, d'autre part, le commentaire n'a pour rôle, quelles que soient les techniques mises en oeuvre, que de dire enfin ce qui était articulé silencieusement là-bas. Il doit, selon un paradoxe qu'il déplace toujours mais auquel il n'échappe jamais, dire pour la première fois ce qui cependant avait été déjà dit et répéter inlassablement ce qui pourtant n'avait jamais été dit. Le moutonnement indéfini des commentaires est travaillé de l'intérieur par le rêve d'une répétition masquée : à son horizon, il n'y a peut-être rien d'autre que ce qui était à son point de départ, la simple récitation. Le commentaire conjure le hasard du discours en lui faisant la part : il permet bien de dire autre chose que le texte même, mais à condition que ce soit ce texte

même qui soit dit et en quelque sorte accompli. La multiplicité ouverte, l'aléa sont transférés, par le principe du commentaire, de ce qui risquerait d'être dit, sur le nombre, la forme, le masque, la circonstance de la répétition. Le nouveau n'est pas dans ce qui est dit, mais dans l'événement de son retour.

Je crois qu'il existe un autre principe de raréfaction d'un discours. Il est jusqu'à un certain point le complémentaire du premier. Il s'agit de l'auteur. L'auteur, non pas entendu, bien sûr, comme l'individu parlant qui a prononcé ou écrit un texte, mais l'auteur comme principe de groupement du discours, comme unité et origine de leurs significations, comme foyer de leur cohérence.

Источник: Foucault M. L'ordre du discours. URL: <http://libertaire.free.fr/Foucault64.html>.

Вопросы: Опишите механизм «контроля речи» и «разрежения дискурса», с точки зрения Фуко. В чем выражен процесс несоответствия, диссонанса между дискурсами? Почему один и тот же источник может порождать разные дискурсы? Поясните роль и статус «комментария» и «автора» в концепции Фуко.

Жижек С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно. С. 77–86.

По Гегелю, повторение играет особую роль в истории: когда нечто случается лишь однажды, от этого можно отмахнуться, как от простой случайности, как от того, чего можно избежать при улучшении управления ситуацией; но когда подобное событие повторяется, это становится знаком того, что мы имеем дело с серьезной исторической неизбежностью. Когда Наполеон впервые потерпел поражение в 1813 году, это выглядело так, словно ему просто не повезло; когда он потерпел поражение во второй раз в битве при Ватерлоо, стало ясно, что его время прошло... Разве не то же самое происходит при продолжающемся финансовом кризисе? Когда он впервые ударил по финансовым рынкам в сентябре 2008 года, это казалось простой случайностью, которую можно устранить с помощью лучшего регулирования и т. д.; сейчас, когда накапливаются признаки повторяющегося финансового кризиса, становится очевидным, что мы имеем дело со структурными проблемами.

Как в столь запутанной ситуации понять, что именно происходит? Еще в 1930-х годах Гитлер предложил антисемитизм в качестве нарративного объяснения для всех бед, с которыми столкнулись простые немцы: безработица, упадок морали, социальные волнения... за всем этим стояли евреи. Обращение к «еврейскому заговору» все проясняло, поскольку предлагало очень простую «когнитивную картографию». Разве сегодня ненависть к мультикультурализму и иммигрантской угрозе не выполняет ту же функцию сходным образом? Происходят странные вещи, возникает финансовый кризис, который влияет на нашу повседневную жизнь, но воспринимается как нечто совершенно непонятное, – и неприятие мультикультурализма привносит в ситуацию ложную ясность: эти назойливые

иностранцы разрушают наш образ жизни... Таким образом, есть тесная взаимосвязь между подъемом антимигрантских настроений в западных странах (которые достигли вершины в кровавой оргии Андреаса Брейвика) и продолжающимся финансовым кризисом: возможность уцепиться за этническую идентичность служит щитом от травмирующего засасывания в водоворот непрозрачной финансовой абстракции – настоящее «инородное тело», которое не может быть ассимилировано, в конечном счете есть inferнальный самодвижущийся механизм самого Капитала.

Есть нечто и в идеологическом самооправдании Брейвика, и в реакциях на совершенные им убийства, что заставляет нас задуматься. Манифест этого христианского «марксиста-охотника», который убил более 70 человек в Осло, – это, конечно, НЕ бред сумасшедшего; это просто проявление «европейского кризиса», который служит (более или менее) скрытым основанием для набирающего силу антимигрантского популизма. Не сообразности манифеста являются симптомами внутренних противоречий, присущих такому взгляду на вещи...

Хотя продолжающийся кризис Европейского Союза выглядит как экономический и финансовый, на самом деле в своей основе это идеологически политический кризис: провал референдума о конституции Европейского Союза пару лет назад был ясным сигналом о том, что избиратели воспринимают его лишь как «технократическое» экономическое объединение, лишённое какого-либо мобилизующего проекта. Вплоть до недавних протестов единственной идеологией, способной мобилизовать людей, была защита Европы от мигрантов...

В фильме Эрнста Любича «Ниночка» есть замечательная диалектическая шутка: герой входит в кафе и заказывает кофе без сливок, официант отвечает: «Прошу прощения, у нас закончились сливки. Могу ли я подать вам кофе без молока?» В обоих случаях клиент получает только кофе, но это «просто кофе» в каждом случае сопровождается различным отрицанием, сначала это кофе-без-сливок, потом – кофе-без-молока. Мы сталкиваемся здесь с логикой дифференциации, в которой отсутствие само по себе выступает как положительная черта – этот парадокс отлично иллюстрируется старым югославским анекдотом о черногорце (в бывшей Югославии жители Черногории считались лентяями): Почему парень из Черногории, ложась спать, ставит рядом с кроватью два стакана, один полный и один пустой? Потому что он слишком ленив, чтобы заранее подумать, захочется ли ему ночью пить... Особенность этого анекдота состоит в том, что отсутствие само по себе отмечается как нечто положительное: недостаточно иметь один полный стакан воды, ведь, если черногорец не будет испытывать жажду, он может просто проигнорировать его – этот негативный факт должен быть отмечен наличием пустого стакана, т. е. отсутствие потребности в воде материализуется в пустоте ста-

кана. Зачем мы тратим время на все эти диалектические анекдоты? Потому что они в чистом виде показывают нам, как работает идеология в наши якобы постидеологические времена. Для того чтобы выявить так называемые идеологические искажения, необходимо отмечать не только то, что было сказано, но сложное взаимодействие того, что было сказано, и того, о чем умолчали: что именно из несказанного проявилось в том, о чем сказали, – получили ли мы кофе без сливок или кофе без молока?

Источник: Жижек С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно. М.: Издательство «Европа», 2012. 272 с.

Вопросы: Почему анализ Жижека можно обозначить как «когнитивное картографирование»? Как связаны экономические и культурные процессы? Согласны ли вы с рассуждениями автора? В чем особенность постидеологичности? Как «диалектические шутки», упомянутые Жижекком, раскрывают тему, о которой он пишет. Почему они именуется именно так?

Практические задания

Задание 1. Критический дискурс-анализ текста СМИ (на выбор).

1) Ознакомьтесь с вариантами изучения новостного дискурса. 2) Попробуйте на основе методик Н. Фэрклоу, Т. ван Дейка и Р. Водак проанализировать новостное сообщение.

(Дейк ван Т. Анализ новостей как дискурса. С. 111-160 // Язык. Познавание. Коммуникация. М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса: пер. с англ. Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2009. 356 с. Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? Пер. с англ. Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр» / Е. Н. Кочергина, О. В. Гритчина. 2018. 404 с.)

Задание 2. Ознакомьтесь с основными положениями диссертационного исследования Е. И. Шейгал «Семиотика политического дискурса». Заполните таблицу наиболее показательными примерами, сформулируйте 2–3 особенности конкретного жанрового пространства дискурса.

Ведущая интенция	Политический дискурс	Пример (фрагмент текста)	Особенности текста
Ритуальные жанры	Инаугурационная речь		
	Юбилейная речь		
	Традиционное радиобращение		
Оrientационные жанры	Партийная программа		
	Манифест		
	Конституция		
	Отчетный доклад		

	Указ		
	Соглашение		
Агональ- ные жанры	Лозунг		
	Рекламная речь		
	Предвыборные дебаты		
	Парламентские дебаты		

(Е. И. Шейгал. Семиотика политического дискурса. С. 11)

Задание 3. Прочитайте и переведите текст, предложенный для анализа лингвистом, специалистом в области дискурс-анализа Н. Фэрклоу. Текст представляет собой расширенную выдержку из интервью между Маргарет Тэтчер и Майклом Чарльтоном, которое состоялось на радио Би-би-си 3 17 декабря 1985 г.). 1) Попробуйте применить к его анализу дескриптивный и критический подходы. Что меняется в вашем видении текста в зависимости от подхода? 2) Охарактеризуйте историко-политический контекст интервью (в чем заключалась политика тетчеризма, опишите социально-экономическое положение Великобритании указанного периода, опишите партийную систему). Каково значение ответов на эти вопросы для процедуры дискурс-анализа? 3) Ответьте на вопросы, которые автор адресует читателям интервью.

А) Какие реляционные значения имеют текстовые объекты? Существуют ли несоответствия в реляционных ценностях, которые могли бы указывать на новую артикуляцию типов дискурса? Охарактеризуйте использование в тексте местоимений «мы», «вы». Каковы реляционные значения словарных единиц? Найдите примеры эвфемизмов. Что подразумевается под категориями «простые, обычные люди», «народ»?

В) Какое значение имеют текстовые признаки с точки зрения субъектной позиции? Существуют ли несоответствия, которые могли бы указывать на новую артикуляцию типов дискурса? Какова модальность текста, как говорящий проявляет свою власть, какие обязательства он артикулирует? Кто контролирует ход интервью, как вы это поняли? Можно ли сделать умозаключения относительно невербальной коммуникации говорящих? Влияет ли внешний вид коммуницирующих на ход интервью?

С) Какие значения имеют текстовые признаки по отношению к предметным позициям членов аудитории? Существуют ли противоречия, которые могли бы указывать на новую перестройку типов дискурса?

Е) Можно ли сказать, что между интервьюируемым и интервьюером есть борьба?

(N. Fairclough. *Language and power*. 1989. P. 172-175. URL: https://www.researchgate.net/publication/49551220_Language_and_Power)

Задание 4. Согласно М. Фуко, можно выделить ряд этапов дискурс-анализа. А) Анализ формирования объектов. В) Анализ формирования мо-

дальностей высказывания. С) Реконструкция исторического процесса создания связанной совокупности понятий в рамках дискурсивного поля. D) Анализ формирования тем (стратегий). 1) Изучите варианты использования подхода Фуко на практике, принадлежащие следующим авторам: Г. Кендалл и Г. Уикхэм (Kendall, Wickham, 1999); М. Эррайбес-Айлон и В. Уокердайн (Arribas-Ayllon, Walkerdine, 2008). В чем особенности взгляда на анализ дискурса самого Фуко и ученых, представляющих фукодианскую традицию? Ответ представьте в виде сравнительной таблицы.

Задание 5. Проанализируйте связи между прагмемами. Приведите свои примеры, заполнив все четыре колонки.

+UN	-UN	+DIF	-DIF
мир	соглашательство	борьба	вражда
единство	примиренчество	боевитость	раскол
сплоченность	всепрошение	непримиримость	антагонизм
содружество	капитулянтство	наступательность	конфронтация
равенство	внеклассовость	классовость	воинственность
братство	космополитизм	бескомпромиссность	агрессивность
миролюбие	блокирование	размежевание	милитаризм
разрядка	альянс	дифференциация	реваншизм
коллективизм	стадность	соревнование	национализм
бесклассовость	обезличка		индивидуализм
интернационализм	уравнительство		

Эпштейн М. Н. Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса). URL: https://lk.msu.ru/uploads/attachments/attachment_624_1491389970.pdf.

Задание 6. Социальные стереотипы 1) Попробуйте в формате схемы составить максимально полную классификацию стереотипов. В классификации социальных стереотипов используйте следующие: коллективные, индивидуальные, культурные, автостереотипы, гендерные, национальные, профессиональные, др. 2) Приведите примеры определений понятия «стереотип», о чем говорить такая разница в трактовках? 3) Приведите примеры стереотипов в разных культурах. 4) Попробуйте сформулировать стереотипное суждение и контраргумент к нему. Например: «Есть без ножа и вилки не культурно» – «Традиции различны в различных странах. Во многих восточных странах люди едят руками. В других странах люди пользуются столовыми приборами и палочками»

(1. Чеканова С. А. Роль стереотипов в межкультурном общении // Бурочкина Е. Н. E-Prime: язык идущий в ногу со временем // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2017. № 12. С. 263–265.

2. *Современные научные исследования и инновации. 2011. № 5. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2011/09/2340>*)

Задание 7. «Образ мигранта в медиадискурсе». Хронологические рамки 2000–2015. Работа в микрогруппах. Отечественные и зарубежные СМИ (печатанные и электронные) – на выбор. План: 1) охарактеризовать профиль издания, отобрать публикации; 2) выписать заголовки; 3) выписать упоминаемые страны; 4) выписать слова и словосочетания, характеризующие самих мигрантов и их действия; 5) сделать выводы относительно образа мигрантов и социокультурных процессов, в контексте которых формируется образ мигранта; 6) обосновать уместность использования понятий «репрезентация» или «конструкция».

(Клименко Е. В. Изобретение чужого и конструирование границ: «интеграция мигрантов» в российской прессе. С. 382–389 // Нации и этничность в гуманитарных науках. Этнические, протонациональные и национальные нарративы: формирование и репрезентация / под ред. А. Х. Даудова, С. Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2017. 398 с.)

Задание 8. Определение мифологем и идеологем в тексте. Типы текста (на выбор): 1) выступление политика; 2) художественный текст. План: сформулируйте рабочее определение обоих понятий; выберите текст и оцените его на предмет присутствия мифологем и идеологем; выпишите мифологемы и идеологемы; попробуйте классифицировать и проанализируйте функционирование мифологем и идеологем в данном тексте.

(Амиров В. М. Агитационный предвыборный сверхтекст: организация содержания и стратегии реализации: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 228 с.)

Задание 9. Правопопулистский дискурс и глобальная проблема межкультурной коммуникации. На основе работ Рут Водак и собственного анализа новостной хроники, связанной с деятельностью современных правых европейских партий, сформулируйте 1) признаки правопопулистского дискурса; 2) причины кризиса национальных идентичностей. 3) Какую роль в конструировании образа «своих» и «чужих» играет экономическая, политическая, религиозная современная ситуация в мире? 4) Объясните, почему исследование Р.Водак называется «Политика страха».

(Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? Пер.с англ. Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр» / Е. Н. Кочергина, О. В. Гритчина. 2018. 404 с.)

ГЛАВА 4. КОГНИТИВНЫЙ ПОВОРОТ

Когнитивный подход в социально-гуманитарном знании

Факторы когнитивизации науки и философии. «Когнитивный поворот» фиксирует очередной междисциплинарный синтез и подчеркивает важное значение психологии, философии в понимании человека и общества. На перемены в научных и философских исследованиях общества и коммуникации оказал ряд факторов. 1) В процессе изучения природы языка отдельное внимание уделяется связи с мышлением, сознанием, телом. 2) Происходит антропологизация и социализация философской гносеологии. 3) Неклассическая эпистемология обращается к анализу когнитивных процессов. 4) Формирование нового типа объекта научного познания, соотношение между объектом и субъектом познания меняется в сторону субъективизации процесса познания [Завьялова, с. 5].

«Когнитивный подход» предполагает перейти на новую ступень анализа коммуникации. Помимо описания и анализа структуры дискурса следует попытаться смоделировать структуру сознания субъектов коммуникации. Моделирование когнитивной основы дискурса возможно через обращение к фреймам, концептам, метафорическим моделям, стереотипам, предубеждениям, которые характерны для «говорящих субъектов».

Экзистенциально-герменевтический подход. Герменевтика фактичности Хайдеггера обусловила философскую герменевтику Гадамера. Понимание – это способ существования субъекта. Именно язык является пространством реализации понимания, в том числе Другого. Язык становится априорным условием понимания [Коваль, Крюкова, с. 105]. Человеческое бытие обусловлено языком.

«Понимание» как процедура и процесс имеет онтологический статус. Хайдеггер и Гадамер являются мыслителями, которые оказали влияние на синтез лингвистического, онтологического и когнитивного поворотов, в рамках которых язык понимается как культурно-исторический феномен, взаимодействующий с мышлением. «Проговаривание» вскрывает особенности мышления. Через язык проявляются традиции культуры и менталитет «говорящего субъекта». «Экзистенциально-онтологический фундамент языка есть речь» [Хайдеггер, с. 160]. Когнитивные процедуры понимания соединены с экзистенциальностью коммуникативного события.

Когнитивно-поведенческий подход в психологии сформировался под влиянием экзистенциальной философии как альтернатива психоанализу и бихевиоризму. Значительную роль в его становлении сыграли теории Адлера и Хорни. В рамках нового подхода внимание уделяется когнитивной сфере, воздействующей на эмоции и поведение человека. Основными представителями, развивающими данный подход являются: А. Эллис, А. Бек, Мейхенбаум, А. Лазарус, У. Глассер [Камалетдинова].

Познавательные процессы и их связь со сферой сознания изучали Р. Аткинсон, Г. Саймони, Д. Брунер. На личность влияют «схемы» или когнитивные структуры, представляющие собой позиции субъекта. Схемы начинают быть устойчивыми когнитивными структурами, когда активизируются при определенных стимулах, стрессах, обстоятельствах.

Одна из базовых идей когнитивной науки заключается в том, что мышление оперирует внутренними ментальными репрезентациями. Когнитивная лингвистика опирается на когнитивную психологию, адаптируя ее терминологический аппарат: например, концептуальные и когнитивные модели. К вариантам репрезентаций ученые относят также сценарии, фреймы, планы [Тимохова, с. 117–118].

Помимо установления связи между языком, мышлением и сознанием, важной задачей когнитивного подхода является анализ корреляции «язык – идеология», что сближает «онтологический» и «когнитивный» «повороты» в изучении коммуникации.

Идеология обуславливает ментальные схемы субъекта, определяет его вербальное и невербальное поведение, с точки зрения лингвистики, можно выявить не только стратегии и приемы коммуникации (речевые приемы), но импликации и пресуппозиции.

Когнитивная лингвистика: предпосылки. Проблемы языка являются в рамках нашей темы основными, поэтому отдельно остановимся на опыте лингвистики по интерпретации позиций языка в структуре науки. Когнитивная лингвистика является междисциплинарной областью и активно использует экспериментальные данные психологии, социологии, философии, нейрофизиологии, политологии, теории искусственного интеллекта и др. Формирование и развитие дисциплины можно рассматривать не только как результат становления когнитивной парадигмы, но и как этап языкознания. Связующей фигурой для обеих линий развития дисциплины стала фигура Нозма Хомского. С позиции Т. Скребцовой, можно выделить некоторые вехи эволюции лингвистической мысли, остановимся на основных достижениях этих этапов. 1) Лексическая семантика является ядром когнитивной лингвистики, получает развитие историко-филологическая семантика (1870 г.). 2) Формируется историко-этимологический и психологический взгляд на проблемы лексического значения (рубеж XIX–XX вв.). Семасиология еще не является самостоятельной областью знания. Язык интерпретируется в тесной связи с психикой. Учитываются внеязыковые факторы. 3) Складывается структурная лингвистика, семиология Соссюра (1916 г.). Язык трактуется как система взглядов. Язык – единственный объект лингвистики. 4) Развивается трансформационная порождающая грамматика Н. Хомского (1957 г.), «хомкианская революция». Обращение к явлениям, которые являются ненаблюдаемыми. Язык – ментальный, психический феномен. Сближе-

ние языкознания с когнитивной психологией. 5) В формальных теориях языка, в отличие от грамматики языка Хомского, делается акцент не на психологии, а на логике [Скребцова, с. 16–29].

С последней четверти XX в. можно говорить об установлении когнитивной парадигмы в науке. Основными представителями являются Дж. Лакофф, Ч. Филлмор, Э. Рош, Р. Лангакер, Л. Талми, Ж. Фоконье, Е. Кубрякова. Одной из задач когнитивных исследований является изучение связи между языковыми и когнитивными структурами и процессами.

Проблема телесности и Другого в феноменологии и когнитологии

Проблема восприятия, опыта и соотношения между «духом» и «материей», взаимодействие телесного и психического сохраняют свою актуальность на протяжении всей истории философии и современной когнитологии. Взаимодействие субъекта и мира Мерло-Понти трактует с феноменологических позиций, развивая идеи Гуссерля [Мерло-Понти, с. 5–22]. В основе теории Мерло-Понти – пересечение целого ряда направлений и подходов: экзистенциализм, гештальт-психология, бихевиоризм, психоанализ, патопсихология. Специфический взгляд на тело выражен в ряде тезисов. 1) Тело является естественным продолжением мира. 2) С помощью тела происходит символизация мира и проектирование мира. 3) Тело – фактор познания [Демченко, Гончаров, с. 13, 16–18]. Воспринимающее тело, перцептивное сознание, представляют собой синтез тела и разума. Речевая деятельность субъекта – способ восприятия Другого. С помощью коммуникации мы конституируем Другого. Телесный характер речевой деятельности, языковое выражение как самоутверждение субъекта актуализируют проблему соотношения «языкового субъективизма» и «языкового объективизма» [Йосипенко, с. 16–21].

Проблема телесности получает новое прочтение в современных исследованиях. В рамках когнитивной лингвистики разрабатывается теория «телесного разума» («воплощенного разума»). С точки зрения Дж. Лакоффа, морфология тела, особенности его функционирования и перемещения обуславливают категоризацию мира. Телесный ум определяет то, как человек может помыслить себя и действительность. Метафоры, с помощью которых человек представляет мир, актуализируют особенности мышления в разные эпохи и могут быть поняты как индикатор соматических процессов.

Когнитивные исследования метафор. В когнитивной лингвистике метафоры представляют собой концептуальные метафоры, которые являются не просто образным языковым средством, а феноменом мышления и культуры. Мышление является метафоричным. Анализ проявлений языка через метафоры позволяет интерпретировать особенности сознания и понятийной системы человека. Таким образом, важно, в каких

терминах человек обсуждает ту или иную тему. Регулярность оперирования конкретными образами свидетельствует о наличии в сознании соответствующей концептуальной метафоры, например, «спор – война», «любовь – путешествие» (структурные метафоры), «счастье – верх», «печаль – низ» (ориентационные метафоры), «инфляция – сущность» (онтологические метафоры) [Лакофф, Джонсон, с. 147, 35, 50]. 1) Концептуальные метафоры позволяют сложные процессы и явления описать через простые и понятные примеры; 2) Эти примеры связаны с опытом человека, в том числе, с телесным.

Выводы. В когнитивном повороте важную роль играет междисциплинарный синтез. Изменения в изучение того, как можно интерпретировать себя, Другого и окружающий мир коснулись философии, лингвистики, психологии, как следствие, иные трактовки получил процесс коммуникации. В философском аспекте важную роль сыграли идеи Хайдеггера и Гадамера, исследующих связь языка и понимания. Когнитивизм в психологии оказал влияние на лингвистику. Сама лингвистика до когнитивного периода прошла ряд этапов, постепенно сместив акценты с восприятия языка как абстрактной системы на ментальные и психические процессы, установив связь между мышлением, познанием, сознанием. Проблемы телесного опыта и метафорического мышления являются важными направлениями в современной когнитологии. Дискуссии вокруг них подчеркивают их актуальность для всего комплекса социально-гуманитарного знания.

Вопросы и задания по теории

Докажите, что философия Мартина Хайдеггера имеет отношение к «онтологическому» и «когнитивному» «поворотам» в научном познании.

Составьте синхронистическую таблицу о становлении и развитии когнитивной психологии и когнитивной лингвистики. Самостоятельно определите этапы и иные критерии представления информации о дисциплинах.

Какие этапы развития языкознания вы знаете? Какие из них были особенно продуктивными для становления когнитивной лингвистики?

Сравните идеи философов и когнитивных лингвистов (представители – на выбор) о роли телесности в процессе познания окружающего мира.

Докажите, что метафора – это не только способ усиления образности.

Фундаментальные и прикладные аспекты когнитологии

Теория прототипов и проблема категоризации. Категоризация – важная процедура для мышления человека. Категоризация подразумевает членения потока информации на категории. Классификация явлений подразумевает отнесение явления к какой-либо группе, при категоризации следует определить эти группы, то есть обозначить сами категории.

«Рассуждения», «рассматривание», осуществление деятельности, отдельные действия подразумевают использование категорий. Как правило, категоризация осуществляется автоматически и бессознательно. Классическая теория философии и науки, начиная с Аристотеля, представляет категории как абстрактные внешние «вместилища» [Лакофф, с. 21]. Разработки Э. Рош и эмпирические исследования других ученых перевели категоризацию в ведущую область когнитивных исследований.

Теория прототипов получает развитие в когнитивной психологии в 1970-х гг., и также связана с именем американской исследовательницы Э. Рош. Данная теория оказала влияние на когнитивную семантику. Прототип можно понимать, как минимум, в двух измерениях:

- 1) абстрактный образ, в котором воплощены множество форм некоего объекта (паттерна);
- 2) самый репрезентативный пример понятия, воплощающий его самые типичные черты.

Формирование прототипов можно рассматривать в рамках двух моделей:

1) модель частотных признаков (attribute-frequency model). В прототипе отражены повторяющиеся признаки, характерные для некоторых членов категории. В этой связи прототип может быть усвоен именно за счет повторяющихся признаков в воспринимаемом объекте;

2) модель центральной тенденции (central tendency model). В данной модели находит отражение два подхода, связанные с именем Витгенштейна и Рош [Rosch, p. 30; Лакофф, с. 28–85]. Немецким философом была объяснена идея семейного (фамильного) сходства, согласно которой члены одной и той же категории могут совместно разделять ряд признаков, но всем набором может не обладать ни один из членов категории. Американский психолог описывает центральную тенденцию в формировании прототипа, уделяя внимание базовому уровню категоризации [Витгенштейн, с. 59, 60; Rosch, p. 32].

Проблема генерации ментальных образов. Когнитивная психология изучает образные явления, которые так же можно обозначить ментальными или мысленными образами. Начиная с ранних этапов истории философии и по сегодняшний день проблема репрезентации образов является одной из важных и дискуссионных в науке. Психология образности включает в себя разные аспекты: образная репрезентация, переживание образов, образность стимуляции, образ как фактор деятельности, способность и механизм генерации образа, диагностика образной сферы субъекта. Согласно Т. Ричардсону, можно выделить четыре подхода к описанию роли образов: образ как субъективное переживание (часть феноменального опыта субъекта), образ как внутренняя репрезентация, образ как атрибут стимула, образ как мнемоническая стратегия (одна из

самых популярных стратегий изучения, образ рассматривается в рамках познавательной деятельности человека) [Ричардсон, с. 8].

Когнитологи (например, Ф. Джонсон-Лэрд) используют понятие «ментальная модель», которая является результатом освоения текста и актуализацией знаний о мире. Опыт, сформировавший стереотип того, как поступать в той или иной ситуации, называется «скриптом» [Дарбанов, с. 189].

Когнитивные искажения субъекта. Субъективные интерпретации речи и действий Другого могут обуславливать проблему непонимания, а также вести к конфликтам.

Классик когнитивной поведенческой терапии А. Бек описал виды когнитивных искажений: дихотомическое мышление, катастрофизация, обесценивание позитивного, эмоционального обоснование, наклеивание ярлыков, магнификация / минимизация, мысленный фильтр, чтение мыслей, сверхгенерализация, персонализация, долженствование, тоннельное зрение, произвольное умозаключение, перфекционизм, ложное Я, преувеличение / преуменьшение [Камалетдинова, с. 82, 83].

Кроме того, в когнитивных науках изучают разные грани процесса понимания и интерпретации. Так, инференция – это умозаключение, которое формируют участники коммуникации в процессе интерпретации сообщений. В когнитивной и социальной психологии инференцию рассматривают совместно с каузальной атрибуцией [Голубева, с. 50]. Каузальная атрибуция – приписывание причин в условиях недостатка информации. Существуют следующие виды каузальной атрибуции: личностная, объектная, обстоятельная. Следствием такой атрибуции может являться завышение собственной значимости.

Дискурсивные исследования, помимо общепсихологических аспектов субъективизма и искажений в трактовках Других, затрагивают и политические темы. Так, Рут Водак при описании дискурсивного конструирования национальных идентичностей и правопопулистского дискурса приводит в пример многообразие техник аргументации и стратегий политиков, определяющих мнение избирателей: просчитанная неоднозначность, стратегия смены ролей жертва / преступник, ошибки обобщения, подмена тезиса, стратегия создания образа «козла отпущения», конструирование страха [Водак].

Концепты, паттерны и фреймы как способы интерпретации поведения и коммуникации. В социальном и гуманитарном знании существует разнообразие трактовок обозначенных понятий, разграничив смыслы, мы можем их использовать как инструменты понимания Другого с учетом методологии когнитивной лингвистики, этнометодологии и микроинтеракционизма.

«Концепт» – когнитивный и лингвосоциальный, мыслительный конструкт, единица коллективного сознания. Концепт и понятие можно использовать как синонимы [Лакофф, Джонсон, с. 25]. Существует две трактовки концепта: лингвокогнитивная и лингвокультурная. Концепт может являться следствием сенсорного опыта. Можно выделить ряд подходов: 1) концепты состоят из лексем, их значения формируют национальное языковое сознание; 2) концепты – семантические образования, перечень которых ограничен, может являться характеристикой национального менталитета. Можно выделить разные группы концептов: универсальные, этнические / национальные, групповые, индивидуальные [Ангелова, с. 5].

«Фрейм» представляет собой, с одной стороны, набор институтов, институциональную структуру, закодированную систему, матрицу, интерпретационную схему (Гофман), с другой – когнитивную структуру (Минский, Филлмор, ван Дейк). Фрейм находится в сфере пересечения социального и психологического, реального и воображаемого, отражает перспективу восприятия субъекта. Являясь неосознаваемым явлением, позволяет составить формальное определение ситуации [Мантуров, с. 56]. Фрейм можно трактовать как концептуальную структуру для представления знаний о типизированной ситуации и типичных свойствах объекта. Фрейм может быть синонимом «сценария». План – конкретизация сценария. Фреймы раскладываются на слоты.

Понятие «паттерн» означает ряд близких явлений: образец, шаблон, схема, модель. Несмотря на различные толкования в разных дисциплинах, можно выделить определенный инвариант: стереотип мышления, который обеспечивает этноидентичность [Савицкая]. История разработки понятия в культурологии связана с такими авторами, как К. Уисслер, Э. Сепир, Р. Бенедикт, М. Херсковиц, А. Кербер, К. Клакхон [Зайдаль].

Мы остановились подробнее именно на трех понятиях, так как «концепт» – одно из самых фундаментальных и глобальных понятий когнитологии, активно используемое в разных областях знания; понятия «фрейм» и «паттерн» помимо когнитивных дисциплин разрабатывались в социологии, антропологии, культурологии, следовательно, имеют противоречия, разные методики изучения и практики использования.

Мы привели лишь некоторые понятия, которые используют в когнитивной науке, относительно которой существуют разные варианты обозначения (когнитивистика, когнитология). 1) Следует отметить проблему соотношения терминов. Например, можно определить разные типы связи между фреймом и концептом (родовидовые отношения, простое – сложное и др. [Соколова, с. 236]. 2) К часто используемым и также дискуссионным, относительно их семантики, можно отнести следующие дефиниции: прототип, категория, образ-схема, гештальт, семантическая сеть, прецедентный феномен, концептуальная оппозиция, габитус и др.

Выводы. Следует различать процесс категоризации и классификации. Процедура категоризации и теория прототипов раскрывает особенности мышления. Субъективное восприятие реальности может вести к когнитивным искажениям. В когнитивной лингвистике существует множество понятий, во-первых, имеющих междисциплинарную связь с разными науками, во-вторых, нуждающихся в четком определении: образ, паттерн, фрейм, концепт, сценарий, слот и др.

Вопросы и задания по теории

Докажите, что в разработке прототипического подхода имеют важное значение философские идеи.

Почему классический подход к категоризации продолжает доминировать в науке?

Какую роль для человека играет образность восприятия?

Чем могут быть вызваны когнитивные искажения субъекта? Как это сказывается на межкультурной коммуникации?

Какие другие варианты определений понятий концепт, фрейм, паттерн вам известны?

Приведите примеры концептов, фреймов и паттернов из области культурологии, социологии, политологии, психологии, истории.

В чем отличия трактовки фрейма в лингвистике и социологии?

Список источников и литературы

Источники

1. Rosch E. Principles of Categorization // Rosch E. & Lloyd B. B. (eds.). Cognition and Categorization. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, (Hillsdale), 1978. P. 27–48.

2. Витгенштейн В. Философские исследования. М.: Издательство «АСТ», 2018. 352 с.

3. Водак Р. Политика страха. Что значит дискурс правых популистов? Пер. с англ. Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр» / Е. Н. Кочергина, О. В. Гритчина. 2018. 404 с.

4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

5. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М., 2004. 792 с. (Язык. Семиотика. Культура).

6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 605 с.

7. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Академический Проект, 2011. 460 с. (Философские технологии).

Литература

1. Ангелова М. М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов. Выпуск 3. М., 2004. С. 3–10.
2. Голубева О. В. Теория эвиденциальности выводного знания: дис. ... доктора филологических наук. Тверь, 2016. 345 с.
3. Дарбанов Б. Е. Модели понимания текста (когнитивный аспект) // Известия вузов Кыргызстана. 2016. № 2. С. 187–191.
4. Демченко Л. М., Гончаров Н. В. Феноменология восприятия и понятие телесности как альтернативный способ раскрытия специфики субъективности в философии М. Мерло-Понти // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 7 (143). С. 13–23.
5. Завьялова М. П. Когнитивный «поворот» в науке и философии // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 2 (18). С. 5–12.
6. Зайдадь Т. В. Паттерн как объект исследования культурной антропологии // Искусство и культура. 2017. № 1 (25). С. 65–68.
7. Йосипенко О. Н. Философия языка Мориса Мерло-Понти: направления эволюции // Философия и социальные науки. 2013. № 2. С. 16–21.
8. Камалетдинова З. Ф. Психологическое консультирование: когнитивно-поведенческий подход: учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / З. Ф. Камалетдинова, Н. В. Антонова. 2-е изд. М.: Издательство «Юрайт», 2019. 211 с. (Серия: Бакалавр. Специалист. Магистр).
9. Коваль О. А., Крюкова Е. Б. Путиями герменевтики Хайдеггера и Гадамера // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 4. С. 99–108.
10. Мантров О. С. Фреймирование и рефрейминг как стратегии конституирования реальности // Социемы. № 21. Екатеринбург, 2015. С. 52–65.
11. Ричардсон Т. Э. Дж. Мысленные образы: Когнитивный подход: пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2006. 175 с.
12. Тимохова Е. И. О факторах, повлиявших на становление когнитивного направления в лингвистике // Язык и культура. 2012. № 1–1. С. 116–119.
13. Савицкая Е. В. Когнитивные паттерны языкового мышления // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 3. Т. 11. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK320.pdf>.
14. Соколова О. В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2007. № 1 (36). С. 236–239.
15. Скребцова Т. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 392 с.

Тексты для самостоятельного анализа

Б. Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку. С. 154–156.

Нормы поведения в культуре Хопи. Поведение людей, говорящих на SAE, как и поведение людей, говорящих на хопи, очевидно, многими путями соотносится с лингвистически обусловленным микрокосмом. Как можно было наблюдать при регистрации случаев пожара, в той или иной ситуации люди ведут себя соответственно тому, как они об этом говорят. Для поведения хопи характерно то, что они придают особое значение подготовке. О событии объявляется, и к нему начинается подготовка задолго до того, как оно должно произойти, разрабатываются соответствующие меры предосторожности, обеспечивающие желаемые условия, и особое значение придается доброй воле как силе, способной подготовить нужные результаты. Возьмем способы исчисления времени. Время исчисляется главным образом «днями» (talk-tala) или «ночами» (tok), причем эти слова являются не существительными, а особой частью речи (tensors); первое слово образовано от корня со значением «свет», второе – от корня со значением «спать». Счет ведется порядковыми числительными. Этот способ счета не применяется к группе различных людей или предметов, даже если они следуют друг за другом, ибо даже в этом случае они могут объединяться в группу. Но этот способ применяется по отношению к последовательному появлению того же самого человека или предмета, не способных объединиться в группу. «Несколько дней» воспринимается не так, как «несколько людей», к чему как раз склонны наши языки, а как последовательное появление **одного и того же человека**. Мы не можем изменить сразу нескольких человек, воздействуя на одного, но Мы можем подготовить и таким образом изменить последующие появления того же самого человека, воздействуя на его появление в данный момент. Так хопи рассматривают будущее – они действуют в данной ситуации так или иначе, полагая, что это окажет влияние, как очевидное, так и скрытое, на предстоящее событие, которое их интересует. Можно было бы сказать, что хопи понимают нашу поговорку “Well begun is half done” («Хорошее начало – это уже половина дела»), но не понимают нашу другую поговорку “Tomorrow is another day” («Завтра – это уже новый день»).

Это многое объясняет в характере хопи. Что-то подготавливающее поведение хопи всегда можно грубо разделить на объявление, внешнюю подготовку, внутреннюю подготовку, скрытое участие и настойчивое проведение в жизнь. Объявление или предварительное обнародование является важной обязанностью особого официального лица – Главного Глашатая. Внешняя подготовка охватывает широкую, открытую для всех деятельность, в которой не все, с нашей точки зрения, является непосредственно

полезным. Сюда входят обычная деятельность, репетиция, подготовка, предварительные формальности, приготовление особой пищи и т. п. (все это делается с такой тщательностью, которая может показаться нам чрезмерной), интенсивно поддерживаемая физическая деятельность, например бег, состязания, танцы, которые якобы способствуют интенсивности развития событий (скажем, росту посевов), мимикрическая и прочая магия, действия, основанные на таинствах, с применением особых атрибутов, как например священные палочки, перья, пища и, наконец, танцы и церемонии, якобы подготавливающие дождь и урожай. От одного из глаголов, означающих «подготовить», образовано существительное «жатва», или «урожай», pa'twani – то, что подготовлено, или то, что готовится.

Внутренней подготовкой являются молитва и размышление и в меньшей степени добрая воля и пожелания хороших результатов. Хопи придают особое значение силе желания и мысли. Это вполне естественно для их микрокосма. Желание и мысль являются самой первой и потому важнейшей, решающей стадией подготовки. Более того, с точки зрения хопи, наши желания и мысли влияют не только на наши поступки, но также и на всю природу. Это также понятно. Мы сами сознаем, ощущаем усилие и энергию, которые вложены в желание и мысль. Опыт более широкий, чем опыт языка, говорит о том, что, если расходуется энергия, достигаются результаты. Мы склонны думать, что мы в состоянии остановить действие этой энергии, помешать ей воздействовать на окружающее до тех пор, пока мы не приступили к физическим действиям. Но мы думаем так только потому, что у нас есть лингвистическое основание для теории, согласно которой элементы окружающего мира, лишённые формы, как например «материя», являются вещами в себе, воспринимаемыми только посредством подобных же элементов и благодаря этому отделёнными от жизненных и духовных сил. Считать, что мысль связывает все, охватывает всю вселенную, не менее естественно, чем думать, как мы все это делаем, так о свете, зажженном на улице. И естественно предположить, что мысль, как и всякая другая сила, всегда оставляет следы своего воздействия. Так, например, когда мы думаем о каком-то кусте роз, мы не предполагаем, что наша мысль направляется к этому кусту и освещает его подобно направленному на него прожектору. С чем же тогда имеет дело наше сознание, когда мы думаем о кусте роз? Может быть, мы полагаем, что оно имеет дело с «мысленным представлением», которое является не кустом роз, а лишь его мысленным заменителем? Но почему представляется естественным думать, что наша мысль имеет дело с суррогатом, а не с подлинным розовым кустом? Возможно, потому, что в нашем сознании всегда присутствует некое воображаемое пространство, наполненное мысленными суррогатами. Мысленные суррогаты – знакомое нам средство. Данный, реально существующий розовый куст мы

воспринимаем как воображаемый наряду с образами мыслимого пространства, возможно, именно потому, что для него у нас есть такое удобное «место». «Мыслительный мир» хопи не знает воображаемого пространства. Отсюда следует, что они не могут связать мысль о реальном пространстве с чем-либо иным, кроме реального пространства, или отделить реальное пространство от воздействия мысли.

Источник: Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. С. 157–201 // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. 464 с.

Вопросы: Чем поведение хопи отличается от поведения человека западной культуры? В чем заключается «этап подготовки» хопи? Каковы особенности понимания времени в культуре хопи? Что Уорф вкладывает в понятие «микрокосм»? Как связан опыт человека и язык? Можно ли применительно к культуре хопи использовать термин «холизм»? Как, с точки зрения автора, связаны мышление, речь, культура?

М. Мерло-Понти. Феноменология восприятия. С. 61–64.

Люди, которых я вижу из окна, скрыты шляпами и плащами, их образ не может отобразиться на моей сетчатке. Я их, следовательно, не вижу, я просто выношу суждения, что они там. Если, вслед за эмпиризмом, определять зрение как овладение каким-то качеством, оставленным на теле стимулом, то самой ничтожной иллюзии, коль скоро она наделяет объект свойствами, которые отсутствуют на моей сетчатке, будет довольно для того, чтобы установить, что восприятие – это суждение. Поскольку у меня два глаза, я должен бы видеть двойной объект, но коль скоро я вижу один объект, значит я выстраиваю из двух образов идею одного объекта на расстоянии. Восприятие становится «толкованием» знаков, которые, согласно телесным стимулам, предоставляют органы чувств, «гипотезой», формулируемой разумом для «объяснения впечатления». Но и в этом случае суждение, введенное для того, чтобы объяснить избыточные в отношении впечатлений на сетчатке восприятия, вместо того чтобы быть самим актом восприятия, схватываемым изнутри доподлинной рефлексией, становится обычным «фактором» восприятия, задачей которого является давать то, чего не знает тело, – вместо того чтобы быть трансцендентальной активностью, оно становится обычной деятельностью логического умозаключения. Тем самым мы оказываемся вне рефлексии, выстраиваем восприятие, вместо того чтобы обнаруживать его функционирование; первоисходная операция, которая накладывает печать смысла на чувственный мир и предшествует любому логическому опосредованию равно как и любой психологической каузальности, вновь от нас ускользает. Из чего следует, что интелектуализм затемняет перцептивные феномены, хотя призван был их разъяснять. В то время как суждение теряет конституирующую функцию и становится принципом объяснения, всякое значение теряют такие слова, как «видеть», «слышать», «чувствовать», поскольку самое ничтожное ви-

дение превосходит чистое впечатление и попадает в общий разряд «суждений». Но между чувствованием и суждением всеобщий опыт проводит четкую линию раздела. В этом отношении суждение – это принятие какой-то позиции, оно нацелено на то, чтобы узнать нечто такое, что ценно для меня в любой момент моей жизни, что будет ценным для других существующих или возможных умов; чувствовать, напротив, – это значит полагаться на явленность, не претендуя ею обладать или знать ее истину. Это различие сходит на нет в интеллектуализме, поскольку суждение действует везде, где нет места чистому ощущению, то есть действительно везде. Свидетельство феноменов, следовательно, нигде не принимается в расчет. Большая картонная коробка кажется мне более тяжелой, чем коробка поменьше, сделанная из того же картона; полагаясь на феномены, я сказал бы, что заранее чувствую ее тяжесть в своей руке. Но для интеллектуализма чувствование – это всего лишь действие на мое тело какого-то реального стимула. В примере с коробкой этого действия не было, из чего следует, что мы не ощущаем тяжесть коробки, но выносим о ней суждение. Этот пример, который, как можно было подумать, призван был проиллюстрировать чувственный характер иллюзии, на деле доказывает, что нет никакого чувственного познания, что мы чувствуем точно так же, как судим. Нарисованный на бумаге куб меняет свой вид в зависимости от того, как на него посмотреть: справа и сверху или слева и снизу. Даже если я знаю, что на него можно посмотреть и так, и сяк, получается, что фигура отказывается изменить свою структуру, и знание лишь со временем подтверждает первичное ощущение. Мы вновь видим, что суждение не совпадает с восприятием. Но альтернатива между ощущением и суждением заставляет признать, что изменение фигуры, коль скоро оно не зависит от «чувственных элементов», каковы, как стимулы, остаются неизменными, может зависеть только от изменения в толковании, что «умопостижение меняет само восприятие», что «явленность обретает форму и смысл по команде». Но ведь если мы видим то, о чем выносим суждение, как следует различать истинное и ложное восприятие? Как после этого мы можем говорить, что человек во власти галлюцинаций или безумец «полагают, что видят то, чего вовсе не видят»? Где линия раздела между «видеть» и «полагать, что видишь»? Если нам ответят, что здравомыслящий человек выносит суждения только на основе каких-то достаточных знаков и целостного материала, мы сделаем вывод о том, что между мотивированным суждением истинного восприятия и пустым суждением ложного восприятия существует все-таки различие, и поскольку это различие содержится не в форме суждения, а в тексте чувственного мира, который оно оформляет, воспринимать – в полном смысле этого слова, отличающим его от слова «воображать», – не значит «выносить суждение», это значит схватывать еще до всякого суждения имманентный чувственному миру смысл. Феномен истинного восприятия

свидетельствует о некоем соприродном знакам значении, в отношении которого суждение является всего лишь необязательной формой выражения. Интеллектуализм не в силах понять ни сам этот феномен, ни имитацию его в иллюзии.

Источник: Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с фр. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 605 с.

Вопросы: В чем заключается сложность процедуры формирования образов? Как эта сложность сказывается на взаимодействии субъектов? Как связаны суждения и восприятия? Возможно ли истинное восприятие? Что автор понимает под «иллюзией»? Можно ли утверждать гармонию между рациональным и чувственным восприятием?

Rosch E. Principles of Categorization. P. 35–37.

The horizontal dimension: internal structure of categories: prototypes. Most, if not all, categories do not have clear-cut boundaries. To argue that basic object categories follow clusters of perceived attributes is not to say that such attribute clusters are necessarily discontinuous.

In terms of the principles of categorization proposed earlier, cognitive economy dictates that categories tend to be viewed as being as separate from each other and as clear-cut as possible. One way to achieve this is by means of formal, necessary and sufficient criteria for category membership. The attempt to impose such-criteria on categories marks virtual definitions in the tradition of Western reason. The psychological treatment of categories in the standard concept-identification paradigm lies within this tradition. Another way to achieve separateness and clarity of actually continuous categories is by conceiving of each category in terms of its clear cases rather than its boundaries. As Wittgenstein (1953) has pointed out, categorical judgments become a problem only if one is concerned with boundaries – in the normal course of life, two neighbors know on whose property they are standing without exact demarcation of the boundary line. Categories can be viewed in terms of their clear cases if the perceiver places emphasis on the correlational structure of perceived attributes such that the categories are represented by their most structured portions.

By prototypes of categories we have generally meant the clearest cases of pry membership defined operationally by people's judgments of goodness of membership in the category. A great deal of confusion in the discussion of prototypes has arisen from two sources. First, the notion of prototypes has tended to become reified as though it meant a specific category member or mental structure. Questions are then asked in an either-or fashion about whether something is or is not the prototype or part of the prototype in exactly the same way in which the question would previously have been asked about the category boundary. Such thinking precisely violates the Wittgensteinian insight that we can judge how clear a case something is and deal with categories on the basis of clear cases in the total absence of information about boundaries. Second, the empirical find-

ings about prototypicality have been confused with theories of processing – that is, there has been a failure to distinguish the structure of categories from theories concerning the use of that structure in processing. Therefore, let us first attempt to look at prototypes in as purely structural a fashion as possible. We will focus on what may be said about prototypes based on operational definitions and empirical findings alone without the addition of processing assumptions.

Perception of typicality differences is, in the first place, an empirical fact of people's judgments about category membership. It is by now a well-documented finding that subjects overwhelmingly agree in their judgments of how good an example or clear a case members are of a category, even for categories about whose boundaries they disagree (Rosch, 1974, 1975b). Such judgments are reliable even under changes of instructions and items (Rips, Shoben, & Smith, 1973; Rosch, 1975b, 1975c; Rosch & Mervis, 1975). Were such agreement and reliability in judgment not to have been obtained, there would be no further point in discussion or investigation of the issue. However, given the empirical verification of degree of prototypicality, we can proceed to ask what principles determine which items will be judged the more prototypical and what other variables might be affected by prototypicality.

In terms of the basic principles of category formation, the formation of category prototypes should, like basic levels of abstraction, be determinate and be closely related to the initial formation of categories. For categories of concrete objects (which do not have a physiological basis, as categories such as colors and forms apparently do – Rosch, 1974), a reasonable hypothesis is that prototypes develop through the same principles such as maximization of cue validity and maximization of category resemblance as those principles governing the formation of the categories themselves.

In support of such a hypothesis, Rosch and Mervis (1975) have shown that the more prototypical of a category a member is rated, the more attributes it has in common with other members of the category and the fewer attributes in common with members of the contrasting categories. This finding was demonstrated for natural language superordinate categories, for natural language basic level categories, and for artificial categories in which the definition of attributes and the amount of experience with items was completely specified and controlled. The same basic principles can be represented in ways other than through attributes in common. Because the present theory is a structural theory, one aspect of it is that centrality shares the mathematical notions inherent in measures like the mean and mode. Prototypical category members have been found to represent the means of attributes that have a metric, such as size (Reed, 1972; Rosch, Simpson, & Miller, 1976).

In short, prototypes appear to be just those members of a category that most reflect the redundancy structure of the category as a whole. That is, if categories form to maximize the information-rich cluster of attributes in the envi-

ronment and, thus, the cue validity or category resemblance of the attributes of categories, prototypes of categories appear to form in such a manner as to maximize such clusters and such cue validity still further within categories.

It is important to note that for natural language categories both at the superordinate and basic levels the extent to which items have attributes common to the category was highly negatively correlated with the extent to which they have attributes belonging to members of contrast categories. This appears to be part of the structure of real-world categories. It may be that such structure is given by the correlated clusters of attributes of the real world. Or such structure, may be a result of the human tendency once a contrast exists to define attributes for contrasting categories so that the categories will be maximally distinctive. In either case, it is a fact that both representativeness within a category and distinctiveness from contrast categories are correlated with prototypicality in real categories. For artificial categories, either principle alone will produce prototype effects (Rosch et al., 1976b; Smith & Balzano, personal communication) depending on the structure of the stimulus set. Thus to perform experiments to try to distinguish which principle is the one that determines prototype formation and category processing appears to be an artificial exercise.

Tversky formalizes prototypicality as the member or members of the category with the highest summed similarity to all members of the category. This measure, although formally more tractable than that of cue validity, does not take account, as cue validity does, of an item's dissimilarity to contrast categories. This issue is discussed further later.

Источник: Rosch E. Principles of Categorization // Rosch E. & Lloyd V. B. (eds.). Cognition and Categorization. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, (Hillsdale), 1978. P. 27–48.

Вопросы: Какую роль категоризация играет в культуре? Чем должны отличаться категории, чтобы считаться разными? Что такое «прототип категории» и «степень прототипичности»? Какие эмпирические исследования приводит автор в подтверждении своих тезисов? Как связаны члены категории? Есть ли общее во взглядах Рош и Витгенштейна?

W. Kontrastive Diskurslinguistik – sprach – und kulturkritisch durch Vergleich. S. 328-330.

3 Zum Verständnis der kontrastiven und interkulturellen Linguistik

Im Folgenden soll kurz skizziert werden, wie die kontrastive und interkulturelle Linguistik bislang ihren Forschungsgegenstand und ihre Arbeitsmethoden bestimmt und wie sie außerdem mit dem Deskriptions- und Kritikbegriff umgeht.

Zunächst im Allgemeinen zur kontrastiven Linguistik: Die kontrastive Linguistik erlebte in den 60er und 70er Jahren des 20. Jahrhunderts ihre Blütezeit. Mit der Entwicklung und Etablierung der auf unterschiedlichen Grammatikmodellen basierenden Konzepte für die Systemvergleiche unterschied-

dlicher Sprachen wuchs auch der Optimismus hinsichtlich der Anwendungsmöglichkeiten der aus den kontrastiven Analysen gewonnenen Erkenntnisse, insbesondere im Bereich der Fremdsprachendidaktik und Übersetzungswissenschaft. Aufgabe einer solchen Disziplin sollte das Erhellern von Kontrasten zwischen zwei oder mehreren Sprachen sein mit dem Ziel „der Erforschung sprachlicher Teilsysteme im Sinne einer stärker problem- als modellorientierten Schau“ (Kühlwein/Wilss 1981: 8). Als Grundsatz der kontrastiven Linguistik galt die Annahme, die Strukturen der Muttersprache im Spiegel der Fremdsprache deutlicher offenlegen zu können, sowie die Forderung, sowohl in theoretischen Arbeiten zur Kontrastivität als auch in praktischen Untersuchungen den anwendungsbezogenen Stellenwert hervorzuheben. Wiktorowicz, der z.B. die Verben des Tötens im Deutschen und Polnischen verglich, legitimierte das Ziel seiner Arbeit folgendermaßen: „[V]or allem aber hat die konfrontative Analyse einen praktischen Aspekt, denn die gewonnenen Erkenntnisse bei der Konfrontation lexikalisch-semantischer Paradigmen zweier Sprachen können im Fremdsprachenunterricht bei der Vermittlung lexikalisch-semantischer Einheiten ausgewertet werden“ (Wiktorowicz 1985: 109). Für die Zwecke der Fremdsprachendidaktik und Übersetzungswissenschaft sollten allerdings die aus kontrastiven Studien gewonnenen Ergebnisse weiter operationalisiert werden. Es stellte sich aber heraus, dass weder der praxisorientierte Optimismus noch die Erwartungen an neue theoretische Ansätze für die Linguistik lange aufrechterhalten werden konnten. Mitte der 80er Jahre schreibt Grucza (1986) dazu Folgendes:

Die gegenwärtige Situation der kontrastiven Linguistik ist durch zwei, ihr gegenüber teilweise entgegengesetzte, Verhaltensweisen gekennzeichnet: Auf der einen Seite halten die meisten Linguisten, die kontrastive Studien betreiben, auf die eine oder andere Art an einem glottodidaktischen Anspruch ihrer Disziplin fest. [...] Auf der anderen Seite wird gegenwärtig die sprachpraktische Relevanz der kontrastiven Linguistik von den Vertretern der Glottodidaktik meist nur sehr gering eingeschätzt; manchmal wird sie aber ganz geleugnet. (Ebd.: 262).

Die Ursache für die Geringschätzung und Leugnung lag nach Grucza darin begründet, dass der kontrastiven Linguistik Ziele gesetzt wurden, die außerhalb ihrer Möglichkeiten lagen. Ihre Aufgabenstellung orientierte sich nicht nach den Bedürfnissen des Fremdsprachenunterrichts, sondern nach der Thematisierung von sprachlichen Problemstellungen theoretischer und deskriptiver Art.

Eine systemorientierte kontrastive Linguistik sah sich zweifelsohne dem deskriptiven Primat stark verpflichtet. Ihre Methoden bestanden darin, die sprachlichen Phänomene aus der Perspektive eines bestimmten Grammatikmodells zu beschreiben, gegenüberzustellen und Unterschiede sowie Gemeinsamkeiten aufzulisten. Als Beispiele können hier die kontrastiven Arbeiten zum Tempussystem (Czochralski 1975), zum Modussystem (Czarnecki 1977, 1985) oder zu einzelnen Wortarten im Polnischen und im Deutschen (u.a. Bzdęga 1980) gelten.

Mit der pragmatischen und kognitiven Wende haben sich allerdings die theoretischen und methodologischen Rahmenbedingungen insoweit geändert, als Sprache nicht nur als Zeichensystem, sondern nunmehr auch als Handlungsmittel und Mittel der Wirklichkeitskonstituierung erachtet wurde und die Sprachanalyse damit eine verstärkte Berücksichtigung des kulturellen und sozialen Kontextes erforderte. Entgegen den Erwartungen hat aber diese Wende die Methodik der vergleichenden Analysen nicht erleichtert. Schwierigkeiten ergaben sich vor allem aus dem Mangel an einer stringenten Vergleichskategorie sowie aus der Unsicherheit, angemessen mit den Ergebnissen von einzelnen kontrastiven Untersuchungen zurechtzukommen. Damit verbunden war die Befürchtung, durch das Interpretieren der Unterschiede das wissenschaftliche Feld zu verlassen. Zwar stellten die Sprechaktheorie und die soziolinguistische Höflichkeitsforschung einige Analyseraster zur Verfügung, aber deren Erklärungspotenzial für das Kulturspezifische hielt sich in engen Grenzen. Aus diesem Grund fragte Steger (1991) in seinem gleichnamigen Aufsatz: Was kontrastieren wir eigentlich in der kontrastiven Pragmatik? Die Frage bezog sich sowohl auf den Gegenstand als auch auf die Methodologie des Vergleichs, denn die Frage der Vergleichbarkeit, die für die kontrastive Linguistik grundlegend ist, musste im pragmalinguistischen und kognitiven Kontext neu definiert werden. Die Strukturalisten fragten dagegen: WAS wird auf Basis WELCHEN Grammatikmodells, welcher Theorie und Termini zunächst beschrieben und dann verglichen?

Источники: 1) Czachur W. Kontrastive Diskurslinguistik – sprach- und kulturkritisch durch Vergleich. URL: <https://ru.scribd.com/document/418689855/discourse-Diskurs> 2) Czachur W. Diskursive Weltbilder im Kontrast. Linguistische Konzeption und Methode der kontrastiven Diskursanalyse deutscher und polnischer Medien. Wrocław. 2011. 310 s.

Вопросы: В чем заключается назначение контрастивной лингвистики? Какую помощь культурологу и социологу может оказать данная дисциплина? Какую роль играет метод сравнения в гуманитарных и социальных исследованиях? Какие существуют проблемы в развитии данной отрасли, чем они вызваны? Автор приводит примеры на основе исследования языковой культуры Польши и Германии. К каким выводам он приходит? Приведите примеры компаративных исследований русской языковой картины мира.

Практические задания

Задание 1. Проанализируйте данные таблицы. Попробуйте привести аналоги примеров когнитивных паттернов из русского языка.

Когнитивный паттерн «Тело человека»

Часть тела	Устойчивый словесный оборот	Значение
brain (мозг)	the brain of the nation (мозг нации)	интеллигенция
vessel (сосуд)	the blood vessel system of society (кровеносная система общества)	сети
nerve (нерв)	the nerve center of the nation (нервный центр нации)	коммуникации сельское хозяйство
arm (рука)	strong arm of the law (сильная рука закона)	полиция
eyes, ears (глаза, уши)	the nation's eyes and ears (глаза и уши нации)	служба разведки
heart (сердце)	the heart of the nation (сердце нации)	поэзия
mouth (рот)	the mouth of society (глотка нации)	
backbone (костяк)	the backbone of society (костяк общества)	СМИ
muscle мышца	the national muscles (мускулатура нации)	рабочий
cell (клетка)	the cell of society (ячейка общества)	класс
head (голова)	the head of state (глава государства)	армия и флот
body (тело)	the official body (букв. «официальное тело»)	семья
organism	the social organism (общественный организм)	президент орган власти социум

(Савицкая Е. В. Когнитивные паттерны языкового мышления // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 3. Т. 11. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/26FLSK320.pdf>)

Задание 2. На основе когнитивной модели А. Бека составьте схему из следующих категорий: глубинные убеждения, промежуточные убеждения, автоматические мысли, эмоции, поведение, ситуация.

Задание 3. Заполните таблицу, раскрывающую общие и специфические характеристики лингвокультурологии и когнитивной лингвистики.

Дисциплина	Общие черты	Особенные черты
Лингвокультурология		
Когнитивная лингвистика		

(Янмурзина Р. Р. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты различия // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 1. С. 132–135)

Задание 4. Понятие «советский человек» можно представить как концепт. Проанализируйте данные социологических служб и сформулируйте характерные признаки «советскости». Согласны ли со следующими утверждениями: данный концепт хронологически не совпадает с периодом существования советского государства, «советский человек» – это

идеологический и культурный конструкт, «массовость» и «образ рабочего» – одни из эталонных характеристик «советского человека».

(Николаева М. Ф. «Советский человек» как культурологическая категория. С. 261–269 // Концепты культуры и концептосфера культурологии: коллективная монография / под ред. Л. В. Никифоровой, А. В. Коневой. СПб.: Астерион, 2011. 381 с.)

Задание 5. Проанализируйте мотивы, характерные для русской языковой картины мира. Согласны ли вы с данными формулировками? Какие доказательства вы можете привести в пользу / против данных утверждений? Какие методы и источники могут быть использованы при изучении языковой картины мира?

1. Идея непредсказуемости мира (а вдруг, на всякий случай, если что, авось; собираюсь, постараюсь; угораздило; добираться; счастье).

2. Представление, что главное – это собраться (чтобы что-то сделать, необходимо мобилизовать свои внутренние ресурсы, а это трудно) (собираюсь, заодно).

3. Представление о том, что для того чтобы человеку было хорошо внутри, ему необходимо большое пространство снаружи (удаль, воля, раздолье, размах, ширь, широта души, маяться, неприкаянный, добираться).

4. Внимание к нюансам человеческих отношений (общение, отношения, попрек, обида, родной, разлука, соскучиться).

5. Идея справедливости (справедливость, правда, обида).

6. Оппозиция «высокое – низкое» (быт – бытие, истина – правда, долг – обязанность, добро – благо, радость – удовольствие, счастье).

7. Идея, что хорошо, когда другие люди знают, что человек чувствует (искренний, хохотать, душа нараспашку).

8. Идея, что плохо, когда человек действует из соображений практической выгоды (расчетливый, мелочный, удаль, размах).

(Цит. по Гунина Л. А. Этноспецифические концепты как отражение национального характера. С. 172 // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 97. С. 169–175).

Задание 6. Попробуйте составить список национальных ценностей и провести сопоставительный лингвокультурологический анализ традиционных ценностей (культуры – на выбор) на основе фразеологического и паремиологического материала. При интерпретации значения идиом учитывайте ментальные операции коммуникантов: обмен денотативной информацией, сообщение и восприятие оценки происходящего, получение впечатление от образа, формирование эмоционального отношения.

(Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропологический код культуры. М.: Ленанд, 2019. 400 с.)

Задание 7. Авторитарный потенциал личности и социально-психологические детерминанты этнической идентичности. 1) Ознакомьтесь с первой главой работы Т. Адорно «Исследование авторитарной личности». Опишите методику, цели, выводы, полученные автором. Что из себя представляет опросник Адорно и коллектива авторов? Что такое F-шкала? 2) Ознакомьтесь с иными методиками, позволяющими исследовать типы этнической идентичности: «Типы этнической идентичности» Г. У. Солдатовой, С. В. Рыжовой; «Индекс толерантности» Г. У. Солдатовой; «Акцентуации личности» К. Леонгарда (модификация Г. Шмишека); «Шкала базисных убеждений» Янофф Бульман в адаптации М. А. Падун и А. В. Котельниковой. В чем их особенность? Что между ними общего? 3) Попробуйте составить план своего эмпирического исследования: цель, задачи, объект, предмет, гипотеза, выборка, методика.

(1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Астрель, 2012. 473 с. 2. Денисова Д. М. Шкала F как инструмент исследования авторитарного потенциала личности // Труды СПИИРАН. 2012. Вып. 2 (21). С. 228–237. 3. Корнеева Т. В., Поддубный С. Е. Социально-психологические детерминанты этнической идентичности молодежи // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2019. Том 4. № 3 (15). С. 193–211).

Задание 8. Ответьте на вопросы опросника. Проанализируйте полученные результаты.

Экспресс-опросник «Индекс толерантности»

Бланк методики

Инструкция: *Оцените, пожалуйста, насколько Вы согласны или не согласны с приведенными утверждениями, и в соответствии с этим поставьте галочку или любой другой значок напротив каждого утверждения:*

	№	Утверждение	Абсолютно не согласен	Не согласен	Скорее не согласен	Скорее согласен	Согласен	Полностью согласен
I.	1.	В смешанных браках обычно больше проблем, чем в браках между людьми одной национальности						

	2.	К кавказцам станут относиться лучше, если они изменят свое поведение							
	3.	Нормально считать, что твой народ лучше, чем все остальные							
	4.	Я готов принять в качестве члена своей семьи человека любой национальности							
	5.	Я хочу, чтобы среди моих друзей были люди разных национальностей							
	6.	К некоторым нациям и народам трудно хорошо относиться							
	7.	Я могу представить чернокожего человека своим близким другом							
	Итого:								
II.	8.	В средствах массовой информации может быть представлено любое мнение							
	9.	Нищие и бродяги сами виноваты в своих проблемах							
	10.	С неопытными людьми неприятно общаться							
	11.	Всех психически больных людей необходимо изолировать от общества							
	12.	Беженцам надо помогать не больше, чем всем остальным, так как у местных проблем не меньше							
	13.	Для наведения порядка в стране необходима «сильная рука»							
	14.	Приезжие должны иметь те же права, что и местные жители							
15.	Любые религиозные течения имеют право на существование								

	Итого:							
III.	16.	Если друг предал, надо отомстить ему						
	17.	В споре может быть правильной только одна точка зрения						
	18.	Даже если у меня есть свое мнение, я готов выслушать и другие точки зрения						
	19.	Если кто-то поступает со мной грубо, я отвечаю тем же						
	20.	Человек, который думает не так, как я, вызывает у меня раздражение						
	21.	Беспорядок меня очень раздражает						
	22.	Я хотел бы стать более терпимым человеком по отношению к другим						
	Итого:							
Общий итог:								

(Гришина А. В., Зеленов А. А., Лунин С. Л. Диагностика влияния этнической идентичности на формирование этнических ауто- и гетеростереотипов у беженцев и вынужденных переселенцев из регионов локальных военных конфликтов и принимающего населения: учебно-методическое пособие. М.: КРЕДО, 2016. 28 с. С. 10, 11)

Задание 9. Анализ словарей. 1) Реконструкция аспектов народной (региональной) культуры. Используйте исторический и региональный словари. 2) Реконструкция аспектов региональных особенностей языкового сознания. Предложите критерии и этапы исследования.

(1. Демидова К. И. Комплексный тематический словарь лексики современных русских говоров Урала: учебное пособие / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2015. 309 с. 2. Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь: (Европейская часть России): в 2 т. М.: Моск. Междунар. Академия, 2018. Т. 1: от стимула к реакции. 544 с.)

Задание 10. Работа в микрогруппах. Определение метафор в тексте. Типы текста: 1) выступление политика 2) художественный текст 3) эко-

номический анализ 4) научно-популярный текст 5) философский текст. Выберите фрагмент текста из обозначенных типов текста (до 2000 знаков). План анализа: 1) Выявить метафорические модели 2) Определить группы моделей: антропоморфные, природоморфные, социоморфные, др. 3) Определить фреймы внутри модели.

Задание 11. Прототипы и стереотипы на основе медиадискурса. План: 1) Выбрать социальную сеть и паблик, охарактеризовать тематическое наполнение, профиль, целевую аудиторию. 2) На основе интернет-комментариев выявить примеры слов и словосочетаний, указывающих на социальный стереотип (разновидность стереотипа – на выбор). 3) Сопоставить полученные результаты с данными, представленными в теории прототипов (лучшим представителем категории).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трактовка понятий «культура» и «межкультурная коммуникация» по обозначенным «поворотам» и уровням позволяет анализировать проблемы взаимодействия между субъектами с разных сторон (субъект, институт, цивилизация), тем самым объединив классическое и динамическое понимание культуры. Понимание субъекта как коммуниканта (с учетом дискурсивной практики – актора) и исследователя коммуникации обуславливает использование в заданиях аутентичных текстов на английском, немецком и французском языках с целью актуализации смысла прочитанного, проблемы перевода научного текста. Показательным примером является издания работ М. Фуко, традиция интерпретаций идей которого представляется разрозненной, и важно, чтобы студент попробовал самостоятельно понять и объяснить переведенные и прочитанные идеи.

Коммуникацию следует понимать, как процесс взаимодействия между субъектами. Коммуникация реализуется в форматах «речи», «текста» и «дискурса». При разном соотношении обозначенных дефиниций в логике данного учебно-методического издания «речь» актуализирует вербальный и невербальный компонент, «текст» представляет собой преимущественно лингвистический феномен, «дискурс» позволяет аккумулировать экстралингвистические факторы, определяющие динамику взаимодействия между субъектами.

Межкультурная коммуникация и проблема понимания условного Другого может быть представлена по разным уровням (микро-, мезо-, макро-) и в оптике «поворотов» в науке (лингвистический, визуальный, онтологический, когнитивный).

Понятие «культура» мы понимаем предельно широко, при этом согласны с «формулой» Бирстедта, что культура – это то, что люди думают, делают и чем владеют.

Проблемы межкультурной коммуникации показаны через субъектов, которые являются сторонними наблюдателями, аналитиками, исследователями, которым коммуникация важна и интересна как процесс, нуждающийся в анатомировании и понимании. Также «сбои» и «проблемы» данного процесса выражены через акторов самого процесса, «инсайдеров», которые вовлечены в коммуникативные и дискурсивные отношения не только с исследовательской целью (теория), но и с целью проявить свою коммуникативную и дискурсивную компетенцию, приняв и выработав оптимальное решение в сложной ситуации (теория и практика).

Несмотря на разные аспекты, через которые мы просматриваем особенности исследования (теория) и реализации (практика) процесса коммуникации, мы сможем выделить ряд общих свойств для обоих субъектов (исследователя и актора).

Современная межкультурная коммуникация характеризуется сложностью, многоуровневостью и нелинейностью. Как следствие, нуждается в междисциплинарном анализе, поэтому четыре поворота позволяют сформулировать следующие общие ее (концептуальные) характеристики.

Мы предлагаем следующие корреляции между содержанием «поворота» в изучении межкультурной коммуникации и его проявлением в практических действиях субъекта и акцентах в соответствующих типах исследований: «лингвистический поворот» (язык – речь, текст), «визуальный поворот» (изображение – образ), «онтологический поворот» (бытие, институт – дискурс), «когнитивный поворот» (сознание – прототип, концепт, фрейм).

Сами проблемы, которые сопровождают процесс коммуникации, вне зависимости от того, какая сфера из четырех представленных нас интересует (язык, изображение, бытие, сознание), можно представить общими проблемами, связанными с бинарной оппозицией «свой – чужой»: понимание Другого, самоидентификация; частными ситуациями: социальная дистанция, культурное невнимание, интолерантность, незнание контекста. Как следствие, в процессе межкультурной коммуникации возможны ошибочные вербальные и невербальные интерпретации; формирование и воспроизводство стереотипов и предубеждений; проявления этноцентризма и др.

Для специалиста в сфере межкультурной коммуникации важным является обе составляющие: способность изучить процесс коммуникации и сбои, возникающие на уровне анализа текста, дискурса, образа и сознания, а также способность среагировать на сложную ситуацию.

Научные «повороты» связаны между собой, проблематика изучения коммуникации и отдельные аспекты являются смежными. Идеология (визуальный и онтологический), образ (визуальный и когнитивный), власть (визуальный, онтологический, когнитивный) и т. д.

При этом есть противоположные элементы в представленных теориях, позволяющие с разных сторон подходить к одному и тому же явлению. Например, классический подход и экспириенциализм; репрезентационный и нерепрезентационный характер видеометодологии.

Использование смежных теорий и методик исследования, а также терминологии, характерных для разных «поворотов», позволяет показать связь между ними, дает возможность раскрыть процесс межкультурной коммуникации в междисциплинарной парадигме.

Учебное издание

А. М. Олешкова

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

При оформлении обложки
использована репродукция гравюры А. Дюрера
«Четыре всадника Апокалипсиса» (ок. 1496 г.)

Подписано в печать 29.04.2022. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.

Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 6,4. Уч.-изд. л. 6,7.

Тираж 500. Заказ 5331.

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе
Уральского государственного педагогического университета.

620091 Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26.

E-mail: uspu@uspu.ru